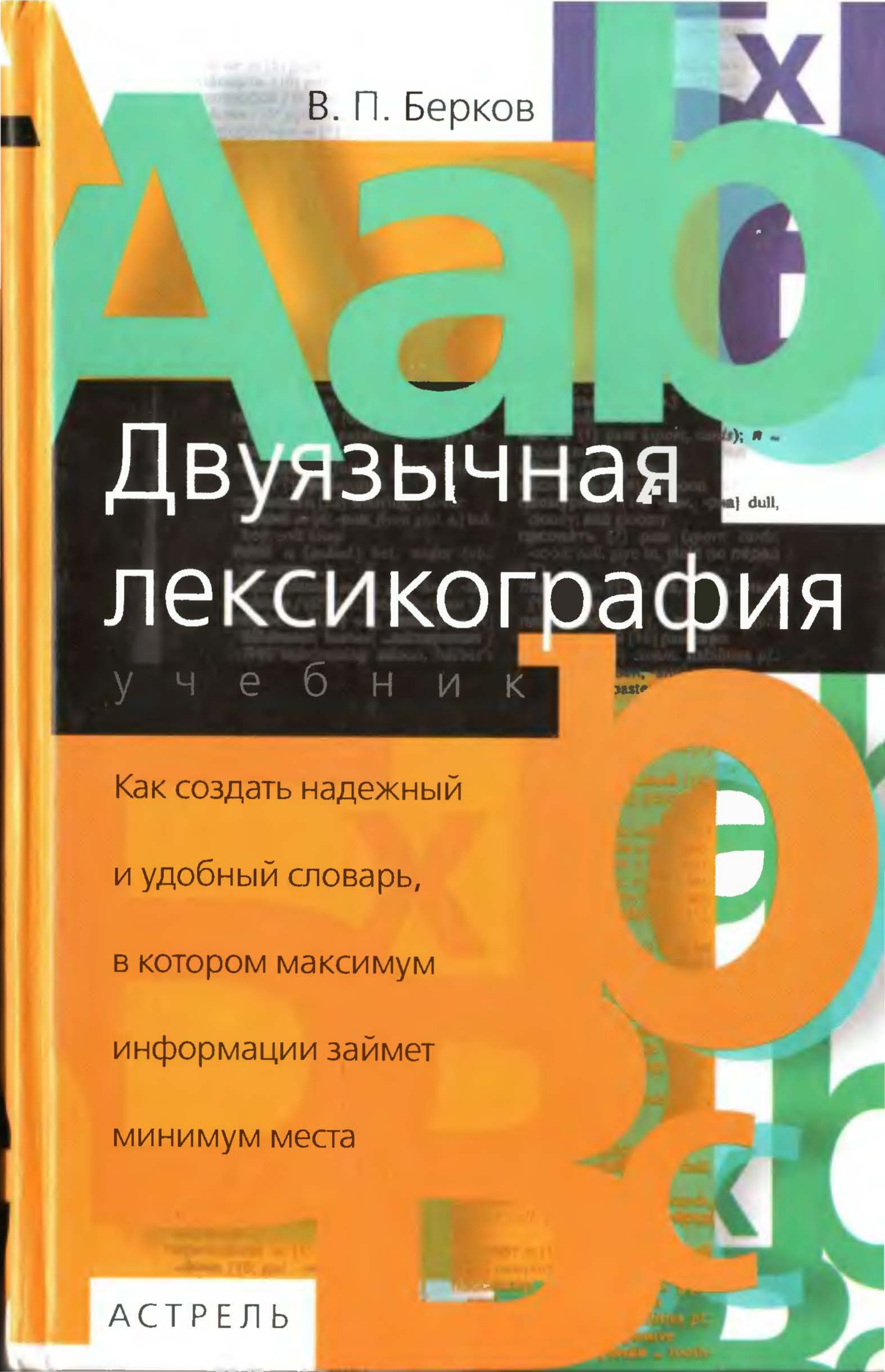

В. П. Берков

Двуязычная лексикография

учебник

Как создать надежный и удобный словарь, в котором максимум информации займет минимум места

АСТРЕЛЬ

В.П. Берков

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Учебник

Допущено Учебно-методическим советом по направлению 522800 – искусства и гуманитарные науки УМО вузов РФ по образованию в области математического обеспечения и администрирования информационных систем (СПбГУ) в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

2-е издание,
переработанное и дополненное

Москва
Астрель • АСТ
Транзиткнига
2004

УДК 81(075.8)
ББК 81.2=923
Б 48

Рецензенты:
д-р филол. наук В.М. Павлов
(Ин-т лингвистических исследований РАН)
проф. Б.С. Жаров (С.-Петербургский университет)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета С.-Петербургского университета

Компьютерный дизайн обложки студии «Дикобраз»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.04.2004.
Формат 84×108[1]/32. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 12,60. Тираж 5000 экз. Заказ 1809.
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953005 – литература учебная
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Берков В.П.
Б48 Двуязычная лексикография: Учебник / В.П. Берков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 236, [4] с.
ISBN 5-17-024733-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-09377-8 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-0993-4 (ООО «Транзиткнига»)

В учебнике рассматриваются различные стороны и этапы работы над двуязычным словарем.

Исследуется проблематика, связанная с составлением филологических словарей большого и отчасти среднего объема: разработка словника, построение словарной статьи, подбор эквивалентов (особое внимание уделяется вопросу безэквивалентной лексики), дополнения к словарю.

Для студентов-филологов, а также начинающих лексикографов.

УДК 81(075.8)
ББК 81.2=923

ISBN 5-17-024733-8
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-09377-8
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-0993-4
(ООО «Транзиткнига»)

От автора

Лексикография, словарная работа — видимо, древнейший вид лингвистической деятельности человека: обнаружены двуязычные словари, которым около четырех тысяч лет. Однако серьезных работ по теории лексикографии, по сравнению с работами в других областях языкознания, немного. Причин этого парадоксального явления несколько, но останавливаться на всех них здесь нет ни возможности, ни необходимости. Назовем лишь одну: лексикография не считается «престижным» разделом лингвистики, и крупные исследователи редко обращаются к лексикографической проблематике. Счастливых исключений из этой печальной закономерности очень мало.

Настоящая книга является первым в России — и, видимо, в мире — практическим пособием, учебником по двуязычной лексикографии. Она предназначена, в первую очередь, для лиц, создающих двуязычные словари, для лексикографов вообще, а также для широкого круга лингвистов. Одновременно она является учебником по курсам «Теоретическая лексикология и лексикография» и «Практическая лексикография», читаемым студентам, специализирующимся по теории языкознания, а также по разделу «Лексикография» университетского курса «Введение в языкознание», читаемого студентам всех филологических специальностей.

В 1973 г. в издательстве Ленинградского университета вышла книга автора «Вопросы двуязычной лексикографии. Словник». В 1977 г. таллиннское издательство «Валгус» выпустило продолжение работы под названием «Слово в двуязычном словаре».

В этих работах автор изложил свое понимание теоретической проблематики двуязычной лексикографии и, исходя из него, предложил некоторые нетрадиционные решения.

Эти лексикографические идеи были в значительной мере реализованы им в его большом (более 175 авт. листов) «Русско-норвежском словаре» (далее РНС), который был опубликован в 1987 г. в издательстве «Русский язык». Характерно, что этот

словарь, изданный тиражом около 5000 экземпляров, менее чем за четыре года был полностью распродан как в России, так и в Норвегии. В 1994 г. университетское издательство Осло («Universitetsforlaget») выпустило 2-е дополненное издание этого словаря. Оно также разошлось, и потребовалась допечатка.

С 1993 г. автор возглавлял группу норвежских и российских сотрудников, готовивших «Большой норвежско-русский словарь» (БНРС, Осло, 2003). Курс лекций, прочитанный автором для составителей словаря, лег в основу данного учебника.

В настоящей книге, в отличие от названных выше, упор делается не на теоретическую сторону проблематики и не на аргументацию в пользу тех или иных решений, а на практику разработки переводных словарей, т.е. книга представляет собой именно у ч е б н и к двуязычной лексикографии.

Книга рассчитана на читателя, не имеющего специальной лексикографической подготовки.

В ней рассматривается проблематика, связанная с обычными филологическими словарями большого и — в меньшей мере — среднего объема.

* * *

Лексикография — это и наука, и искусство. Словарь должен быть надежным и удобным. В нем должен быть воплощен основной лексикографический принцип — «м а к с и м у м и н ф о р м а ц и и н а м и н и м у м е м е с т а — без ушерба для интересов читателя». Чтобы создавать такие словари, нужно, естественно, овладеть специальными знаниями, усвоить ряд приемов. Однако самое, пожалуй, основное в двуязычном словаре — подбор точных переводных эквивалентов — в значительной мере искусство, где, в конечном счете, все решает языковое чутье автора словаря (и, разумеется, его практическое владение обоими языками и добросовестность). В сфере переводной лексикографии ситуация некоторым образом сходна с ситуацией в области художественного перевода: чтобы хорошо переводить, надо многое знать, овладеть определенными приемами, но само по себе это еще не обеспечивает полного успеха, не гарантирует высокого качества и адекватности перевода.

Лексикограф, создающий двуязычный словарь, как бы прокладывает огромное множество путей — дорог, дорожек и тропок — между двумя народами. От того, как точно проложены им эти дороги, дорожки и тропки, зависит, правильно ли пойдут многие тысячи поверивших ему путников. О них, своих будущих пользователях, лексикограф обязан помнить все время.

Человечеством созданы многие тысячи двуязычных словарей. В них используется множество различных систем подачи материала, часто равноценных, иногда более удачных, иногда менее. Важно, чтобы выбранная система была удобна, понятна для пользователя и проводилась последовательно. По этой причине в предлагаемой вниманию читателя книге будет в основном излагаться одна система подачи материала. Основа этой системы выработалась за много лет в отечественной двуязычной лексикографии в «Издательстве иностранных и национальных словарей», преобразованном впоследствии в Словарную редакцию — сначала издательства «Советская энциклопедия», затем — издательства «Русский язык». Многое, однако, в этой системе было пересмотрено в процессе работы над РНС и БНРС.

Опыт, накопленный лексикографами, работавшими и работающими в разных странах и с разными языками, еще ждет своего обобщения. Ведь существует множество превосходных двуязычных словарей, неизвестных лексикографам, работающим с другими языками и потому порой «изобретающим велосипед», который по качеству нередко уступает давно изобретенным. В свое время (на международном лексикографическом конгрессе в Будапеште в 1989 г.) автор предложил создать под эгидой ЮНЕСКО комиссию по двуязычной лексикографии, которая обобщила бы этот огромный опыт и выработала рекомендации для словарников разных стран. К сожалению, предложение это отклика не нашло. Между тем, в сущности, для каждого типа словарей какой-то вариант является оптимальным — может быть, один из уже созданных, может быть, тот, который еще предстоит создать. Выработка таких оптимальных словарей-эталонов позволила бы в будущем осуществить на этой основе стандартизацию словарей, что явилось бы большим удобством для пользователей разных стран. Конечно, ввиду различий, порою кардинальных, в структурах языков такая стандартизация не может быть полной, но это не меняет существа дела.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

§ 1. Понятийный аппарат, используемый в книге. В лексикографии используется значительное количество терминов. Так, скандинавский лексикографический словарь (Nordisk leksikografisk ordbok 1997) охватывает почти тысячу понятий. В настоящей книге использованы только те термины, которые в той или иной степени связаны с двуязычной лексикографией.

Входной и выходной языки. При каждом акте перевода, будь то устный или письменный перевод текста, подбор словарного эквивалента и т.д., мы имеем дело с двумя языками. Язык, с к о т о р о г о происходит перевод, принято называть в х о д н ы м, язык, на к о т о р ы й переводят, – в ы х о д н ы м. Так, в русско-немецком словаре входным языком является русский, выходным – немецкий. Иногда – не совсем, правда, корректно – говорят о л е в о й части словаря, подразумевая входной язык, и о п р а в о й, имея в виду выходной.

Словарь может иметь более одного входного и более одного выходного языка.

Общие словари с несколькими входными языками в настоящее время если и издаются, то очень редко: они весьма несовершенны и неудобны в пользовании. В XIX в. и ранее они были относительно частым явлением. Автору довелось познакомиться с одним немецко-французско-англо-итальянско-испанско-португальско-голландско-русским словарем, весьма громоздким и далеким от совершенства.

С несколькими выходными языками теперь издаются преимущественно терминологические словари. Из-за присущей основной массе не-терминов многозначности хорошо сделать общие словари такого типа невозможно.

Бóльшая часть двуязычных словарей является м о н о с к о п а л ь н ы м и (однонаправленными), т.е. словарями с только одним входным и только одним выходным языком (A → B). Таковы, например, словари англо-русский, немецко-французский и т.п. Выпускаются также б и с к о п а л ь н ы е (двунаправленные) словари, т.е. словари, содержащие две части: A → B и B → A, например англо-русский и русско-английский в одном томе. Для бископальных словарей российские лексикографы используют также шутливое название «туда-сюда».

Особый вид двуязычных словарей представляют собою исторические словари типа «древний язык A → современный язык A». По определению двуязычные словари – это словари с разными входным и выходным языками, в рассматриваемом же типе словарей входной и выходной языки – разные этапы одного и того же языка. Однако часто древний язык столь существенно отличается от современного, что плохо понятен или даже совсем непонятен человеку нашего времени. Показателен в этом отношении пример древнеисландского/древненорвежского. В Средние века это был единый язык. (Характерно, что в Норвегии он и поныне называется древненорвежским, например, норвежцы считают, что и исландские саги, и обе «Эдды», и скальдические стихи написаны по-древненорвежски.) Между тем современный исландский язык по сравнению с древнеисландским изменился мало (основные различия лежат в области фонетики, но на письме они практически не отразились), и исландцу нашего времени такой исторический словарь фактически не нужен. Норвежский же язык настолько отличается от древнеисландского/древненорвежского, что последний нынешнему норвежцу без словаря непонятен. Отсюда и ряд древненорвежско-норвежских словарей, например Heggstad 1958. Словари такого типа существуют для многих языков.

Адресат словаря. Пассивный и активный словарь. Под адресатом словаря подразумевается тип пользователя, для которого словарь предназначен. Тип пользователя прежде всего определяется его родным языком. С этим моментом связано одно очень важное различие в типах словарей – деление их на п а с с и в н ы е и а к т и в н ы е. Остановимся на этом подробнее.

Словарь может использоваться для чтения текстов на неродном языке, например, в случае, когда норвежец читает английский текст с помощью англо-норвежского словаря. Для него такой словарь – пассивный. Однако с помощью того же англо-норвежского словаря англоязычный пользователь переводит с родного языка на иностранный, и для него этот словарь – активный. Таким образом, «иностранно-родной» словарь – пассивный, «родно-иностранный» – активный. Используются и другие названия: пассивный словарь называют р е ц е п т и в н ы м, активный – п р о д у к т и в н ы м.

В принципе, пользователи и пассивного и активного словарей ищут в них, в первую очередь, одно и то же – переводные эквиваленты, однако при этом еще и различную дополнительную информацию. Поясним это на примерах. Представим себе, что русский пользователь ищет в русско-норвежском словаре эквивалент слова *пастух*, а норвежский отыскивает в норвежско-русском словаре эквивалент слова gjeter ('пастух'). Обоих, конечно, прежде всего интересуют равенства *пастух* = gjeter и gjeter = *пастух*. Однако помимо этого для русского существенно знать, какую тонему – 1-ю или 2-ю – имеет слово gjeter и какова его парадигма (система форм слова). Норвежскому пользователю эта информация, естественно, не нужна (она ему известна), но ему важно знать, на какой слог падает ударение в русском слове *пастух* и как это слово склоняется. Другой пример. Русскому пользователю, ищущему в русско-норвежском словаре перевод русского слова *интермеццо*, достаточно найти его норвежское соответствие intermesso (+ ударение/тонема и грамматическая характеристика), но для норвежца равенства *интермеццо* = intermesso недостаточно, поскольку слово intermesso в норвежском – не только музыкальный термин, но также имеет значение 'неприятный эпизод', которое у русского эквивалента отсутствует. Таким образом, как явствует из этих элементарных примеров, если двуязычный словарь ориентирован лишь на носителей одного из данной пары языков, то носители другого не найдут в нем некоторой нужной им информации, и, напротив, учет интересов обеих категорий пользователей приведет к тому, что каждая из этих категорий будет находить в нем много известных ей сведений.

В идеале словарь должен был бы иметь одного адресата, что позволило бы высвободить в нем довольно много места, которое можно было бы использовать для других целей. Для некоторых пар языков такие словари издаются. Так, есть русско-английские словари для русскоязычных пользователей и есть русско-английские словари для англоязычных пользователей. Словари, имеющие одного адресата, называются м о н о д и р е к ц и о н а л ь н ы м и. Однако в силу практических моментов подавляющее большинство двуязычных словарей имеет одновременно двух адресатов, т.е. являются б и д и р е к ц и о н а л ь н ы м и. Чисто материальные моменты не позволяют, к примеру, издать два русско-норвежских словаря – один для русских и другой для норвежцев.

Дело, однако, не только в моментах материальных, вопрос имеет и принципиальную сторону. Лексикограф не может не считаться с тем, что двуязычный словарь не просто пособие, при помощи которого можно осуществлять отдельные, единичные, изолированные акты перевода, и с тем, что человек не «переводящее устройство», которое ничего не запоминает, бесконечное число раз, подобно ЭВМ, извлекает одну и ту же информацию из словаря и не в состоянии реверсировать ее. Напротив, словарь — основной учебник иностранного языка, а человек — существо, обрабатывающее информацию, извлеченную из словаря, и запоминающее ее. Любой изучавший иностранный язык знает, что если слово входного языка $A_{вход}$ может быть переведено на выходной язык словом $A'_{вых}$, то это означает, что, по крайней мере в определенных случаях, слово $A_{вых}$ можно перевести словом $A'_{вход}$ (для простоты изложения не станем рассматривать вопрос о возможной многозначности как слова A, так и слова A'). Информацию о том, в каких случаях допустим обратный перевод A' → A, пользователь может получить (помимо анализа достаточного контекста, в котором ему встретилось слово A') в принципе двумя путями: а) в иноязычно-родном словаре при наличии в нем уточняющих пояснений, например, если русско-немецкий словарь сообщает немецкоязычному пользователю, что рус. *прийти* не просто = нем. kommen, но kommen (zu Fuβ); б) обратившись для проверки к родно-иноязычному словарю. Очевидно, что первый способ получения такой информации предпочтительнее как в силу его большей эффективности с точки зрения предупреждения возможных ошибок, связанных с отождествлением объемов значения переводимого и переводящего слов, так и с точки зрения возможности извлечения более полной информации о смысле переводимого текста. Если воспользоваться только что приведенным весьма примитивным примером с русским глаголом *прийти* и его немецким эквивалентом kommen, то, например, в формально правильном переводе русского предложения *Ночью он пришел из Белоострова в Петербург* немецким In der Nacht kam er aus Beloostrov nach Petersburg будет утрачена существенная информация о том, что движение совершалось пешком, а не при помощи транспорта: хотя потенциально kam может означать ‘пришел пешком’, в этом контексте (расстояние между Белоостровом и Петербургом около 30 км) данное значение маловероятно.

Еще пример. В германских языках прилагательное со значением ‘красный’ (англ. red, нем. rot, дат., норв. rød, шв. röd, нидер. rood и т.д.) имеет также значение ‘рыжий’, о чем словари этих языков с выходным русским пользователя не всегда

предупреждают, откуда и ошибки типа **у него красные волосы*, поскольку пользователь запоминает равенство red (rot и т.д.) = *красный* и реверсирует его.

Разумеется, под адресатами словаря понимаются не только говорящие на тех или иных языках. Пользователей словарей можно, например, делить еще и по возрасту. В некоторых странах издаются — с педагогической точки зрения порой весьма удачные — двуязычные словари для детей дошкольного возраста, для младших школьников и т.д.

Типы двуязычных словарей. Выше уже были рассмотрены некоторые важные категории двуязычных словарей. По разным другим своим характеристикам словари могут быть разделены на несколько различных типов.

По объему словари принято делить на краткие, средние и большие. Совершенно очевидно, что деление это в известной мере условное, поскольку абсолютно четкие количественные критерии — будь то количество слов, количество страниц или количество печатных знаков — здесь едва ли возможны (скажем, до 8000 слов — краткий словарь, от 8001 слова до 21000 — средний и т.п.). Вместе с тем деление это реально существует и оно вполне оправданно. Каждый из этих типов словарей имеет свой круг пользователей и свою специфику.

В самом деле, начинающему изучать иностранный язык большим словарем пользоваться трудно, он в нем «тонет»: такой словарь дает ему слишком много информации, в которой ему трудно ориентироваться. Начинающему нужен небольшой простой словарик, который может дать четкий ответ на несложный конкретный вопрос, словарик, в котором легко ориентироваться и который не пугает начинающего пользователя обилием значений и длинным рядом эквивалентов.

Таким образом, один полюс пользователей словарей составляют люди, которым нужна весьма элементарная информация. Другой полюс составляют те, кто ищет в словаре ответы на весьма сложные вопросы. В принципе всем категориям пользователей нужны свои словари, т.е. словари, различающиеся степенью разработки слова и, следовательно, объемом. Такие серии словарей разного объема для конкретных пар языков существуют, правда, для «больших» языков (английский, немецкий, французский, русский).

У издательств, выпускающих словари, есть свои определенные критерии, по которым они подготавливают словари того или иного объема. Очень четкая градуальная система в этом отношении разработана, например, в германском издательстве

«Langenscheidt», которое предлагает пользователям унифицированные серии словарей: 1) «универсальный словарь» (Universalwörterbuch) – иноязычно-немецкий и немецко-иноязычный в одной книге – объемом около 500 страниц очень небольшого формата, весьма удобный для начинающих, для туристов и т.д.; 2) «карманный словарь» (Taschenwörterbuch), также иноязычно-немецкий и немецко-иноязычный в одной книге объемом более 1000 страниц, но тоже небольшого формата, рассчитанный на серьезного пользователя и содержащий, в частности, подробный морфологический очерк; 3) «подручный словарь» (Handwörterbuch) – отдельно иноязычно-немецкий и немецко-иноязычный объемом приблизительно 750 страниц среднего формата каждый; для некоторых языков, например английского, этот же вариант издается как «большой школьный словарь», отличающийся от «подручного» только форматом: он меньше, но, естественно, толще (около 1500 страниц; 4) «большой словарь» для языков английского, французского, итальянского, латыни и древнегреческого (все, кроме последнего, состоят из двух частей: иноязычно-немецкой и немецко-иноязычной), содержащий более 150 000 слов и выражений и имеющий объем 750–1200 страниц еще большего формата. В основе этой тщательно разработанной градуальной системы лежит хорошо продуманная лексикографическая концепция.

Двуязычные словари делятся на о б щ и е (общеязыковые, неспециализированные), охватывающие – с большей или меньшей полнотой – весь словарный состав языка, и словари с п е ц и а л ь н ы е, в которые включаются лишь определенные разряды лексем. Как правило, в названиях общих словарей этот их признак не фигурирует: подразумевается, что, например, «Испанско-русский словарь» и есть общий словарь.

Среди специальных словарей количественно преобладают словари о т р а с л е в ы е, или т е р м и н о л о г и ч е с к и е. Среди них, в свою очередь, всего больше технических словарей, причем разной степени специализации: есть политехнические словари, есть словари по вычислительной технике, словари рыбохозяйственных терминов и т.д. и т.п. Есть также словари военные, морские, юридические и др. Выпускаются и многоязычные отраслевые словари, о чем уже упоминалось.

К специальным словарям относятся также словари, охватывающие не-терминологические единицы различного характера. Прежде всего это ф р а з е о л о г и ч е с к и е словари; в последнее время они получили широкое распространение. Иногда издаются особые словари пословиц и поговорок. К этой категории примыкают с л о в а р и к р ы л а т ы х с л о в – известных цитат, источник которых известен. (Двуязычные словари крылатых слов впервые появились в СССР/России, первым был: Берков 1980.) Значительно менее распространены двуязычные словари специфических стилей, например словари сленга или жаргона (например H. Walter, V. Mokienko 2001). Есть словари личных имен и ряд других типов.

Особое положение занимают переводные с и н о н и м и ч е с к и е словари. В них рассматриваются некоторые наиболее важные синонимические ряды входного языка, а различия между членами этих рядов подробно объясняются на выходном языке. Таков, например, превосходный «Англо-русский синонимический словарь». Показательно, что в этом большом словаре описано 350 синонимических рядов.

Остановимся еще на одном типе словарей, охватывающих лишь часть словарного состава входного языка, – на д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы х словарях. Они, как подсказывает само название, фиксируют лишь различия между языками. Очевидно, что дифференциальные словари оправданны только для пар, в которых входной и выходной языки близкородственные или входной язык – диалект, а выходной – литературный язык. Примерами дифференциальных словарей могут служить словари с входным и выходным скандинавскими языками, в частности норвежско-датский словарь (H. Christiansen, N.Å. Nielsen 1987) и шведско-норвежский (S. Qvist-Eriksen 1980). В первый из них, достаточно большой по объему (507 страниц), включены только те норвежские лексемы (единицы словарного состава), которые либо отсутствуют в датском, либо имеют в нем отличное (в том числе дополнительное) значение. Так, существительное olje, имеющее и в норвежском, и в датском ряд полностью совпадающих значений (1. растительное масло; 2. нефть и т.д.), в словарь не включено вообще. Слово også подано следующим образом:

> **også** adv. 1. = da. 2. (fam.; som sæstningsindledning) og så, og derefter 3. (vulg.; foran infinitiv) at. [Перевод: **også** нареч. 1. = датск. (т.е. 'также'. – *В.Б*) 2. (разг.; как слово, вводящее предложение) а затем, и потом 3. (простор.; перед инфинитивом) at (инфинитивная частица. – *В.Б*)]

Для некоторых пар языков издаются словари л о ж н ы х д р у з е й п е р е в о д ч и к а. Ложными друзьями переводчика называют слова, которые в обоих данных языках имеют сходное написание/звучание, но различаются значением. Например, в шведском языке by означает 'деревня', а rolig – 'веселый, забавный', тогда как в норвежском эти же слова значат

соответственно 'город' и 'спокойный'; украинское *місто* означает не 'место', а 'город' и т.д. Словари ложных друзей переводчика – вид дифференциальных словарей.

Основная масса двуязычных словарей имеет структуру «лексема входного языка → лексема выходного языка». Кроме этого основного типа, издаются словари, в которых роль описания значения выполняется графическими изображениями. Такие словари называются к а р т и н н ы м и (используются также термины и л л ю с т р и р о в а н н ы е, в и з у а л ь н ы е). Они строятся по тематическому принципу, например, вначале идет раздел астрономия, затем – география, флора, фауна, человек, земледелие, архитектура, жилище, мебель и т.д. Порядок разделов, естественно, варьируется от словаря к словарю. На каждой иллюстрации изображено несколько предметов и/или их частей, которые пронумерованы или снабжены буквами. В нижней части страницы под каждым номером/каждой буквой приводятся названия. В некоторых словарях такого типа названия указаны рядом с иллюстрацией. По большей части иллюстрированные словари многоязычны, таков, например, норвежско-англо-немецко-французский «Visuell ordbok». В конце таких словарей даются алфавитные списки слов, отсылающие читателя к той или иной иллюстрации.

(Термин *иллюстрированный словарь* употребляется и в другом значении. Так называют еще обычные (одноязычные) словари, в которых определения значения некоторых слов сопровождаются также графическими иллюстрациями (рисунками), например, рисунками на полях снабжены слова типа *реторта, кольчуга, сутана, сегмент* и т.п.).

Иногда элементы иллюстрированного словаря вводятся в двуязычные словари обычного типа. Так, в рассчитанном на учащихся бископальном словаре «Langenscheidt's Power Dictionary» (англо-немецком и немецко-английском в одной книге), в целом построенном как обычные алфавитные словари, содержится 22 цветные иллюстрации-вклейки, на которых изображены предметы, относящиеся к какой-либо области (например, фрукты и овощи, письменный стол, компьютер, почтовое отделение, вокзал и т.д.; есть иллюстрации к глаголам движения и предлогам, цветам и формам и др.). Предметы (признаки, отношения) на рисунках пронумерованы, а внизу на той же странице под соответствующими цифрами приведены английские слова и их немецкие эквиваленты. Не вдаваясь в детали, отметим, что в этом словаре есть еще ряд интересных лексикографических решений.

Структура словаря. Структурой словаря называется соотношение частей словаря и принципы его организации. Различают несколько типов структур словарей; для двуязычной лексикографии особенно важны следующие.

М е г а с т р у к т у р а, или рамочная структура – взаиморасположение частей словаря. Наиболее обычная мегаструктура: предваряющий текст (предисловие, правила пользования и др.), корпус (см. ниже), заключающий текст (различные приложения). Предваряющий и заключающий тексты вместе называются окружающим текстом.

М а к р о с т р у к т у р о й называют порядок расположения лемм в словаре. В двуязычной лексикографии принят в основном алфавитный порядок.

В лексикографии встречаются два вида алфавитного порядка: прямой, или начально-алфавитный, и обратный, или конечно-алфавитный. Обычно под алфавитным порядком подразумевают первый из названных: так структурировано подавляющее большинство словарей. Конечно-алфавитный порядок характерен для обратных (инверсионных) словарей, где слова располагаются по алфавиту считая справа, например:

комбинезон
резон
сезон
бизон
зубробизон
гарнизон

По этому принципу построен и «Грамматический словарь русского языка» (Зализняк А.А. 1977).

Конечно-алфавитный порядок в двуязычных словарях не встречается.

Слова в двуязычных словарях принято располагать в строго алфавитном порядке. Как показывает опыт, отступления от такой подачи значительно затрудняют работу пользователя со словарем, не давая особых выгод в экономии места. Впрочем, нарушение этого принципа оправданно и практикуется как минимум в двух случаях:

а) В словарях языков типа индонезийского с развитой системой циркумфиксов (*циркумфиксом* называется прерывистая морфема, как бы охватывающая корень с двух сторон, например, рус. *о...ок*, ср. *огарок, окурок, огрызок* и т.п.) слова с циркумфиксами включаются в статьи, посвященные корневым словам. По традиции, арабские словари строятся по алфавиту корней; под корнем помещаются производные слова, включая производные

с приставками. Дело в том, что в семитских языках, к которым относится арабский, корень имеет консонантную структуру (т.е. состоит из одних согласных) и прерывист; различные словоизменительные и словообразовательные значения выражаются при помощи трансфиксов — прерывистых морфем, как бы вставляющихся в прерывистый корень (классический пример — корень q...l...b: qalb 'сердце', qulú:b 'сердцá'). Трансфиксы могут комбинироваться с другими аффиксами.

б) Во многих отраслевых словарях, где в статьях, посвященных существительному, помещается список сочетаний его с прилагательными или другими определениями, расположенными по алфавиту.

Другой тип — систематическая макроструктура. При ней слова располагаются не по алфавиту, а группируются по смыслу. Так организованы идеографические словари, или словари понятий. Такие словари имеют иерархическую структуру. К идеографическим словарям относятся и «картинные» (иллюстрированные, визуальные) словари. Об этом говорилось выше.

Микроструктура словаря — это, в общем, структура словарной статьи.

Словник. Это одно из центральных понятий лексикографии. Словником называется совокупность (список) единиц — слов и словосочетаний (лемм — см. ниже) — входного языка, подлежащих переводу. Словник является одним из наиболее существенных факторов, определяющих объем словаря. Качество словника в значительной мере предопределяет качество словаря.

Термин *словник* используется в двух несколько различных значениях, и потому имеет смысл внести терминологическое разграничение. В узком смысле слова словник — это список лемм; назовем его базовым словником. В широком смысле слова словник — это список всех слов и словосочетаний «левой» части словаря, т.е. он охватывает и примеры, приводимые при разных значениях слова в словарной статье (см. ниже), и идиомы (фразеологические единицы) и т.д., словом, весь текст корпуса словаря на входном языке (кроме пояснений). Будем называть его полным словником.

Сказанное, конечно, не означает, что объем словаря определяется только объемом словника. Он в весьма значительной мере зависит от степени разработанности слова. Очень часто человек, не искушенный в вопросах лексикографии, оценивает словарь только по объему словника («А сколько в этом словаре тысяч слов?»). Такой подход, безусловно, недостаточен.

Ведь чем больше словник при одном и том же объеме словаря, тем менее детальна разработка слова, тем меньше в нем эквивалентов и примеров, тем меньше учтено оттенков значений и пр. Довольно легко «разогнать» (т.е. искусственно увеличить) словник за счет, скажем, сугубо специальных терминов (которые, кстати, в языках одного культурного ареала по большей части являются интернационализмами), например, разогнать словник русско-норвежского словаря за счет лингвистических терминов (в скобках приводятся норвежские эквиваленты) типа *бахуврихи* (bahuvrihi), *гаплология* (haplologi) и т.п. Объем словаря не должен выходить за определенные пределы (см. ниже), и поэтому при разработке словника всегда необходим достаточно строгий отбор.

Лемма. Это также одно из важнейших понятий лексикографии (употребительны также следующие синонимы: вокабула, заглавное слово, реестровое слово, черное слово). Лемма — это слово или словосочетание, которое составляет единицу словника, т.е. снабжается в двуязычном словаре переводом. Именно лемме посвящается словарная статья (см. ниже).

Весьма существенно, что лемма — представитель всех форм слова, или словоформ. Например, лемма *играть* в русско-иноязычном словаре является «представителем» таких словоформ, как, например, *играю, играла, будете играть* и т.п., а лемма *дом* — «представителем» словоформ *дому, дóма, домá, домами* и т.д. Леммой обычно — хотя и не всегда — выбирается наиболее «внеконтекстная» форма слова: именительный падеж единственного числа (в языках, имеющих склонение), инфинитив (в языках, имеющих спряжение) и т.д.

Свéдение словоформ в одну основную, «представительную», т.е. выбор из их числа леммы, носит название лемматизации. Эта задача особенно важна и сложна при работе над частотными словарями, где данные, полученные при расписывании текста (ранее вручную, теперь обычно при помощи ЭВМ), касаются отдельных словоформ.

Во многих языках есть некоторое количество нерегулярных форм, т.е. форм, образуемых не по правилам, ср. англ. tooth 'зуб' — мн. число teeth, нем. liegen 'лежать' — lag 'лежал', рус. *мять* — *мну*. Такие формы необходимо включать в словарь как самостоятельные леммы.

В ряде случаев такие нерегулярные формы образуют ряды с общей частью: *мн|у, мн|ёшь, мн|ёт* и т.д. Представляется оправданным вводить в словарь в качестве самостоятельных лемм

именно эти общие части таких рядов, например, в данном случае (РНС):

мн... *наст. от* мять

Подробнее этот вопрос рассматривается в § 16.

Лемму принято печатать полужирным шрифтом.

Примечание. Иногда задают вопрос, почему берется *полужирный*, а не *жирный* шрифт. Дело в том, что так называемый жирный шрифт в книгах используется редко. Все сделанные выше и ниже «жирные» шрифтовые выделения выполнены полужирным шрифтом. В рукописи полужирный шрифт обычно обозначается однократным подчеркиванием (например, слово); сокращенно он обозначается *п/ж*. Обычное английское обозначение этого шрифта — **bold type**.

Словарная статья. Словарное гнездо. Словарной статьей называют лемму со всей приводимой при ней информацией, в двуязычных словарях — лемму со всеми переводящими эквивалентами, сочетаниями, примерами, идиоматикой, а также — эвентуально — с фонетической, грамматической и иной информацией.

Словарная статья обычно составляет абзац (кроме случаев словарного гнезда, о чем ниже). Размеры словарной статьи варьируются в очень широких пределах.

В словарной статье лемма или часть ее, естественно, может многократно повторяться. Значительная экономия места достигается при замене этой формы каким-либо условным знаком, часто тильдой (~). Подробнее об этом см. § 14.

Часто в словнике по алфавиту располагается несколько слов с одной общей частью, например: *киноактёр, киноактриса, киноаппарат, киноаппаратура* и т.д. Нередко общей частью такого ряда является первое слово целиком: *организатор, организаторский*. Значительную экономию места в словаре дает гнездование — прием, заключающийся в том, что такие группы лемм объединяются в одну большую «статью» (без абзацев!) — гнездо. См. § 14.

Членение на значения (филиация). Разбиение (членение) слова на значения, или филиация, — один из сложнейших вопросов лексикографии, как двуязычной, так и одноязычной.

Прежде всего отметим некоторые важные положения.

1) Слово членится лексикографом на значения путем анализа его смысловой структуры, а не в результате сравнения этой структуры с другим языком. Рассмотрим элементарный пример. Предположим, что в русско-норвежском словаре мы разрабатываем слово *хвост*. Обратившись к толковым словарям русского языка (т.е. к словарям, в которых значения русских слов объясняются средствами русского же языка), мы устанавливаем его смысловую структуру:

хвост ... **1** (*часть тела животного*)... **2** (*часть летательного аппарата*)... и т.д.

От того, что в норвежском языке значение 1 передается 4 эквивалентами, это русское значение не распадается на четыре (‘хвост собаки’, ‘хвост рыбы’, ‘хвост птицы’ и т.д.)!

Разбиение слова на значения не зависит от выходного языка словаря.

В принципе составитель двуязычного словаря может следовать тому разбиению слова на значения, которое предлагается в хорошем толковом словаре входного языка.

2) Даже беглое знакомство с несколькими словарями одного и того же языка (неважно, двуязычными или одноязычными) убедит читателя в том, что часто одно и то же слово в словарях сходного объема — причем в словарях хороших и надежных — по-разному разбито на значения. Это не должно удивлять и тем более внушать мысль, что обязательно прав только один из лексикографов. Конечно, ошибки в разбиении — явление нередкое, но расходиться в этом вопросе могут и очень серьезные исследователи. Язык развивается стихийно, и поэтому значения связаны между собою по-разному: одни более тесно, другие менее. Известный субъективизм в филиации неизбежен, и в этом, в общем, нет большой беды: главное, чтобы были учтены все значения и их оттенки.

Семантизация. Разбиение слова на значения непременно должно быть дополнено семантизацией — определением выделенных значений, что особенно важно для активного пользователя словарем. Например:

перебой ... **1** (*неравномерность биения сердца*) ... **2** (*в работе мотора*)... **3** (*в снабжении и т.п.*)... **4** *лингв*. ...

Примечание. Для того чтобы не отвлекать внимание читателя несущественными деталями, здесь и далее, кроме особых случаев, знаки ударения и тонем в примерах словарных статей сняты.

На этом примере видно, что семантизация дается сразу за цифрой, отграничивающей значение. Она набирается курсивом и обычно помещается в скобки. Исключение составляют отраслевые пометы, используемые как средство семантизации (см. значение 4 в приведенном выше примере): они даются без скобок.

Семантизация необходима также при омонимах (словах, имеющих одинаковый звуковой состав и не связанных по смыслу), например:

надо I *в знач. сказ.* ...
надо II *предлог см* над (В РНС сокращение *см* дается без точки.)

При грамматических омонимах роль семантизации выполняют грамматические пометы:

взрослый I *прл* ... **II** ***м*** <*прл*> ... [*прл* = прилагательное, *м* = м. род, <*прл*> = склоняется как прилагательное]

Словосочетание. Так называются два и более связанных синтаксически слова, например: *родители и дети, спортивная гимнастика, в десяти километрах, желать добра* и т.д.

Словосочетания делятся на свободные и идиоматические.

Для свободных словосочетаний характерно отсутствие «сдвига значения», или выводимость значения всего словосочетания из значения слов, входящих в него, т.е. то, что все его элементы сохраняют свое лексическое значение. Все четыре примера, приведенные в предпоследнем абзаце, представляют собой как раз такие свободные словосочетания.

Каждый серьезный двуязычный словарь включает в себя значительное количество свободных словосочетаний. Они вводятся и как примеры употребления слова и его оттенков, и как единицы, не переводимые поэлементно.

Идиоматические словосочетания (идиомы, фразеологические единицы, фразеологизмы) характеризуются «сдвигом значения», т.е. невыводимостью значения всего сочетания из значения отдельных его элементов. Идиоматические словосочетания подразделяются на различные типы, но мы здесь на этом останавливаться не будем, ограничившись лишь приведением примеров разного рода: *заколдованный круг, кожа да кости, как на ладони, бросать слова на ветер, вынь да положь, хоть умри, страшно сказать, кот наплакал* и т.п.

Наряду со сдвигом значения идиоматические словосочетания характеризуются также устойчивостью, т.е. постоянством их состава, например, в словосочетании *кот наплакал* мы не

можем заменить, скажем, *кот* на *пес* или на название какого-либо другого животного, равно как не можем заменить каким-либо другим словом глагольную форму *наплакал*. Существенно, однако, что устойчивыми бывают не только идиоматические словосочетания, но и свободные, например клише разного типа: *настоящим удостоверяется, что...*; *слово предоставляется ...*; *по газону не ходить*; *продолжение следует*; *что и требовалось доказать*; *дорогому Н. на добрую память*; *заранее благодарю* и др. Это весьма важно для двуязычной лексикографии.

Особый вид устойчивых словосочетаний — крылатые слова. Так называются распространенные цитаты из произведений литературы (большей частью художественной) или высказывания исторических лиц, например: *сейте разумное, доброе, вечное*; *а был ли мальчик-то*; *да только воз и ныне там*; *после нас хоть потоп* и т.п.

Опорное слово. Опорным, или ключевым словом словосочетания называется то слово, под которым это словосочетание приводится в словаре. Так, если мы помещаем словосочетание *кот наплакал* в статье *наплакать*, то оно и является в данном случае опорным.

Проблема опорного слова очень важна для лексикографии. Ведь при соблюдении основного лексикографического принципа «максимум информации на минимуме места» неоправданно приводить одно и то же словосочетание в двух или более статьях (например, приведенное выше словосочетание *кот наплакал* и в статье *кот*, и в статье *наплакать*). Вместе с тем принципы выбора опорного слова не должны быть сложными, потому что иначе средний пользователь не сможет их полностью усвоить и ему будет трудно отыскивать нужные ему словосочетания. Подробнее о принципах выбора опорного слова будет рассказано в § 12.

Эквивалент. Термин «эквивалент» употребляется в литературе в двух значениях.

1) Лексема выходного языка, максимально соответствующая лексеме входного языка по лексическому и эвентуально другим параметрам. Назовем его естественным оптимальным эквивалентом.

2) Перевод, приписываемый автором словаря лексеме входного языка. Его можно назвать словарным эквивалентом. В данной работе, кроме специально оговоренных случаев, термин «эквивалент» употребляется в этом значении.

В идеале словарный эквивалент должен быть естественным оптимальным. К сожалению, таким он бывает не всегда – в силу разных причин, не в последнюю очередь субъективных.

Эквиваленты (в обоих значениях) делятся на несколько категорий.

1) Полные, сообщающие весь тот объем информации, что и лексема входного языка или одно из ее значений. Примеры («Новый большой англо-русский словарь» 1993):

> **cypress** ... кипарис
> **cyst** ... **1.** *мед.* киста **2.** *анат.* пузырь **3.** *бот.* циста

2) Частичные, сообщающие часть объема информации, содержащейся в лексеме входного языка или в одном из ее значений. Весь объем информации, содержащийся в лексеме входного языка или в одном из ее значений, может быть передан суммой частичных эквивалентов. Примеры (РНС):

> **ладья** II ... *уст., поэт.* båt *-en, -er* (*лодка*), skip *-et,* = (*судно*); lodje *-n, -r* (*поморская*); langskip, drage *-n, -r*; snekke *-n, -r* (*у викингов*)
> **спица** ... **1** eik|e *-a, -er,* eik *-en, -er* (*в колесе*); spil|e *-a* {*-en*}, *-er* (*в зонтике*) **2** ...

Частичные эквиваленты делятся, в свою очередь, на две подгруппы:

а) свободные частичные. Эти эквиваленты используются независимо от окружения. Таковы вышеприведенные примеры;

б) связанные частичные. Примерами могут служить русские прилагательные *карий* и *каштановый* как эквиваленты англ. brown, нем. braun, норв., шв., дат. brun и др.: первое из них сочетается только с существительным *глаза*, второе – с существительным *волосы*.

Лексемы входного языка, не имеющие соответствия в выходном языке, называются безэквивалентными. Проблеме безэквивалентности посвящен § 21.

Проблема безэквивалентности имеет и другую сторону. Каким бы полным ни был двуязычный словарь, как бы тщательно и исчерпывающе ни была разработана его «правая» часть (т.е. часть на выходном языке), она никогда не охватывает весь выходной язык, а именно не включает в себя ту его часть, которая является безэквивалентной по отношению ко входному языку. Проиллюстрируем это простыми примерами.

В Скандинавии принято при встрече, если ей предшествовало приятное совместное пребывание (скажем, один из участников разговора побывал в гостях у другого и т.п.), обязательно произносить формулу норв. takk for sist, исл. þökk fyrir síðast и т.д. досл. 'спасибо за последнее' (с вариантами типа takk for i går досл. 'спасибо за вчера'). Очевидно, что в русско-норвежский словарь такая формула попасть не может, поскольку ее не «привязать» ни к какой русской лемме.

Русское приветствие *с легким паром!* не имеет соответствий в английском, немецком, французском и т.д., потому что в странах, где говорят на этих языках, нет обычая привествовать человека, побывавшего в бане. Выражение это не войдет ни в один иноязычно-русский словарь.

Индексация слова. Для экономии места информацию о морфологических особенностях слова (о типе его склонения, спряжения и т.д.) можно давать с помощью индексов, отсылающих пользователя к определенной грамматической таблице. Такие таблицы помещаются в приложении к словарю – либо до основной его части (корпуса – см. ниже), либо (что делается чаще) после нее. Снабжение лемм индексами такого рода носит название индексации, в этом же значении употребляется термин паспортизация слова.

С помощью индексации достигается не только экономия места. Для ряда языков только таким образом можно дать исчерпывающую морфологическую характеристику слова. В самом деле, обычно при лемме по соображениям экономии места приводится лишь часть (иногда небольшая) всех морфологических показателей слова, и если не использовать индексы, а приводить реальные словоизменительные форманты (окончания либо – для некоторых языков, например Западной Африки – префиксы), то они могут быть недостаточными для конструирования пользователем любого элемента парадигмы.

Оригинальная и очень эффективная система индексации русских слов предложена А.А. Зализняком. Она использована в ряде русско-иноязычных словарей и в его «Грамматическом словаре русского языка». Подробнее см. § 17.

Помета. Пометой называют слово (реже словосочетание), большей частью приводимое в сокращенной или условной (символической) записи и дающее определенную характеристику либо слову или словочетанию входного языка, либо его переводящему эквиваленту, либо отношениям между переводимой и переводящей единицами словаря. Типичными примерами помет, используемых в российской лексикографии, могут служить следующие обозначения:

> *анат., хим., канц., разг., шутл., уменьш., повел., обл.,* (*диал.*), *пренебр., соотв., спец.* и др.

Пометам посвящен § 22.

Части словаря. Основная часть словаря – совокупность словарных статей, расположенных чаще всего в алфавитном порядке, – носит название к о р п у с а. Корпус составляет обычно 90–98% всего объема словаря.

Корпусу предпосылаются предисловие, правила пользования, в которых излагаются особенности построения данного словаря, объясняется значение используемых сокращений и условных знаков и т.д. Как уже говорилось, эта часть называется предваряющим текстом.

Важную роль играют различные п р и л о ж е н и я к словарю, помещаемые обычно после корпуса. Части словаря, следующие за корпусом, составляют заключающий текст. Это прежде всего грамматический очерк входного и/или выходного языка словаря, часто со списками нерегулярно изменяемых (склоняющихся, спрягающихся и т.п.) слов. Далее, весьма полезны бывают различные списки. Подробнее о дополнениях к корпусу говорится в ч. III.

Уже упоминалось, что предваряющий и заключающий тексты вместе называются окружающим текстом.

Очень важно, чтобы корпус и приложение были тесно увязаны между собой, образуя е д и н ы й и н с т р у м е н т п е р е в о д а. Допустимы отсылки из корпуса к приложениям и обратно.

О педагогической направленности двуязычного словаря. Как уже говорилось, двуязычный словарь – не только орудие перевода, но и учебник иностранного языка. Поэтому ему желательно там, где это возможно, придать педагогическую направленность. В БНРС, в частности, русские глаголы-эквиваленты даются видовыми парами, а числительные (они представляют, как известно, трудности для иностранцев) даются и цифрами, и словами, например:

писать/на-	покупать/купить
читать/про-	изобре|тать/-сти
краснеть/по-	утом|лять/-ить

в 2002 [= две тысячи втором] году
это произошло 15 [= пятнадцатого] сентября

Часть II
КОРПУС СЛОВАРЯ

Глава 1. СЛОВНИК

§ 2. Общие замечания. Общеизвестно, что наиболее полные списки слов современных языков стран, развитых в научном, техническом и политическом отношении, насчитывают сотни тысяч единиц. Однако и эти списки не являются исчерпывающими. Так, орфографический словарь норвежского языка «Tanums store rettskrivningsordbok» охватывает более 300 000 слов, но в нем легко обнаружить ряд пропусков, особенно сложных слов (Берков 1994:4). При этом следует иметь в виду, что в ряде случаев в двуязычные словари включается значительное количество лемм, традиционно не входящих в словники орфографических словарей, – различного рода собственные имена, сокращения, словообразовательные элементы и пр.

Следует откровенно признать, что объективных критериев отбора слов для словника большого двуязычного словаря пока не существует. Как показано нами в другой работе (Берков 1973: 21—24), для выработки частотного списка, который мог бы лечь в основание подобного словника, даже при заведомо недостаточной точности такого частотного списка, а именно, даже при недопустимо большой относительной ошибке $\delta \cong 0{,}3$, что соответствует ≈ 30% (!), требуется выборка в несколько десятков миллиардов (!) слов, что при современном уровне лингвостатистики нереально. При этом в таком списке учитывались бы лишь «не очень частые» слова, а «не очень частыми» считаются слова, характеризующиеся величинами $1 \cdot 10^{-7}$ и меньше, т.е. слова, ощущаемые нами интуитивно как «не очень редкие».

Поясним сказанное на примерах. Общий объем текстов Пушкина составляет 544 777 слов, а Ибсена – 677 137 слов. Таким образом, слова, встретившиеся у этих авторов всего по од-

ному разу, обладают частотой соответственно 1:544777 и 1:677137, т.е. ≈ $2 \cdot 10^{-6}$ и $1{,}5 \cdot 10^{-6}$ (недостаточностью объема выборки в данном случае можно пренебречь). Вот примеры слов, употребленных этими авторами всего один раз во всех их текстах: (Пушкин) *теленок, жара, убивать, согревать, вглубь, худший, вежливо, галка, горбиться, жест, услыхать, кровельщик* и др.; (Ибсен) kraftløs 'бессильный', middelaldersk 'средневековый', syl 'шило', kreditt 'кредит', høysinn 'великодушие', svulstig 'напыщенный' и др.

При этом следует учитывать еще два весьма важных момента.

Во-первых, частотная характеристика слова, установленная даже с достаточно хорошей точностью, далеко не всегда коррелирована с «частотой референта», т.е., иначе говоря, не обязательно точно соотнесена с важностью слова для общения людей данного языкового коллектива. Например, большинство из нас, приходя домой с улицы, сменяет уличную обувь на домашнюю, но слова *тап(оч)ки, (домашние) туфли* и аналогичные мы произносим (т.е. употребляем в тексте) достаточно редко, скажем, когда не можем их найти. Весьма важное слово *локоть* мы можем не произносить неделями, а то и месяцами (и, следовательно, оно будет иметь по текстам довольно низкую частотность), кроме случаев типа *я ушиб локоть, убери локти со стола* (слова, обращенные к ребенку) и др. В таких случаях субъективные оценки частоты слова существенно различаются. Например, в эксперименте А.П. Василевича (1968:8) частота употребления слова *паркет* была определена испытуемыми следующим образом: никогда – 0, очень редко – 2, скорее редко, чем часто – 6, не очень редко, но и не очень часто – 8, скорее часто, чем редко – 4, весьма часто – 10, на каждом шагу – 0. (Обратим внимание на «неплавность» шкалы.)

Во-вторых, словник входного языка словаря в известной мере определяется выходным языком словаря, точнее, тематикой общения коллективов входного и выходного языков словаря. Например, в Исландии, где рыболовство играет ведущую роль в экономике страны, названия рыб ýsa и loðna имеют частоту, на несколько порядков более высокую, нежели их соответствующие эквиваленты *пикша* и *мойва* в русском. Поскольку экономические отношения России и Исландии в значительной мере связаны с рыботорговлей, естественно, что в русско-исландском словаре леммы *пикша* и *мойва* необходимы. Менее оправданно их включение, например, в русско-хауса словарь.

Таким образом, мы с сожалением вынуждены повторить, что на нынешнем этапе развития двуязычной лексикографии отбор лемм для словника приходится осуществлять в значительной степени субъективно. Сказанное не означает, однако, что лексикографу в этой ситуации нечем руководствоваться. Напротив, некоторые общие, но достаточно определенные критерии отбора есть, и они будут изложены в последующих параграфах. В общем можно сформулировать следующее правило отбора вокабул для двуязычного словаря: составителю словника надлежит руководствоваться прежде всего функциональной ролью лексемы в данном языковом коллективе, а также ролью эквивалента в коллективе выходного языка. Эквивалент лексемы в выходном языке словаря может быть специальным термином, например, в русском *гора приземления* (лыжного трамплина) или *створ* 'курс по линии между двумя приметными пунктами', но их эквиваленты соответственно в норвежском (unnarenn) и исландском (mið) – обычные, «бытовые» слова.

Распространенная ошибка, допускаемая неопытными лексикографами, заключается в том, что они включают в словник единицы, обладающие весьма низкой частотностью. Конечно, при нынешнем отсутствии достаточно больших и надежных частотных словарей вопрос о включении того или иного слова или словосочетания приходится решать интуитивно. Нижний порог словника в идеале должен характеризоваться приблизительно одним уровнем частотности (например, $1 \cdot 10^{-10}$), или, образно выражаясь, приблизительно одним «уровнем глубины».

В заключение параграфа коротко о новых словах в словарях (в том числе одноязычных).

Хорошо известно, что словари неизбежно регистрируют новые слова с некоторым запозданием. Основных причин этому две.

1. Подготовка рукописи словаря к изданию (редактирование, набор, чтение корректуры и др.) требует определенного времени. С момента завершения работы автора/авторов над ней до выхода словаря в свет даже при благоприятных условиях проходит несколько месяцев (а нередко и лет), а жизнь практически ежедневно порождает новые лексемы, так что часть их просто «не успевает» попасть в словарь.

Как бы часто какой-либо пользующийся большим спросом словарь ни переиздавался, между этими переизданиями проходит в лучшем случае два-три года (а как правило, значительно больше), и за это время в языке появляются новые слова и словосочетания, которые, естественно, отсутствуют в предыдущем издании. Сказанное относится также и к становящимся популярными «словарям новых слов», также порой сильно запаздывающим.

2. Для того чтобы определить, следует ли какое-либо конкретное новое слово включить в словарь, нужно дать ему «пройти испытание временем», хоть и недолгим. Пример: в российской рекламе наряду с устоявшимся термином *копировальная машина* иногда встречается неологизм *копир*. Только будущее может показать, получит ли это слово права гражданства в русском языке.

§ 3. Несловарные формы. Как уже отмечалось в Части I, в языках с развитым словоизменением одна из форм условно принимается за основную, исходную, а другие считаются образованными от нее. Эта основная, или исходная, форма и приводится в словаре в качестве «представителя» всей данной совокупности форм. Так, множество форм *работаю, работаешь, работали, работайте* и т.д. представлено в русско-иноязычном или русском толковом словаре только одной формой — инфинитивом *работать*, множество форм *я́коря, якорю, якоря́* и др. в словарях не приводится, а включается в них только форма им. падежа ед. числа *якорь*. Этих «представителей» будем называть с л о в а р н ы м и ф о р м а м и, или л е м м а м и, в отличие от всех прочих — несловарных. Свéдение словоформ в одну основную, «представительную», т.е. выбор из их числа леммы, носит, как уже говорилось выше, название л е м м а т и з а ц и и.

Возможны несколько принципов лемматизации. Рассмотрим два важнейших.

Первый принцип — выбор наиболее «внеконтекстной» словоформы, т.е. той словоформы, которая обладает наибольшими возможностями быть употребленной вне предложения. Такую форму часто определяют как «н а з ы в н у ю». Например, для существительного в индоевропейских, финно-угорских, тюркских и многих других языках это форма им. падежа ед. числа. Для глаголов это чаще всего, хотя и не всегда, форма инфинитива. Прилагательные лемматизируются обычно формой им. падежа ед. числа м. рода положительной степени и т.д.

Для удобства изложения мы как бы исходим из предположения, что несловарные формы образуются от словарных, тогда как в действительности положение во многих случаях, скорее всего, обратное. Сказанное относится прежде всего к глаголу.

Второй принцип лемматизации может быть назван «м о р ф о л о г и ч е с к и м и н и м а л ь н ы м». В этом случае в качестве словарной избирается форма, максимально лишенная каких-либо показателей (словоизменительных формативов), т.е. форма, по своему звуковому (фонемному) составу совпадающая с (начальной) частью других словоформ и, следовательно,

являющаяся как бы фонетически (графически) исходной, «чистой». Так, например, в киргизской лексикографии глагол представляется основой, совпадающей с формой императива, ср. *ал-* ‘брать’ (*ал* ‘бери’), *бер-* ‘давать’ (*бер* ‘дай’), *жаз-* ‘писать’ (*жаз* ‘пиши’) и т.д.

Применение того или иного принципа лемматизации (в том числе и некоторых не описанных выше) определяется как особенностями грамматического строя языка, так и традицией. В разных языках для одних и тех же частей речи лексикографами применяются разные типы лемматизации. Так, например, в латинской и болгарской лексикографии глагол принято представлять формой 1-го лица ед. числа наст. времени: лат. amo ‘люблю’, video ‘вижу’ (правда, сейчас принято приводить также — без дефисов! — формы перфекта, супина и инфинитива: amo, avi, atum, are); болг. *падам, сядам, пиша* (вспомним, что в болгарском нет инфинитива); в грузинской — формой 3-го лица ед. числа наст. времени; в арабской — формой 3-го лица ед. числа прош. времени; в калмыцкой и бурятской — формой причастия буд. времени и т.д.

Характерно, что иногда сходные случаи подвергаются в разных языках различной лексикографической обработке, что хорошо видно на примере тюркских языков. Так, в киргизской лексикографии глагол, как уже говорилось, представляется основой, совпадающей с императивом; такая же подача принята в каракалпакско-русском, чувашско-русском, алтайско-русском и некоторых других словарях. В других тюркско-русских словарях использованы иные способы презентации глагола: в азербайджанском, туркменском, узбекском и некоторых других — форма арабского масдара I породы на *-мак* (с вариантами), в татарском и башкирском — форма на *-у* (с вариантами), в хакасском — причастная форма в направительном падеже.

Отметим тот очевидный факт, что наиболее «внеконтекстные» формы часто отнюдь не являются «морфологически минимальными»: в словарных формах (леммах) основа в ряде случаев осложнена окончанием и/или имеет иной фонемный состав, что затрудняет — и порой существенно — приведение текстовой формы к словарной, ср. исл. svartur ‘черный’ — svart (им. и вин. падежи ср. рода ед. числа сильной формы) — svört (им. падеж ж. рода ед. числа сильной формы, а также им. и вин. падежи ср. рода мн. числа сильной формы), фин. tupa ‘изба’ — tuvan (род. падеж ед. числа) и т.д. Нередки и обратные случаи, когда основа словарной формы имеет по сравнению с рядом несловарных усеченный характер, что, естественно, также затрудняет для пользователя поиск леммы, ср. рус. *мать* — *мате-*

ри, болг. *ям* 'ем' – *ядете*, лат. iter 'путь' – itineris (род. падеж ед. числа) и т.п.

Если руководствоваться изложенными принципами лемматизации, в основной массе случаев трудностей при выборе леммы не возникает, но все же возможны отдельные проблемы. Рассмотрим некоторые из них.

В русском языке (как и в других языках) есть ряд существительных, обозначающих парные предметы и потому преимущественно употребляемых во мн. числе: *туфли, лыжи* и др. В практике советской/российской лексикографии в последние десятилетия предпочтение отдается формам мн. числа, ср. статьи в ТСРЯ: *босоножки, боты, валенки, коньки* и др.; аналогично даются в этом словаре названия народов (племен) и жителей стран, областей и пр.: *африканцы, грузины, индейцы, могикане, норвежцы, французы* и т.д. Принцип этот не представляется бесспорным. Показательно, что он не применяется в лексикографической практике многих стран.

Для русского языка особую проблему представляет собой лемматизация видовых пар глагола, т.е. вопрос о том, какую из видовых форм – совершенного или несовершенного вида – сделать главной леммой, а какую отсылочной. В последние десятилетия в советской/российской лексикографии в качестве главной леммы для глаголов берется форма совершенного вида, хотя из этого правила и делаются известные исключения, которые мы здесь перечислять не имеем возможности, и потому отсылаем читателя, например, к РНС (с. 13). При этом очень важно, что при основной форме (лемме) указывается соотносительная видовая форма, а сама эта форма приводится в виде отсылочной статьи на своем алфавитном месте, например:

> **наткнуться**[3b] *св* <*нсв* натыкаться> ...
> **натыкаться**[1] *нсв см* наткнуться

Аналогичную проблему в русском языке представляют собой пары «однонаправленный глагол/неоднонаправленный глагол» (*плыть/плавать, ехать/ездить* и т.д.). В СССР/России основной леммой принято делать однонаправленный глагол, а неоднонаправленный – отсылочным, эвентуально с пояснением, ср. РНС:

> **лететь**[5b] *однонапр.* **1** ... **2** ... **3** ... **4** ...
> **летать**[1] *неоднонапр.* = летéть 1, 3, *men med den forskjell at handlingen gjentar seg og/eller foregår i forskjellige retninger*; ~в *B* (*совершать регулярные рейсы куда-л.*) fly* *på* [Перевод: ..., но с тем различием, что действие повторяется и/или происходит в различных направлениях ...]

Целесообразно избегать «бумажных» лемм, т.е. форм, реально в речи не встречающихся и создаваемых лексикографом под «давлением системы». Так, русские прилагательные принято давать в форме м. рода, хотя некоторые из них никогда в этой форме не употребляются: *беременная, жерёбая, стельная, суягная*, подача их в форме м. рода не представляется оправданной.

Теперь обратимся к следующему важному вопросу: к а к и е н е с л о в а р н ы е ф о р м ы и в к а к о й с т е п е н и д о л ж н ы в к л ю ч а т ь с я в с л о в н и к с л о в а р я в к а ч е с т в е с а м о с т о я т е л ь н ы х л е м м?

Самоочевидно, что включаться в словник должна лишь небольшая часть несловарных форм, а именно те, которые образуются нерегулярно. При этом речь идет о тех несловарных формах, которые характеризуются «фонетической» нерегулярностью. Для пояснения сказанного рассмотрим конкретные примеры.

В норвежском языке существительные общего (м. или ж.) рода по основному правилу образуют форму мн. числа с помощью форманта *-er* (оканчивающиеся на безударное *-e* при помощи форманта *-r*): båt 'лодка' – båter, avis 'газета' – aviser, armé 'армия' – armeer (так!), gate 'улица' – gater. Однако несколько существительных этого рода не имеет окончания во мн. числе (т.е. у них совпадают формы ед. и мн. числа), например, ting 'вещь; вещи', tvil 'сомнение; сомнения'. Несколько отличный случай, но также относящийся к рассматриваемому разряду примеров, представляет собой русское существительное *путь*, имеющее уникальную для мужского рода парадигму: при склонении оно получает окончания, присущие существительным женского рода, но при этом оно не подвергается изменениям в звуковом составе корня. Назовем такие случаи *фонетически регулярными* неправильными несловарными формами.

В то же время в норвежском языке есть около двух десятков существительных, у которых в форме мн. числа наблюдается перегласовка (а у некоторых и другие чередования): bok 'книга' – bøker, strand 'берег' – strender, far 'отец' – fedre, datter 'дочь' – døtre. Ср. также изолированные нерегулярные исландские формы degi (дат. падеж ед. числа от dagur 'день') и kvenna (род. падеж мн. числа от kona 'женщина'). Будем называть такие случаи *фонетически нерегулярными* несловарными формами.

После этих разъяснений обратимся к лексикографическому аспекту проблемы.

Очевидно, что фонетически регулярные несловарные формы (*пути*) пользователь словаря без труда «приведет к словарному виду», т.е. легко определит их лемму и найдет ее в словаре. Напротив, чтобы отыскать лемму словоформ типа норв.

bøker, strender, fedre, døtre, исл. degi, kvenna, он должен либо иметь возможность найти их на своем алфавитном месте в корпусе словаря, либо помнить целый ряд частных правил. Это соображение приводит нас к весьма принципиальному вопросу о распределении грамматической информации в словаре между корпусом и грамматическим очерком в приложении.

Для того чтобы работать с подавляющим большинством словарей, пассивный пользователь должен обладать определенными знаниями грамматики входного языка словаря. Так, если вернуться к вышеприведенным примерам, для того чтобы найти леммы русских словоформ *работаешь* или *якорем,* пользователь должен уметь соответственно отделить личное окончание у глагола и прибавить к образовавшемуся остатку показатель инфинитива или отделить падежное окончание у существительного и определить его словарную форму (*работаешь — -ешь + -ть, якорем — -ем + -ь*).

Однако не подлежит сомнению, что нецелесообразно предъявлять к грамматическим знаниям пользователя словаря слишком высокие требования, вводить для него завышенный «образовательный ценз».

Вопрос, стало быть, в том, где лежит золотая середина.

Здесь не может быть универсальных рецептов, пригодных для всех языков. Можно лишь высказать некоторые общие соображения, подлежащие конкретизации при работе с тем или иным языком.

1. Крайне важно четко определить и выделить в грамматическом очерке при словаре те правила, которые пользователь должен усвоить и помнить для успешной работы с данным словарем (например, набрать их полужирным шрифтом), противопоставив их тем самым более частным, помнить которые ему необязательно, поскольку несловарные формы, образованные по этим частным правилам, приводятся в корпусе словаря в качестве самостоятельных лемм. Более подробно об этом будет говориться ниже, пока же ограничимся несколькими русскими примерами несловарных форм, приведение которых к словарному виду (т.е. определение леммы которых) требует знания частных правил, которые пользователь имеет право не помнить (РНС):

по.. <пою́, поёт *и т.д.* > *наст. от* петь
взобь.. <взобью́, взобьёт *и т.д.* > *буд. от* взбить
разотр.. <разотру́, разотрёт *и т.д.* > *буд. от* растереть
знамен.. *см* знамя

Подробнее об этом см. ниже в данном параграфе.

2. В языках со сложной морфологией (морфонологией) есть немало случаев чередований (альтернаций), хотя и довольно сложных, но подчиняющихся массовым правилам. Так, у русских глаголов II спряжения с основой на *-б-, -в-, -м-, -п-* в 1-м лице ед. числа настоящего/будущего времени есть интрузивное *-л-*, ср. *любить — люблю, ловить — ловлю, копить — коплю* и т.д. Всю исландскую морфологию пронизывает переход **а > ö** перед **u** — современным или историческим, т.е. отпавшим (кроме *u* в окончании *-ur* им. падежа ед. числа м. рода существительных и прилагательных), ср. gata 'улица' — götur 'улицы' (мн. число), barn 'ребенок' — börn 'дети', svartur 'черный' — svört 'черная', kalla 'звать' — köllum 'зовем' и т.д. В высокочастотном финском форманте *-nen* в косвенных падежах происходит чередование *-ne-* > *-se-*, ср. nainen 'женщина' — naiset 'женщины' (им. падеж мн. числа), toinen 'второй' — toisen 'второго' и т.д. В болгарском языке, в частности у прилагательных, происходит чередование *я* > *е*, например, *пряк* 'прямой' — *преки, ляв* 'левый' — *леви, зрял* 'зрелый' — *зрели, цял* 'целый' — *цели* и т.д. Ср. далее укр. *сіль* 'соль' — *солі, бік* 'бок' — *боку* и т.д. и т.п.

Целесообразно ли тратить драгоценное место в словаре на включение подобного рода несловарных форм, которые пользователь, знакомый с пусть непростыми, но охватывающими множество случаев правилами лемматизации, легко приведет к словарному виду? Стоит ли, например, вводить в словник исландско-иноязычного словаря многие тысячи (или даже десятки тысяч) форм с ö (< a)? Или десятки (а если взять приставочные глаголы, то и сотни) форм 1-го лица наст./буд. времени русских глаголов типа *куплю, правлю*? Отрицательный ответ представляется очевидным. К тому же, как показывает опыт одного большого исландско-датского словаря, составители которого старались включить в словник такие формы, но допустили целый ряд пропусков, сделать это в полном объеме обычно не удается (Берков 1973: 31).

Таким образом, для успешной работы со словарем (пассивный) читатель должен обладать не только знанием основных грамматических показателей, но и знанием тех правил лемматизации, которые охватывают значительное количество случаев.

Напротив, случаям малотипичным, например изолированным формам типа исл. degi и kvenna (см. выше), норв. gjess (мн. число от gås 'гусь') или krefter (мн. число от kraft 'сила'), должно быть уделено особое внимание. Не требуется, видимо, доказывать необходимость включения в словник супплетивных форм типа рус. *лучше, люди.*

Особо следует остановиться на словарной подаче рядов таких описываемых частными правилами словоформ, которые образуют одну лемму. Для этого обратимся к одному из приведенных выше примеров.

От русского глагола *растереть* формы буд. времени образуются с изменением формы как приставки (*рас-* > *разо-*), так и корня (*-тер-* > *-тр-*): *разотру, разотрёшь, разотрёт* и т.д. Естественно предположить, что пользователь словаря, не очень хорошо знающий сложную русскую (фоно)морфологию, может затрудниться, приводя подобные формы к словарному виду, и потому их необходимо включить в словник русско-иноязычного словаря. Вопрос в том, как это сделать наиболее экономно, но без ущерба для интересов пользователя.

Можно предложить следующее решение. Коль скоро пользователь русско-иноязычного словаря обязан уметь отделять личные окончания у русских глаголов (см. выше пример *работаешь – ешь + ть*), то при лемматизации членов ряда *разотру, разотрёшь, разотрёт* и т.д. трудности для него будут представлять не эти окончания, а формы приставки и корня. Поэтому в качестве леммы в словарь целесообразно включить именно эту общую часть данного ряда словоформ. Одна из возможных подач подобных случаев (РНС):

разотр.. <разотрý, разотрёт *и т.д.* > *буд. от* растерéть

Здесь следует сделать три замечания.

1) Формы 1-го и 3-го лица ед. числа были даны по рекомендации А.А. Зализняка (см. § 1).

2) Правильнее было бы пояснение *буд. от...* дать не по-русски, а по-норвежски, поскольку эта информация адресована норвежскому пользователю (*fut.* →).

3) Здесь не учтены императивные (повелительные) формы *разотрú, разотрúте*, о чем ниже.

Количество словоформ рассматриваемого типа может быть и довольно значительным, как в вышеприведенном случае (6 личных + 2 императивных = 8), и небольшим. При этом возможны случаи, когда одна из них как бы графически (фонетически) входит в состав других. Поясним сказанное примером. Исландское существительное sonur ‘сын’ имеет следующую парадигму (нерегулярные формы подчеркнуты): ед. число И. sonur, Р. sonar, Д. <u>syni.</u> В. son, мн. число И. <u>synir.</u> Р. sona, Д. sonum, В. <u>syni.</u> Представляются возможными следующие подачи:

1) (краткая)

syni(r) *см.* sonur

2) (менее компактная, но зато более детальная и информативная)

syni *Д ед., В мн. от* sonur
synir *И мн. от* sonur

Ср. далее:

шл(..) I <шла, шло, шли> *прош. от* идтú
шл(..) II <шлю, шлёт *и т.д.* > *буд. от* слать

Однако, если учесть императивную форму от *слать*, можно предложить следующие более или менее равноценные альтернативные решения:

шл(..) II 1. <шлю, шлёт *и т.д.* > *буд. от* слать 2. <шли(те)> *повел. от* слать
2) **шли** I *прош. мн. от* идтú
шли II *повел. от* слать

§ 4. Производные формы. Значительное число слов в очень многих языках являются производными. Нас в данном случае будет интересовать только часть таких слов, а именно те, которые образованы при помощи средств, продуктивных в настоящее время в данном языке, и значение которых выводимо из значения производящей основы и данного словообразовательного показателя (например, аффикса), т.е., выражаясь просто, слова, которые легко образуются и легко понимаются. Ниже они будут называться регулярными производными формами. То обстоятельство, что производящее слово, в свою очередь, может быть производным (ср. *строительный* < *строитель* < *строить*), в настоящей связи несущественно.

Таким образом, здесь нами не будут рассматриваться случаи, во-первых, когда слово образовано при помощи непродуктивного в настоящее время показателя (рус. *пальба* < *палить, дешевизна*< *дешёвый*), во-вторых, когда значение производного слова несоотносимо со значением слова производящего (рус. *молодец* < *молодой, вареник* < *варить*, нем. Nenner ‘знаменатель’ < nennen ‘называть’). Естественно, не будут рассматриваться случаи, когда у производного слова налицо обе названные характеристики, ср. рус. *первач* < *первый*.

Практически в каждом, даже большом, словаре многие из регулярных форм отсутствуют. Это вполне понятно: за этот счет достигается значительная экономия места в словаре.

Компрессия словаря (его «ужатие») за счет регулярных производных слов осуществляется двумя способами: 1) слово может полностью отсутствовать в словаре; 2) слово может приводиться с отсылочным определением или отсылкой. Для двуязычных словарей характерен в основном первый способ, для толковых — второй, ср. отсутствие леммы **компетентно** в «Русско-английском словаре» и отсылку в ССРЛЯ:

компетентный ... компетентно, *нареч.*

Для возможности такой компрессии в двуязычных словарях необходимо еще одно дополнительное условие — регулярный характер образования эквивалента в выходном языке: регулярный характер образования слова во входном языке словаря, естественно, отнюдь не является гарантией того, что в выходном языке эквивалент также будет регулярным образованием. Это можно проиллюстрировать примером существительных со значением свойства, образованных от прилагательных в русском и германских языках.

От русских качественных прилагательных, в общем, регулярно образуются существительные с суффиксом *-ость,* имеющие значение свойства по значению данного прилагательного (*нерушимый — нерушимость, регулярный — регулярность*), тогда как в германских языках дело обстоит несколько иначе, например, в норвежском аналогичные существительные с суффиксом *-het* (реже *-skap* или другими суффиксами) образуются не столь легко. По этой причине русские существительные с суффиксом *-ость* нередко приходится переводить описательно, при помощи различных конструкций, например: *фантастичность/утопичность проекта* — норв. prosjektets fantastiske/ utopiske karakter.

В то же время очень большое число русских наречий, образованных от прилагательных, регулярно переводятся на многие языки, и поэтому их опущение в русско-иноязычных словарях вполне оправданно.

Таким образом, опускать те или иные регулярные формы в словнике конкретного двуязычного словаря можно только после тщательной проверки регулярности образования их эквивалентов в выходном языке словаря.

Особо следует рассмотреть не столь уж редкий в двуязычной лексикографии случай, когда у регулярных производных форм входного языка вообще нет единых, обобщающих эквивалентов и разным употреблениям входного слова соответствуют различные регулярные переводы в выходном языке. Это можно показать на примере русских существительных,

обозначающих лиц женского пола определенной национальности (*норвежка, шведка, голландка, украинка, грузинка* и т д.) и их переводом на скандинавские языки, в частности на норвежский. Дело в том, что в норвежском нет специальной модели для обозначения таких понятий (за исключением всего нескольких, и притом весьма книжных, форм с суффиксом *-inne* от существительных с суффиксом *-er* типа russer 'русский' — russerinne), и поэтому данные русские существительные поразному переводятся в различных словосочетаниях. Ср. *она — норвежка/русская/китаянка* = hun er norsk/russisk/kinesisk (norsk, russisk, kinesisk — прилагательные) и *одна норвежка/ русская/китаянка* (например, *вчера я встретил одну норвежку* и т.д.) = en norsk/russisk/kinesisk dame/jente/ pike (dame 'женщина', jente, pike 'девушка') и т.п.

Легко увидеть, что приведение всех этих различных лексических способов перевода под каждым словом, обозначающим женщину, — представителя какой-либо национальности, привело бы к многократному дублированию однотипных моделей и, следовательно, увеличению объема словаря. Между тем этого можно избежать применением простого приема, использованного в РНС. Прием этот заключается в следующем. Все такие конструкции приводятся только под одной леммой, в данном случае, в статье *норвежка.* В других аналогичных статьях дается лишь основной перевод, а в отношении всех прочих конструкций пользователь отсылается к статье *норвежка.* Обозначается такого типа отсылка двойной стрелкой. Ср.:

датчан||нн ... ; -ка^{3*а} *ж* dansk kvinne ⇒ норвежка

Описанный прием может быть использован гораздо шире — для передачи перевода однотипных конструкций, что дает по всему словарю значительную экономию места, которое может быть использовано для других важных целей. Так, различные конструкции с названиями дней недели в принципе можно привести только в одной статье (например, в первой по алфавиту), а в других ограничиться переводом и отсылкой к этой статье. Ср. подачу в РНС:

воскресень|е^{6*а} *с* søndag *-en, -er*;... по ~ям, в ~е ...; в (это) ~е ...; в прошлое ~е ...; в будущее ~е ...; в ~е утром ...; в ночь на ~е ...
вторник^{3а} *м* tirsdag *-en, -er* ⇒ воскресенье

Аналогично в статьях **понедельник, среда** и т.д. Этот же прием может быть использован для перевода названий месяцев, числительных и т.д.

§ 5. Словообразовательные аффиксы как леммы. Словообразовательные аффиксы в двуязычной лексикографии оказываются, так сказать, ничьей землей. За очень редкими исключениями, они не входят в корпус словаря, так как не являются словами и потому их относят к грамматике и рассматривают в грамматическом очерке при словаре, да и то далеко не всегда. Но даже в последнем случае – и это весьма существенно – для пользователя словаря есть как минимум два неудобства. Во-первых, аффиксы описываются в грамматическом очерке при словаре по частям речи, с которыми они употребляются, и по значениям, что делает поиск нужного аффикса достаточно трудоемким делом. Во-вторых, в грамматическом очерке при словаре обычно не сообщаются в явной форме наиболее частые способы передачи на выходном языке словаря этих словообразовательных аффиксов – суффиксов, префиксов, циркумфиксов (см. выше), а для некоторых языков, например кхмерского или тагальского, и инфиксов.

Включение в словник словообразовательных аффиксов оказало бы пользователю помощь также в понимании окказионализмов, не так уж редко встречающихся в текстах.

Естественно, речь здесь идет только о продуктивных аффиксах; таковы, например, русские аффикс *-ик* (*столик*), циркумфикс *за-...-е* (*Забайкалье, зазеркалье*), префикс *раз-* (*разрезать*) и т.п.

Помещение словообразовательных аффиксов в корпус словаря на свое алфавитное место с описанием их значения и их (наиболее употребительных) соответствий в выходном языке дало бы пользователю весьма полезную информацию, к тому же получаемую с минимальной затратой времени.

Описание значения словообразовательных аффиксов следует давать на языке того пользователя, для которого родным является выходной язык словаря, т.е. для пассивного пользователя. Приведем пример (РНС):

> **раз-** (разо-, разъ-, рас-) *verbalprefjks som angir at* **1.** *objektet deles, knuses osv.* разби́ть, разруби́ть **2.** *objektet tas fra hverandre, demonteres osv.* разобра́ть, раздви́нуть **3.** *objektet fordeles* разда́ть, разли́ть **4.** *handlingen er rettet til forskjellige kanter* разброса́ть, разбры́згать **5.** (*med partikkelen* **-ся**) *flere subjekter beveger seg til forskjellige kanter fra ett punkt* разлете́ться, разбрести́сь ... и т.д., всего 9 значений [Перевод: ... глагольный префикс, указывающий на то, что: **1.** объект делится, разбивается и т.д. ... **2.** объект разбирается, демонтируется и т.д. ... **3.** объект распределяется ... **4.** действие направлено в разные стороны ... **5.** (с суффиксом -ся) несколько субъектов перемещаются в разные стороны из одного места ...]

В этой связи существенным моментом представляется то, что в ряде языков с развитым аффиксальным образованием одно и то же значение у слов одного грамматического разряда зачастую выражается разными аффиксами или разными вариантами одного и того же аффикса (с возможными морфонологическими альтернациями). Сказанное можно проиллюстрировать примером уменьшительных суффиксов при русских названиях деревьев, ср. *дуб – дубок, клён – кленок, ель – ёлка, ёлочка, сосна – со́сенка, сосёнка, берёза – берёзка, берёзонька, рябина – рябинка, рябинушка, осина – осинка, лиственица – лиственичка* (?) и т.д. (вопрос о народно-поэтическом характере форм *берёзонька, рябинушка* в данной связи непринципиален: введение этой информации в словарь легко осуществимо). Важно при этом, что некоторые русские названия деревьев не образуют таких уменьшительных форм (например, *ольха, вяз, каштан*), особенно те, которые относительно редко встречаются в собственно России (*бук, граб, кедр*) или вообще не характерны для ее растительного мира (*эвкалипт, баобаб, бамбук*). Из этого для двуязычной лексикографии следует один важный вывод, для чего подробно рассмотрим в качестве примера одно из приведенных выше слов с точки зрения его перевода, скажем, слово *дубок*.

Очевидно, что перевод этого слова на другой язык не будет сопряжен с трудностями для французского, немецкого и т.д. пользователя словаря, знающего или определившего значение уменьшительного суффикса *-ок* и способ его передачи. Иными словами, у пассивного пользователя особых проблем не будет. В принципиально ином положении будет активный (т.е. нерусский) пользователь иноязычно-русского словаря, которому надо передать по-русски значение английского словосочетания a little oak, немецкого eine kleine Eiche, норвежского en liten eik и т.п., разумеется, если он, зная о широкой употребительности диминутивов в русском, не хочет довольствоваться поэлементным переводом *маленький* (*молодой* и т.д.) *дуб*. Конечно, он в принципе может сконструировать такую форму при помощи информации в разделе о русском словообразовании в грамматическом очерке при словаре, но путь этот трудоемкий и сложный, к тому же такой очерк не может содержать всей необходимой информации. Следовательно, такого рода сведения целесообразно приводить при лемме. В целях экономии места такая словообразовательная информация может вводиться с помощью условных обозначений, например, для умень-

шительных форм можно использовать знак > («меньше»), а для увеличительных – знак < («больше»), например:

дом ... (> -ик, ~и́шко, < -и́ще, -и́на)...

Отсутствие информации об уменьшительных или увеличительных формах означает, что данные формы не употребляются (во всяком случае, в обычной речи):

сосна ... (> со́сенка, сосёнка) ...
труба ... (> тру́бочка) ...
окно ... (> око́шко, око́нце) ...
дверь ... (> две́рка, две́рца)...

Строго говоря, такие сведения могут быть отнесены к парадигматической информации о слове.

Отметим тот самоочевидный факт, что формы с подобными аффиксами вводятся в словарь в качестве самостоятельных лемм, если они: а) входят в состав фразеологизмов, б) имеют дополнительные значения, в) входят в омонимическую пару (в омонимический ряд), ср. (РНС):

липк|а ... *уменьш. от* липа I ◊ **обобрать {ободрать}** *кого-л.* **как ~у ...**
ручк|а ... **1.** *уменьш. от* рука I **2.** (*рукоятка*) ... **3.** (*у кресла*) ... **4.** (*для пера*) ... ◊ **дойти до ~и ...** и т.д.
дверца ... **1.** (*шкафа, автомашины и т.п.*) ... **2.** *уменьш.* ... (Напротив, форма **дверка** в словник как самостоятельная лемма не вводится, поскольку она образована регулярно и имеет только уменьшительное значение.)
бычок ... I ... (*молодой бык*)...
бычок ... II ... (*рыба*) ...
бычок ... III ... (*окурок*) ...

Вместе с тем наличие таких самостоятельных статей (**липка, ручка, дверца** и т.д.) не делает излишним приведение сведений об аффиксальных образованиях, ср. выше пример **дверь**.

§ 6. Двуязычный словарь и норма. В этом параграфе нам предстоит рассмотреть два блока вопросов: 1. В какой мере двуязычный словарь должен быть нормативным и какое место в нем следует отвести разговорной и ненормативной лексике, просторечию и сленгу; 2. Каким должен быть образ действий лексикографа, работающего с языком, который в силу тех или иных причин не имеет четкой нормы.

1. По определению, нормативный словарь – это словарь, фиксирующий то, что признается правильным, соответствующим норме и не включающий в себя того, что считается лежащим за пределами последней.

Здесь нет возможности детально рассмотреть вопрос о том, что такое языковая норма и каковы ее критерии, и потому изложение этой сложной проблематики будет очень кратким. По большей части, такими критериями считаются три. Во-первых, это представленность факта у наиболее авторитетных авторов, особенно у писателей-классиков. Во-вторых, важным критерием признается распространенность рассматриваемого явления. Наконец, третьим критерием считается довольно расплывчатое требование соответствия явления основным законам языка, его важнейшим закономерностям. Характерно при этом, что возможность приложения всех этих трех критериев одновременно не считается обязательной: в зависимости от того, какой из них может служить свидетельством правоты нормализатора, именно он, этот критерий, и привлекается в качестве аргумента. Так, всегда можно сказать: «Вот видите, и Пушкин (Гёте, Бальзак, Диккенс и т.д.) так писал», но можно с такой же убежденностью сказать: «Со времен Пушкина (Гёте, Бальзака, Диккенса и т.д.) русский (немецкий, французский, английский и т.д.) язык претерпел серьезные изменения, и потому это употребление не имеет доказательной силы. Пушкин, к примеру, рифмовал *нежно* и *безнадежно, человек* и *потек,* но формы *безнадежно* и *потек* устарели, теперь мы говорим только *безнадёжно* и *потёк*». Точно так же обстоит дело со вторым критерием. В одном конкретном случае можно сказать: «Все или почти все русские так говорят», и это должно служить доказательством правоты нормализатора, но этот же нормализатор в другом случае может высказать мысль, совершенно противоположную: «Общераспространенной может быть и ошибка» (т.е., повторяя известную цитату из купринского «Поединка», *вся рота шагает не в ногу, один поручик Ромашов шагает в ногу*). Вот совсем свежий пример: все чаще слышится, в том числе и по радио, как употребляется частица *не* вместо *ни* в сочетаниях *кто бы то ни был, где бы то ни было* и аналогичных. Такое весьма распространенное употребление осуждается блюстителями чистоты русского языка (пока?). Наконец, третий критерий вообще в приложении к тому, что нас в этой работе интересует в первую очередь, а именно слова́ и словосочетания, их значения и произношение, «не работает». Например, автору этих строк представляется нелитературным часто встречающееся употребление слова *кино* в значении ‘кинофильм’, равно как и

выражение *интересное кино* 'странное дело, любопытная история', но доказать это с помощью «внутренних законов русского языка» он не берется. Мы, уроженцы Ленинграда/Петербурга, всю жизнь говорили и говорим *бáловать,* но эта форма снабжена в «Орфоэпическом словаре русского языка» пометой «не рекомендуется». Больше повезло нашей петербургской форме *рáкушка,* которую этот же словарь квалифицирует как «допустимую» при основной форме *ракýшка.* До недавнего времени наша питерская форма *петля́* осуждалась как локальная, но в названном словаре она дана как равноценная с *пéтля.* Неясно, как можно объяснить эти факты с помощью «внутренних законов русского языка». В общем, если называть вещи своими именами, нормой является то, что признается правильным нормализаторами, а критерии (чаще один или два) прилагаются тогда, когда факт соответствует взглядам нормализаторов.

В принципе, в этом нет ничего дурного. Нормализаторы, как правило, – люди с широкой филологической подготовкой и эрудицией, прекрасно владеющие языком. Тем не менее и они не свободны от известного субъективизма.

В сущности, полностью нормативных словарей не бывает. Даже самые строго нормативные словари включают в свой корпус известное количество коллоквиализмов (разговорных слов и словосочетаний), областных (диалектных) единиц и др. Дело в том, что такого рода единицы широко представлены в текстах наиболее авторитетных авторов («классиков»), словоупотребление которых фиксируется нормативными словарями прежде всего. Множество подобного рода единиц можно найти, в частности, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка».

Из сказанного для двуязычной лексикографии следует достаточно простой, но весьма важный вывод. В отношении ненормативной лексики автору двуязычного словаря надлежит руководствоваться только критерием употребительности (частотности). Ведь пользователь словаря может иметь дело с самыми разными текстами, и отнюдь не только литературными. Не дело автора словаря определять, какие слова и словосочетания пользователю словаря знать положено, а какие нет, быть, так сказать, лексикографической дуэньей. Все лексические единицы, частотная характеристика которых лежит выше избранного для данного словаря порога, подлежат включению в словник, в том числе самые грубые, «неприличные» слова. Уместно вспомнить известное высказывание крупного языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Неприличия исследователь языка не знает, и все слова для него одинаково приличны ... Слова *Бог, генерал* и т.п. так же хороши, как, например, *жопа* и т.п.

В этом отношении не следует брать пример ни с Даля, ни с Макарова, которые вследствие какой-то нелепой, монашеской или евнуховской, скромности выбросили некоторые очень важные и интересные слова, о значении которых, в случае их исключения из нашего Словаря (речь идет о Предполагавшемся русско-польском словаре. – *В.Б.*), польский читатель должен был бы судить по собственному разумению, частным порядком» (Бодуэн де Куртенэ 1963:143). Поясним, что именно И.А. Бодуэн де Куртенэ добавил в 3-е издание словаря В.И. Даля ряд «неприличных» лемм, естественно, вошедших и в 4-е издание; характерно, что именно по этой причине в СССР переиздавалось 2-е издание далевского словаря, не содержащее этих единиц, одиозных, с точки зрения пуританской советской лексикографии.

Существенно здесь и следующее соображение. Отсутствие в толковом (одноязычном) словаре ненормативной лексики (являющееся, на наш взгляд, принципиально неправильным решением, хотя и достаточно распространенное в ряде стран), в общем мало снижает ценность толкового словаря как с п р а в о ч н о г о пособия: такая лексика хорошо знакома фактически всем членам языкового коллектива, и люди редко обращаются к словарю для установления значения таких сниженных единиц; однако для полного н а у ч н о г о описания лексики языка в определенный период его развития включать рассматриваемую лексику, конечно, надо. Иное положение с двуязычным словарем. Отсутствие в нем употребительных сниженных единиц наносит пользователю словаря немалый ушерб.

Во-первых, пользователь, как уже говорилось, может иметь дело с самыми разными текстами, т.е. отнюдь не только литературными. Какой резон ограничивать компетенцию словаря и лишать пользователя возможности узнать значение ряда достаточно частотных единиц (слов и словосочетаний)?

Во-вторых, и в письменных, литературных текстах встречается известное количество ненормативной лексики. Особенно это характерно для русской литературы последних лет. Некоторые произведения просто наводнены лексическими единицами, еще недавно абсолютно немыслимыми в печатном тексте. Об этом см., в частности, Мокиенко 1995:VI—VII. Можно по-разному относиться к этому явлению, но, повторимся, задача лексикографа — включать в словарь то, что часто встречается в речи, а не стоять на страже лексического целомудрия пользователя.

Наконец, в-третьих, только в двуязычном словаре пользователь может найти э к в и в а л е н т ы таких единиц. Вопрос об эквивалентах будет подробно рассмотрен в § 20, здесь же мы

ограничимся следующим утверждением: ненормативные единицы по возможности должны снабжаться ненормативными эквивалентами – разумеется, с соответствующими пометами, включая запретительные (например, в РНС используется помета *tabu* с одним, двумя и даже тремя восклицательными знаками).

2. Лексикограф – автор двуязычного словаря сталкивается с комплексом проблем, когда он имеет дело с языком (входным или выходным языком словаря), у которого отсутствует единый стандарт, имеющий обязательный характер. В принципе тут имеются в виду два основных типа ситуаций: 1) у языка, в силу специфики его исторического развития или географического распространения, вообще отсутствует единая норма; 2) официальная норма существует, но не вполне адекватно отражает речевую практику образованных слоев населения. Рассмотрим эти ситуации порознь.

1) Единая норма может отсутствовать прежде всего у бесписьменных языков. В этом случае перед лексикографом встает задача выработки языковой нормы – произносительной, морфологической и т.д., т.е. целый комплекс проблем, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. Менее сложна задача, когда один язык представлен в двух или более национальных вариантах, например, английский в Великобритании, США, Канаде, Австралии и т.д., немецкий в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге (здесь речь, естественно, идет не о люксембургском диалекте, Letzebuergisch, являющемся родным для жителей этой страны и имеющем официальный статус, а о литературном немецком, Hochdeutsch), нидерландский в Нидерландах и Бельгии и т.д. В таких случаях, как правило, – при желании – в словарь можно включить специфические единицы того или иного варианта, отразить при необходимости разновидности произношения и т.д. Отметим в этой связи лишь то, что для некоторых языков целесообразно пересмотреть вопрос о ведущем варианте. Так, во многих странах, в том числе и в России, в словарях с английским языком отражается его британский вариант, тогда как американский вариант, по ряду соображений, был бы предпочтительнее. Уместно усомниться и в том, что бразильский вариант португальского языка, на котором говорит в 12 раз больше людей, нежели в Португалии, менее желателен, чем португальский Португалии.

2) Сложнее комплекс проблем, которые приходится решать лексикографу в случае, когда официальная норма находится в некотором противоречии с реальной языковой практикой, что, например, наблюдается в Норвегии. Автору настоящей книги

в процессе работы над РНС и БНРС приходилось неоднократно отступать от рекомендаций официальных норвежских нормативных словарей. Обсуждать суть этих отступлений, по существу, здесь нет ни необходимости, ни возможности. Важно общее положение: д в у я з ы ч н ы й с л о в а р ь д о л ж е н о т р а ж а т ь р е а л ь н у ю я з ы к о в у ю п р а к т и к у (образованных слоев) н а с е л е н и я, т.е. тот вариант, который представлен в наиболее авторитетных изданиях, у наиболее авторитетных авторов, который всего более используется на радио, телевидении и т.д. Это требует от лексикографа значительной дополнительной работы и принятия ответственных решений, но это необходимо.

§ 7. Специальная лексика. В литературе по лексикографии неоднократно отмечалось, что отбор специальной лекси-ки для обычного, т.е. не-отраслевого, словаря относится к наиболее сложным проблемам словарной работы. Трудность состоит в том, что, руководствуясь совершенно верным общим принципом – включать в словарь только широкоупотребительную терминологию, избегая слов узкоспециальных, лексикограф во множестве случаев не располагает объективной информацией о том, является ли данное конкретное слово общеупотребительным или, напротив, узкоспециальным. Здесь лексикографа подстерегают две опасности: зная, в силу своего индивидуального опыта, какой-либо специальный термин, он может быть склонен включить его в словник, либо, напротив, не доверяя своему опыту, он может, из опасения опустить что-либо важное, включить слишком специальные единицы. Немало таких слов перекочевывает из словаря в словарь. Существенным психологическим моментом является здесь оглядка лексикографа на другие словари с тем же входным языком, опасение обеднить свой словарь по сравнению со словарем предшественника или коллеги.

Неоднократно делались попытки найти объективные критерии отбора специальной лексики для неотраслевых словарей. В качестве таких критериев предлагались, например, лексика учебников общеобразовательной школы, лексика популярных книг и журналов и т.п. Все эти критерии на поверку оказываются неудачными, что мы в свое время пытались показать (Берков 1973:64–66).

Таким образом, лексикографы оказываются в ситуации, когда объективных критериев нет, а субъективное ощущение употребительности во многих случаях дает ненадежные результаты.

Следует также иметь в виду, что обращение к специалистам в той или иной области не дает желаемых результатов: они, как правило, склонны завышать число наиболее употребительных терминов в своей области, что вполне естественно; кроме того, для них роль термина определяется его значимостью в системе понятий, тогда как для лексикографа важна употребительность термина.

Полезные результаты для лексикографии – и не только для нее – мог бы дать эксперимент, в котором достаточно репрезентативной группе потенциальных пользователей двуязычных словарей были бы предложены тематические списки терминов (например, по автоделу, фотографии, хирургии, телевидению, мореплаванию и т.д., и т.п.), в которых они отметили бы те, которые им представляются известными и потому заслуживающими включения в словарь. Однако такие эксперименты, видимо, – дело будущего, а проблема специальной лексики стоит перед лексикографами сегодня.

Ввиду изложенного приходится признать, что вопрос об охвате специальной лексики обычными словарями в настоящее время может решаться только на основе субъективной оценки употребительности. Можно предложить лишь несколько самых общих рекомендаций.

1. Прежде всего надо четко отобрать те *области* науки и техники, терминология которых будет включена в словарь. Ясно, что сами эти области не должны быть слишком специальными: так, едва ли кто-либо сочтет целесообразным широкое отражение в обычном словаре терминологии высшей математики, ядерной физики, геодезии, демографии, антропологии, фонологии, полиграфии, текстильного дела и т.п. Напротив, предпочтение следует отдавать тем областям науки, техники, социальной жизни, с которыми современный образованный человек всего более сталкивается в своей повседневной жизни, о которых он читает в газетах, слышит по радио, которые он видит в телевизионных передачах, с которыми он в большей или меньшей степени знаком. Так, можно полагать, что современный человек, например, знаком с основными понятиями политики, фотографии, медицины, строительства, автодела и т.д. Таким образом, лексикографу следует очертить круг тех тем, которые интуитивно ощущаются как «не слишком специфические», представить себе компоненты, составляющие активный и пассивный запас слов пользователя словаря, и достаточно полно и точно перечислить их. Иными словами, он должен отразить в словаре лексический запас полноценного члена данного языкового коллектива – взрослого человека,

имеющего полное среднее образование, хорошо начитанного в научно-популярной и политической литературе, знакомого с основными видами практической деятельности, выполняемыми в этом обществе.

Важно также достаточно полно отразить в словаре «повседневную терминологию», т.е. разного рода термины, с которыми современный человек сталкивается в повседневной жизни, например, слова, связанные с устройством жилища, транспортом, социальным страхованием, болезнями, телевидением, политикой и т.п.: *скрытая проводка, косметический ремонт, циклёвка, кинескоп* (разг. *трубка*), *видеокассета, нерегулируемый перекрёсток, преимущественное право проезда, стоп-кран, контактный провод, временная нетрудоспособность, аритмия, острое респираторное заболевание, погашение* (*займа*), *силовые министры/министерства, дискета* и т.д.)

2. Очень важна последовательность, системность в отборе терминологии, включаемой в словарь: отбираться должны слова и словосочетания приблизительно одинаковой важности и частотности. Это можно проиллюстрировать на примере терминов автодела. Если в словарь включаются единицы *карбюратор, радиатор, сходимость/схождение* и *спидометр,* то логично включить также такие термины, как *сцепление, развал* (*колес*), *акселератор, стеклоподъемник* и *картер.* Однако в обычных словарях сплошь и рядом такой последовательности в отборе специальной лексики не наблюдается: в словари попадают периферийные термины, а более важные отсутствуют.

Между тем этого можно избежать, если вопрос о включении того или иного конкретного термина решать не тогда, когда составитель, двигаясь по алфавиту словаря, дошел до него, а заранее подготовить списки терминов по различным темам.

3. При выработке таких списков можно применить метод, использовавшийся, по описанию Х. Касареса, во время работы над толковым словарем испанского языка членами Испанской академии. Критерий, по которому отбирались специальные слова, был следующий: «если специальный термин определенной области знания известен культурным людям, занимающимся другими специальностями, можно считать, что данное слово получило необходимый минимум распространения для того, чтобы войти в общий словарь» (Касарес 1958:301). Поэтому, когда, например, специалисты по медицине указывали на необходимость пополнить словник какими-либо терминами, «присутствовавшим академикам – естественникам, ораторам, физикам, драматургам, юристам, поэтам, филологам и т.д. –

задавали вопрос, известны ли им данные слова и считают ли они целесообразным включение их в словарь. Если большинство опрошенных лиц давало утвердительный ответ, вопрос о включении в словарь термина, предложенного специалистом, решался положительно» (Касарес 1958:301–302). Данный метод не лишен определенных недостатков, однако лучшего пока не найдено.

4. Как уже отмечалось выше в другой связи, некоторая – сравнительно небольшая – часть словника определяется спецификой жизни коллектива выходного языка словаря. Это, разумеется, относится и к специальной терминологии. В самом деле, если, например, какая-либо отрасль народного хозяйства является важной в жизни коллектива выходного языка словаря, то естественно предположить, что эта отрасль бывает темой общения двух данных языковых коллективов.

В принципе должен был бы быть составлен список терминов для каждого языка: нецелесообразно каждому лексикографу проделывать одну и ту же работу. Однако пока, насколько нам известно, такие списки для двуязычных словарей различных объемов не выработаны.

§ 8. Устаревшие слова. Прежде чем рассмотреть вопрос о степени охвата устаревших слов большим двуязычным словарем, необходимо сделать определенные терминологические уточнения.

Из категории устаревших слов следует исключить слова, выпавшие из языка к тому периоду его развития, который описывается в словаре: этих слов в языке уже нет, они не существуют (Ахманова 1957:274), они так же непонятны, как и слова иностранного языка (Филин 1957:42). Примерами таких выпавших из русского языка слов могут служить *уй, стрый* (Ахманова 1957:274), *котора, прѣ, вѣверица* (Филин 1957:42).

Среди собственно устаревших слов целесообразно различать архаизмы и историзмы.

Архаизмы – это лексические единицы, вытесненные из живого языка другими, более или менее синонимичными им, но еще употребляющиеся в особом, специфическом стиле.

Историзмами называют слова, обозначающие реалии, вышедшие из обихода языкового коллектива. Реалии эти могли выйти из обихода в разное время: и несколько столетий, и всего несколько лет назад. Так, историзмами в русском языке в настоящее время являются как слова *вира, барщина, оброк, околоточный*, так и лексемы *нарком, партком, выездная комиссия,*

КГБ. В отношении историзмов недавнего прошлого России – обозначений реалий жизни бывшего СССР – уместно использовать специальную помету – *совет.* (советизм). Нередко историзмы «возвращаются» в язык в результате социальных и других изменений в жизни общества, ср. современные русские единицы *дума, господин, благотворительность, освящение* и даже просторечное *лимон* 'миллион' (сейчас оно снова вышло из употребления).

Многие архаизмы и историзмы, сохраняя свою специфическую окраску, обладают в языке высокой частотностью, многие известны носителям языка, но лишь пассивно, а многие, наконец, понятны лишь приблизительно. Активный и пассивный запас лексем современного человека включает в себя значительное количество устаревших слов (архаизмов и историзмов) благодаря, в первую очередь, всеобщему школьному обучению (особенно курсу истории) и в значительной степени связанному с ним обязательному (облигаторному) чтению текстов (литературных и фольклорных), созданных в довольно отдаленные периоды. Иначе говоря, благодаря коллективному чтению многие устаревшие слова удерживаются в коллективной памяти.

Какие выводы следуют из этого для двуязычной лексикографии?

С одной стороны, не требует доказательств утверждение, что даже большой двуязычный словарь просто не может охватить значительного количества устаревших слов (архаизмов и историзмов), как, впрочем, видимо, не могут охватить их в полном объеме даже многотомные толковые словари (ряд слов и выражений в текстах Достоевского мы не нашли в ССРЛЯ). С другой стороны, столь же очевидно, что определенное количество устаревших слов большой двуязычный словарь содержать должен. Проблема, следовательно, состоит в критерии их отбора.

Таким критерием может служить их функциональная роль, а именно их встречаемость в текстах, чтение которых обязательно для данного языкового коллектива. В самом деле, коль скоро словарь не может включить в себя большого количества устаревших слов, то логично отобрать из них те, которые с наибольшей вероятностью будут «востребованы» пользователем, т.е. те, которые встречаются в наиболее известных текстах. Сказанное относится прежде всего к архаизмам. Что касается историзмов, то критерием здесь, в первую очередь, могут служить школьные учебники истории: они сообщают членам языкового коллектива – потенциальным пользователям словарей – важнейшие историзмы. Впрочем, роль художественной литературы в этом отношении достаточно велика.

В употреблении помет при словах рассматриваемого типа в словарях немало неточностей и непоследовательностей. Так, в «Русско-голландском словаре» слова *денщик, канонир* снабжены пометой *уст.*, слова *гренадер, гусар* — пометой *ист.*, а слово *кирасир* вообще никакой ограничительной пометы не имеет. Следует четко различать случаи, когда устарело слово (архаизм) и когда устарела реалия (историзм).

§ 9. Диалектизмы. По определению, диалектизм (областное слово) — лексическая единица, характерная для одного или нескольких диалектов (говоров) и неупотребительная в литературном (общенациональном) языке: в противном случае в этот термин вкладывалось бы иное значение.

Существуют различные классификации диалектизмов. Для целей данной работы можно взять упрощенное деление диалектизмов на три группы: фонетические, лексические и семантические.

Фонетические диалектизмы представляют собой слова того же морфологического состава, что и слова литературного языка, но имеют иной фонемный состав; существенно при этом, что такие отличия в фонемном составе подчиняются четким закономерностям, или, иначе, описываются массовыми правилами. Так, литературному норвежскому слову gård [går] («радикальный» вариант gard [ga:r]) в разных диалектах соответствуют формы [ga:r, gɔ:ɭ, ga:ɭ, gauɭ] и др.

Лексические диалектизмы — это слова иного корня, чем слова с тем же значением в литературном языке, ср. рус. обл. *рюхи* 'городки'. Естественно, что лексические диалектизмы могут иметь несколько различный фонетический состав в разных диалектах: ср. норв. литер. sigd 'серп' и его соответствия в диалектах, образованные от корня со значением «резать; жать (серпом и т.п.)» (литер. skjære 'резать; жать'): skyru, skjuru, skuru и др.

Семантические диалектизмы — это слова с иным (дополнительным) значением по сравнению с соответствующими словами литературного языка. Так, в Иванове и Ивановской области *помазать* означает не только 'нанести слой масла на что-л.', но также и 'положить масло во что-л.' (*помазать суп*); *миской* называют также любую кастрюлю (с двумя ручками) и т.д.

Особо следует выделить два разряда слов, иногда неточно относимых к диалектизмам (хотя четкой грани между ними и собственно диалектизмами нет). Это — региональные дублеты и периферийные термины.

Региональными, или территориальными, дублетами (регионализмами, региональными вариантами) называются слова литературного языка, ограниченные в своем употреблении определенной географической областью. Так, *проездной* (*билет*) в Петербурге называют *карточкой*, в Южной России *баклажаны* зовут *синими* или *синенькими*, там же вместо *последний* (*в очереди*) говорят *крайний* и т.д.

Понятия, не играющие важной роли в жизни всего языкового коллектива и специфические прежде всего для сельской, негородской жизни, обозначаются словами, которые можно назвать периферийными терминами. Они не связаны с какими-либо конкретными диалектами. Примерами их в русском языке являются слова *матица* 'основная балка, поддерживающая потолочный настил (в деревянных постройках)', *лядина* 'пахотный участок среди леса на месте вырубки или пожарища', *обжа* 'оглобля у сохи; рукоятка у плуга или сохи' и аналогичные.

После этих предварительных замечаний обратимся к вопросу о включении диалектизмов в двуязычный словарь. Словарь обычно служит целям перевода с одного литературного языка на другой, и если исходить из этого, то диалектизмам вообще не место в словаре. Однако два момента делают такой прямолинейный подход неправомерным. Во-первых, во многих значительных литературных произведениях на многих языках широко использованы диалектизмы (вопрос о литературе на диалектах здесь не рассматривается). Во-вторых, во многих языках в разговорной речи даже образованных слоев населения используется большое количество диалектизмов, особенно региональных просторечных слов.

Вместе с тем очевидно, что двуязычные словари, даже самые большие, не могут охватить всех диалектизмов входного языка. Так, ни один русско-иноязычный словарь не охватывает полностью лексики Шолохова, Есенина, Гладкова и других советских писателей (Копецкий 1962:523). Из целого ряда норвежских диалектных форм (косвенного падежа) личного местоимения 2-го лица мн. числа (dår, døkk, døk, dikkån, dikan, dekk, deka, dòke, dåkk, dykker, døkkar, dokker) обширный дифференциальный норвежско-датский словарь (H. Christiansen, N. Å. Nielsen. Norsk-dansk ordbog med nynorsk-dansk ordliste, 1987) дает только dokker и dekk.

Таким образом, с одной стороны, в обычный большой двуязычный словарь должно быть включено известное количество диалектизмов, с другой — они должны быть отобраны по определенному критерию. Таким критерием, по мнению ряда ис-

следователей, должна быть их функциональная роль в языке литературы, их текстовая частотность. Самоочевидно, что отбор таких диалектизмов входного языка словаря не только не по силам составителю двуязычного словаря, но, собственно говоря, и не вопрос его компетенции: это задача специалистов по входному языку, и список таких диалектизмов, основанный на анализе лексики важнейших произведений литературы, может использоваться в разных словарях с данным языком в качестве входного. Сказанное относится, в первую очередь, к лексическим и семантическим диалектизмам. Что касается фонетических диалектизмов, то включение их в словарь, по нашему мнению, нецелесообразно, да во многих случаях и невыполнимо — как ввиду их обилия во многих языках, так и в силу того, что для них могут требоваться особые знаки; главное же соображение состоит в том, что приведение их к словарному виду подчиняется массовым правилам и что поэтому их можно не включать как особые леммы в словарь. Вместе с тем для ряда языков целесообразно в приложении к словарю сообщить пользователю в сжатой форме и обозримом виде основные сведения по диалектным особенностям входного языка.

Подчеркнем тот самоочевидный факт, что диалектизмы, включенные в словарь, обязательно должны снабжаться специальной пометой (типа *диал.*, *обл.*).

§ 10. Собственные имена. По существующей традиции, большинство двуязычных словарей содержит лишь списки современных географических названий. Иные типы собственных имен включаются в словари значительно реже и менее последовательно. Легко показать, что для перевода иноязычных текстов этого совершенно недостаточно. Разумеется, пассивный и активный пользователи словаря находятся в разном положении: первому много легче, хотя и у него могут возникать трудности.

Проиллюстрируем сказанное на примере русского, исландского и норвежского языков.

Русского пользователя, переводящего исландский текст, могут затруднить, например, следующие случаи:

Feneyjar ‘Венеция’
Rauðstokkur ‘Росток’
Leira ‘Луара’
Metúsala ‘Мафусаил’
«Jóhann Kristófer» ‘«Жан Кристоф»’
«Dagblað alþýðunnar»/«Alþýðudagblaðið» ‘«Женьминьжибао»’.

Впрочем в подобных ситуациях многое зависит от знаний и сообразительности пользователя: один поймет, что исл. «Lísa i Undralandi» — это «Алиса в стране чудес», что норв. «Første Mosebok» досл. «Первая книга Моисеева» по-русски называется «Книга бытия», другой — нет.

Для пассивного пользователя несомненную трудность представляют многие типы собственных имен, например, уменьшительные типа рус. *Вова* (< *Владимир*), *Шура* (< *Александр/Александра*), перифрастические названия типа рус. *Белокаменная*, *Северная Пальмира*, норв. Tigerstaden ‘Город-тигр’ или Byen med det store hjerte ‘Город с большим сердцем’ (об Осло; второе название ироническое), Rosenes by ‘Город роз’ (о Молде), Kiellands og Bjellands by ‘город Хьелланна и Бьелланна’ (о Ставангере) и т.д.

Значительно сложнее обстоит дело при переводе с родного языка на иностранный. Не вдаваясь в классификацию различных типов собственных имен и способов их передачи на другом языке (интересующиеся проблематикой отсылаются к работе: Берков 1973:88—109), отметим, что в очень многих случаях нельзя быть уверенным в том, что перевод будет правильно «угадан»; приведем примеры русско-норвежских соответствий (в квадратных скобках со знаком * дан «ожидаемый», т.е. наиболее вероятный перевод):

Петр I — Peter den store [*Peter I]
Сократ — Sókrates [*Sokrát]
Наполеóн — Napóleon [*Napoleón]
«Бесы» — «De besatte» [*«Demoner»]
«На Западном фронте без перемен» — «Intet nytt fra Vestfronten» досл. ‘Ничего нового с Западного фронта’ [*«Ved Vestfronten uten forandringer/endringer»]
«Собор Парижской богоматери» — «Ringeren i Notre-Dame» досл. ‘Звонарь в Нотр-Даме’ [*«Notre-Dame de Paris»]
«Женьминьжибао» — «Folkets dagblad» [*«Zhenminzhibao»]
«Kongsemnene» — «Борьба за престол» [*«Будущие короли»/*«Претенденты на (королевский) престол»]
«Møte ved milepelen» — «Моя вина» [*«Встреча у вехи»].

Можно упомянуть еще ряд трудностей, возникающих при переводе имен собственных с родного языка на иностранный. Это прежде всего фонетические, в том числе просодические, моменты, ср. норв. Hamsun — *Гамсун*, рус. *Нóвая Землá* — норв. Novája Zémlja, рус. *Гейне* — норв. Hèine (тонема 2). Существенны, далее, грамматические характеристики имен (тип склонения и «левый» предлог), ср. рус. *Тверь — Тверú*, *на Украине* — нем. in der Ukraine, норв. i Ukraina, рус. *в Крымý* — норв. på Krim

(русскому предлогу *в* обычно соответствует нем. in, норв. i, а предлогу *на* – нем. auf, норв. på).

Из сказанного, как представляется, вытекает тот простой вывод, что в двуязычных словарях собственным именам следует уделять гораздо больше внимания, чем это обычно практикуется.

Рассмотрим отдельные разряды имен собственных, включение которых в двуязычные словари особенно важно. Однако перед этим – несколько замечаний, относящихся ко всем разрядам.

В двуязычных словарях нередко приводится в качестве эквивалента только та форма, которая считается правильной, а распространенная «неправильная» форма игнорируется. (Разумеется, это не касается широко известных имен: так, словари не пытаются «исправить» такие неточные транскрипции, как *Париж* (точное соответствие *Пари*), *Гейдельбéрг* (*Хáйдельберг)*, *Осло* (*Услу* или *Ушлу*), *Эйнштéйн* (*Áйнштайн*) и т.д.). Думается, такой подход неверен. Если норвежцы произносят Móskva и Novája Zémlja, то такое произношение целесообразно рассматривать как факт норвежского языка и именно его и отражать в словаре. Конечно, возможны подачи типа Москвá – Móskva (*правильнее* Moskvá), Нóвая Землѣ́ – Novája Zémlja (*правильнее* Nóvaja Zemljá), но в принципе ударение в исходных русских леммах само по себе достаточно для указания правильной акцентуации.

Уже неоднократно упоминавшееся положение, что словник двуязычного словаря в известной мере определяется выходным языком (точнее, спецификой жизни коллектива, говорящего на выходном языке словаря), полностью относится к именам собственным. В самом деле, для русско-норвежского общения актуальны такие собственные имена, как *Харальд Прекрасноволосый* (король, начавший объединение Норвегии), *Тронхейм* (третий по величине город Норвегии), *Кальмарская уния* (объединившая в 1397 г. Данию, Швецию и Норвегию) и т.п., а потому они должны войти в словник русско-норвежского словаря. Напротив, им не место, к примеру, в русско-киргизском словаре.

Поскольку названия одних и тех же объектов в двух данных языках часто различаются по своему фонемному составу и/или просодическим характеристикам (ударение, тонема) и эти их характеристики могут быть неизвестными пользователю, то даже простые, на первый взгляд, случаи должны охватываться словарем. Приведем примеры: *Марсéль* [-сэ́ль| – норв. Marseille l-séi\] (о знаке \ см. ниже), *Габсбург* – норв. Habsburg [-bʉrg], *Гейне* [-нэ] – норв. Hèine (тонема 2, как во всех двусложных именах на *-е*, например, Mòrse, Dànte, Goethe [«gø̀:tə], Hèbe ‘Геба’), *Апдайк* – норв. Updike [ˊøpdaik], *Ромен* [-мэ́н] *Роллан* – норв. Romain Rolland [rɔ̃mæ̀ŋ rɔ̃làŋ].

Трудности, связанные с просодическими характеристиками имен собственных, легко иллюстрируются на примере русских и норвежских фамилий. Можно полагать, что норвежец, изучающий русский язык, не знает ударений в распространенных русских фамилиях *Ворóнин, Вóронов, Воронкóв*, а русский, изучающий норвежский язык, не знает, что двусложные норвежские фамилии на *-sen* имеют тонему 1 (в восточнонорвежском произношении): Hánsen, Jénsen, Ólsen, Nílsen, Knútsen и т.п.), но что в фамилии Lårsen тонема 2.

Топонимы. Они более или менее единодушно включаются в словари. По этой причине можно ограничиться отдельными замечаниями.

В переводных словарях принято давать самые последние названия объектов; однако предшествующие названия могут достаточно часто встречаться в текстах. Город на Неве сейчас (снова) называется *(Санкт-)Петербург*, но топонимы *Ленинград* и *Петроград* (как, кстати, и разговорное *Питер*), конечно, тоже следует включить в словарь. Оправданно включение наименований типа *Персия, Золотой Берег, Сиам, Целебес* и т.п., встречающихся в текстах, не очень отдаленных от нас по времени.

Важны исторические топонимы (в том числе названия несохранившихся объектов), т.е. географические названия, с которыми связаны исторические факты, события, например *Карфаген, Троя, Вавилон, Византия, Фермопилы, Ватерлоо* и др. Для языков типа русского, в которых широко употребительны относительные прилагательные, важно учитывать и их; ср. *Аугсбургский религиозный мир, Нантский эдикт, Ленский расстрел, Курская дуга* и т.д.

Разумеется, в словарь должны включаться употребительные разговорные сокращенные названия (*Петербург* вместо официального *Санкт-Петербурга* и распространенные сокращения *М.* → *Москва, СПб.* → *Санкт-Петербург*, норв. *K.sand S* → *Kristiansand, K.sund N* → *Kristiansund*).

Среди топонимов надо особо выделить микротопонимы. Некоторые из них – названия всемирно известных улиц, площадей, а также (строго говоря, не являющиеся микротопонимами) названия знаменитых зданий, памятников, сооружений и т.д. – известны каждому образованному человеку и часто

фигурируют в письме и речи, например: *Красная площадь, Елисейские поля, Гайд-парк, Бродвей, Зимний дворец, Бастилия, Тадж-Махал, Падающая башня, Великая китайская стена, Медный всадник* и т.д.

Антропонимы. Их условно можно разделить на единичные и массовые. Первые связываются только с одним конкретным лицом (например, *Достоевский, Столыпин, Чингисхан, Вольтер, Эйнштейн*), последние такой связи с единичным объектом не имеют и могут обозначать множество различных лиц (*Сергей, Николаев,* Hans, Smith, Müller, Olsen). Четкой грани между этими группами, разумеется, нет и быть не может: лицо с «массовым» именем может стать историческим, и тогда имя расщепляется на «массовое» и «единичное» (распространенная фамилия *Павлов* – академик *Иван Петрович Павлов*), два лица (или даже более) могут иметь одно имя (*Лев Толстой, Алексей Константинович Толстой, Алексей Николаевич Толстой*) и т.д.

Включение в двуязычный словарь наиболее распространенных массовых имен (личных и фамилий) важно по следующим причинам.

1) Во многих языках по форме личного имени нельзя определить пол его носителя, ср. *Маргарита – Никита, Маша – Миша,* норв. мужские имена Helge, Rune, Kjetil, Sigurd, Roger и женские Hege, Line, Bodil, Gerd, Inger, финское мужское Toivo и женское Aino; в Норвегии Inge – мужское имя, в Дании – женское.

2) В ряде языков словарь должен сообщать пользователю звуковой состав и/или просодические особенности имени, ср. ударения в русских фамилиях; ср. далее норв. Lie [li:] (то обстоятельство, что это и массовое и единичное имя, вернее, несколько единичных имен, здесь несущественно), англ. Buchanan [bjuˊkænən] и т.п.

3) В языках, в которых распространено употребление уменьшительных имен (дериватов), пользователю нужна информация о том, от какого полного имени образовано данное уменьшительное: *Саша → Александр/Александра, Лёня → Леонид, Лера → Валерия,* исл. Nonni → Jón, Gvendur → Guðmundur, норв. Roffe → Rolf и т.д.

Несколько практических советов.

Для многих языков существуют специальные с л о в а р и л и ч н ы х имен (например: Петровский 1966, Рыбакин 1989, 2001). Однако в них включено множество малоупотребительных, а то и вовсе редких имен, так что здесь нужен тщательный

отбор. Полезно использовать работы по статистике современных личных имен, в которых обычно есть частотные списки. Это гарантирует от случайных пропусков.

Что касается ф а м и л и й, то, поскольку в общем частотные списки их отсутствуют, по крайней мере для большинства языков, наиболее надежным источником являются пока т е л е ф о н н ы е к н и г и. Выбрав некий количественный критерий (например, 20 абонентов с данной фамилией) можно получить сравнительно надежный исходный список, который потом можно (и нужно!) скорректировать. Конечно, у такого метода есть известные недостатки, но лучшего в настоящее время, как нам сообщили специалисты, нет. При написании РНС нами был применен именно этот простой метод. Насколько нам известно, наш список наиболее частотных русских имен (и их дериватов) и фамилий был впервые в русской лексикографии включен в двуязычный словарь.

Из единичных имен в двуязычном словаре целесообразно представлять следующие группы:

- имена наиболее известных исторических лиц;
- имена наиболее значительных деятелей литературы, искусства, науки и техники;
- широко известные имена литературных и фольклорных героев;
- имена богов, мифологические и библейские имена.

Названия наиболее известных, значительных п р о и з в е д е н и й л и т е р а т у р ы и и с к у с с т в а. Такие списки – возможно, впервые в истории двуязычной лексикографии – были составлены для РНС. Составление их было сопряжено с немалыми трудностями. Здесь были возможны два принципиально разных пути: взять за основу какие-либо существующие списки либо составить такие списки, руководствуясь собственной оценкой важности и известности того или иного произведения. В отношении списка литературных произведений был предпочтен первый путь – в основу были положены списки обязательной литературы для советских/российских вузов и средней школы, а списки произведений искусства (опера, балет, живопись, скульптура, кино и т.д.) были составлены автором. Естественно, тут не могло не быть некоторого субъективизма. В кратком введении к последнему списку сказано: «В обычный двуязычный словарь можно включить лишь небольшую часть названий наиболее значительных и наиболее известных – что не всегда одно и то же – произведений художников, скульпторов, композиторов, кинорежиссеров, архитекторов и т.д. Сле-

довательно, при составлении этого краткого списка был необходим очень строгий отбор. Задача автора значительно упростилась бы, если бы существовал какой-либо подобный сводный список, который можно было бы сократить либо, напротив, расширить. К сожалению, такой список автору неизвестен, и эту работу ему пришлось проделать самому, естественно, опираясь на некоторые отдельные списки. Такой отбор неизбежно субъективен. Всегда можно упрекнуть составителя в том, что в списке отсутствует название такой-то картины (например, нет «Святого семейства» или «Давида и Ионафана» Рембрандта), такого-то фильма (скажем, «Мольбы» Т. Абуладзе или «Корабля дураков» Стэнли Крамера) и т.д. Проще всего было бы вообще не давать подобного списка: все авторы двуязычных словарей так и поступают. Автор, однако, решил, что даже такой краткий список может быть полезен. В список сознательно не включались некоторые названия типа «Автопортрет», «Портрет ...», «...-я симфония» и аналогичные, а также названия фильмов — экранизаций художественных произведений, опер или балетов, названия которых совпадают с названием основного произведения (например, фильмов «Война и мир»), какими бы значительными они ни были» (с.1139–1140). Поясним, что список «Некоторые произведения мирового искусства и их авторы» в РНС включает в себя около 300 названий.

Названия партий, организаций, учреждений, фирм, театров и т.п., обладающие достаточно высокой частотностью в общении данных языковых коллективов, также должны включаться в словари.

Перейдем к практическим рекомендациям, общим для выработки списков названных выше категорий собственных имен.

1) Для каждого разряда, даже самого частного, следует составлять отдельный список. Это нужно и в том случае, когда словарь делается одним автором, и абсолютно необходимо, когда словарь пишется коллективом: иначе неизбежен разнобой с точки зрения частотности и подачи. Оптимальный вариант: все списки собственных имен для данного словаря составляются одним лицом.

2) Выше неоднократно использовались формулировки «наиболее известные», «наиболее употребительные» и аналогичные. Однако сколько-нибудь объективных критериев такой «известности» или «употребительности», естественно, предложено быть не может. Это можно проиллюстрировать следующим простым примером.

Условимся, что в список городов будут включены названия всех столиц мира (это стало традицией для переводных словарей) и наиболее крупных городов «третьих» стран (т.е. не тех стран, в которых говорят на данных двух — входном и выходном — языках словаря). Но какой город можно назвать крупным? С населением в миллион и более жителей? Таких городов в мире более двухсот, и явно не все они широко известны (например, более чем по два миллиона человек проживает в китайских городах *Чунцине, Чэнду* и *Сиане*). С населением в полмиллиона? С одной стороны, таких городов многие сотни, с другой — тогда в словарь не войдут такие названия, как, например *Женева, Венеция, Турку, Гейдельберг*. Вместе с тем очевидно, что названия индийских городов *Пуна* и *Нагпур* в каждом из которых проживает значительно более миллиона человек, гораздо менее актуальны для, скажем, русско-немецкого словаря, чем названия *Гент* или *Тарту*. Словом, как и в ряде случаев, описанных в других параграфах этой книги, лексикографу, к сожалению, приходится основываться только на своей субъективной оценке «важности», «актуальности», «известности» и т.п.

Не менее важно для двуязычной лексикографии и то, в каком соотношении находятся названия одного и того же города (и вообще географического объекта) в данной паре языков. Так, названиям *Женева, Венеция, Милан* в немецком соответствуют Genf, Venedig, Mailand, а названиям *Хельсинки, Турку* в норвежском — Helsingfors, Åbo (правда, параллельно употребляются названия Helsinki, Turku). Еще сложнее обстоит дело в исландском, ср. Kaupmannahöfn 'Копенгаген', Kænugarður 'Киев', Rúða/Rúðuborg 'Руан' и т.д.

В принципе, чем менее известно собственное имя, тем более вероятна его регулярная транскрипция в другом языке. Поскольку охват собственных имен обычным переводным словарем ограничен, то важно дать пользователю возможность правильно передавать на выходном языке и те имена, которые в словарь не вошли. Для этого в приложении к словарю целесообразно дать два вида информации.

1) Сжато и четко изложенные правила произношения иноязычных имен на выходном языке словаря. Например, в таких правилах сообщается, что в норвежском английский звук [ʌ] передается как [ø], немецкое [ü] и французское [u] — как [y] и т.д. Такие правила фонетических соответствий легко могут быть включены в таблицу «От буквы к звуку», о чем подробнее будет говориться в следующей части.

2) Правила транскрипции имен разных языков на выходном языке словаря.

Такого рода информация может быть изложена достаточно компактно, а польза ее несомненна. Многие собственные имена

актуальны лишь некоторый период, и потому включение их в словарь нецелесообразно, да и невозможно. Покажем это на простом примере. Вряд ли какой-либо лексикограф — автор двуязычного словаря сочтет нужным включить в словник имя покойного китайского политика *Ден Сяопина,* которое по-норвежски передается как Deng Xiaoping, однако потребность в такой передаче возникнуть может, и несколько строк в русско-норвежском словаре, в которых сообщается, что в китайских именах русскому *-н* соответствует норвежское *-ng*, русскому *-нь* — *-n* и т.д., были бы весьма полезными.

§ 11. Алиенизмы. Этим термином, образованным от лат. alienus 'чужой', мы будем обозначать употребляемые в данном конкретном языке слова, обозначающие реалии – явления быта, социальных отношений, природы и т.п., специфические для иного языкового коллектива и чуждые для данного языкового коллектива (в этом же значении употребляются также термины *экзотизм, варваризм*). Примерами алиенизмов в русском языке могут быть слова *феска, раджа, иглу, вигвам, пагода, альтинг, кломп.* Алиенизмы могут быть разделены на более частные группы, например, исторические (*викинг, ярл, скальд*), географические (*саванна, фьорд*) и т.д., но для наших целей это несущественно.

Для двуязычной лексикографии важно деление алиенизмов на внешние и внутренние.

Внешние алиенизмы – это слова, обозначающие реалии, отсутствующие в жизни обоих данных языковых коллективов. Так, для пар русский — норвежский (немецкий, французский) внешними алиенизмами являются слова (для краткости приводим только русский вариант): *минарет, шейх, негус, каюр, пиала, мачете, интифада, тори, траттория, гондольер, Генеральные штаты, сейм, кнессет, польдер, идальго* и т.п.

Внутренние алиенизмы – это лексемы, которые являются в одном из данной пары языков обычными, употребительными словами и алиенизмами в другом. Например, для пары русский – норвежский внутренними алиенизмами, с одной стороны, являются слова *рубль, дума, икона, городки, казак,* с другой – *стортинг* (норвежский парламент; правильнее *стуртинг*), *фюльке* (административная единица в Норвегии, ≈ губерния, область), *эре* (мельчайшая денежная единица, 1/100 кроны), *букмол* (один из вариантов норвежского языка) и т.д.

При выработке словника подход к внешним и внутренним алиенизмам, естественно, должен быть различным.

Внешние алиенизмы включаются по критерию их частотности во входном языке словаря. Однако здесь следует сделать одну

оговорку. В силу языковой, культурной, политической и экономической близости стран некоторые алиенизмы могут иметь достаточно высокую частотность в выходном языке словаря, и потому их следует включать в словник. Например, слово dannebrog (название датского национального флага) – внешний алиенизм как для норвежского, так и для русского языков, но для первого оно гораздо более актуально, так как довольно часто фигурирует в норвежских текстах; по этой причине его целесообразно включить в русско-норвежский словарь.

Внутренние алиенизмы, в силу их важности для общения коллективов входного и выходного языков словаря, следует широко вводить в словник. Возражение, что такие слова являются заимствованиями во входном языке словаря, неубедительно. Во-первых, строго говоря, нельзя со стопроцентной уверенностью предсказать «обратный» перевод слова, например, русскому алиенизму *пиала* в киргизском соответствует *чыны,* а алиенизм *хорей* 'шест, которым погоняют оленью упряжку' по-ненецки называется *тюр.* Норвежскому алиенизму kalebass (рус. *калебаса*) 'сосуд, представляющий собой высушенную полую тыкву' в языке хауса соответствует слово masaki и т.д., и т.п. Во-вторых, при заимствовании сло́ва нередко искажаются, приобретают непредсказуемые грамматические характеристики и т.д. Так, русскому слову *икона* в норвежском соответствует ikon – существительное, относящееся как к общему, так и к среднему роду (ikonen/ikonet). Норвежский эквивалент нидерландской денежной единицы gulden – gylden [j-], а нидерландского слова marsland, marsgrond 'марш, болотистая (плодородная) почва' – marskland.

§ 12. Словосочетания. Проблема отбора словосочетаний – одна из важнейших в двуязычной лексикографии. Именно отбором словосочетаний переводные словари с одним и тем же входным языком чаще всего отличаются один от другого, именно отбор словосочетаний представляет собой наиболее спорную и уязвимую часть практически каждого двуязычного словаря.

Причины такого положения очевидны. Ни в одном языке нет слов, которые могли бы сочетаться с любыми другими словами данного языка: ограничения накладываются прежде всего реальными отношениями действительности, представления о которой у разных языковых коллективов принципиально одинаковы. Видимо, с одной стороны, в любом языке можно выразить смыслы 'высокий человек', 'голубое небо', 'немного воды' (грамматическое оформление таких смыслов в данной

связи несущественно), с другой — ни в одном языке не выражаются смыслы ‘быстрый стол’ или ‘грустный столб’ (возможность поэтического использования таких словосочетаний мы здесь, естественно, не рассматриваем).

Двуязычные словари, дающие, в первую очередь, переводы отдельных слов, но имеющие конечной целью прежде всего переводы предложений, возможны и целесообразны именно потому, что, зная грамматические правила выходного языка, пользователь может составлять из найденных им в словаре эквивалентов в основном лексически правильные предложения на выходном языке. В огромном большинстве случаев лексическая правильность этих переводов обусловлена тем, что в обоих данных языках слова, находящиеся в эквивалентных отношениях, могут вступать в одинаковые комбинации по грамматическим правилам каждого из этих языков.

Случай, когда свободному словосочетанию (см. Часть I) одного языка в другом языке соответствует словосочетание, каждый (неслужебный) элемент которого переводится, взятый изолированно, тем же словом, что и в таком словосочетании, будем называть регулярным, или поэлементным, переводом (то же означают бытовые термины дословный, буквальный перевод). Пример регулярного перевода словосочетания: рус. *интересная книга* — англ. an/the interesting book (при рус. *книга* — англ. book, рус. *интересный* — англ. interesting).

Число свободных словосочетаний в каждом языке практически необозримо. Например, русское существительное *дом* может сочетаться с многими сотнями, а скорее всего, тысячами прилагательных. Ни один, даже самый большой по объему двуязычный словарь не может охватить всех регулярно, поэлементно переводимых словосочетаний. Да в этом и нет никакой необходимости: информативность таких переводов была бы минимальной, поскольку пользователь словаря по опыту знает сочетаемость одних понятий с другими и ожидает именно регулярного перевода (по теории информации, чем более вероятно событие, тем меньше информации в сообщении о том, что оно имеет место). Кроме того, что также весьма существенно, такие словари были бы огромных размеров. Отсюда следует принципиально важный вывод:

В отношении свободных словосочетаний все двуязычные словари являются (за некоторыми исключениями, см. следующие абзацы) «дифференциальными». При этом, конечно, подразумевается, что словарь дает для этого достаточную информацию, т.е. для разных значений слов входного языка дает соответствующие им

эквиваленты выходного языка с указанием на их употребление и т.д.

Включение в двуязычный словарь свободных словосочетаний, регулярно переводимых на выходной язык, оправданно в следующих случаях:

1) Когда они используются как примеры, дополняющие семантизацию (см. Часть I) и тем самым помогающие пользователю понять, какое значение слова имеется в виду. Например:

> **пригна|ть** ... **1.** (*привести*) ... ; ~ть стадо ... **2.** *разг.* (*управляя, доставить*) ... ; ~ть машину домой ... **3.** *разг.* (*вынудить прийти*) ...; беспокойство ~ло его в город ...

2) Когда слово входного языка и его эквивалент в выходном языке имеют сходную структуру значений (что обозначается пометами типа *в разн. знач.*, см. § 18). Например:

> **театр** ... *в разн. знач.* ... ; драматический ~ ... ; пойти в ~ ... ; российский ~...; ~ военных действий ...

3) Для показа нюансов в пределах выделенного значения слова — вместо громоздкого пояснения. Так, одно из значений слова *тайна* — ‘секрет’ означает и ‘то, что скрывается от других’, и ‘сокрытие’ (ср., например, ТСРЯ), что можно показать следующим образом:

> **тайн|а** ... **1.** (*секрет*) ... : раскрыть {выдать} ~у ...; ... ; держать в ~е ...

Таким образом, роль свободных словосочетаний в двуязычных словарях заключается в том, чтобы служить примерами. Рассмотрим основные требования к примерам — свободным словосочетаниям и наиболее типичные ошибки, которые встречаются в их использовании в переводных словарях.

1. Пример должен «работать», т.е. давать определенную информацию, дополняющую и уточняющую ту, которую сообщает эквивалент. К сожалению, не редкость, когда пример в словаре неинформативен («пуст»), не сообщает ничего дополнительного по сравнению с эквивалентом (по некоторым подсчетам, в двуязычных словарях на словосочетания, неинформативные для пользователя, падает до 15%). Нет, скажем, смысла иллюстрировать значение слова *дерево* (в значении ‘растение’) примером *высокое* или *зеленое дерево*. Ср. «пустые» примеры из немецко-русского «словаря предложений» К.А. Паффена (K.A. Paffen 1966):

Neffe ('племянник') ... ; Ich bin ihr Neffe – Я ее племянник
objektiv ('объективный') ... ; Der Mensch soll objektiv sein – Человек должен быть объективным
Notausgang ('запасной выход') ... ; Wo ist der Notausgang? – Где запасной выход?
Arbeitstag ('рабочий день') ... ; So beginnt mein Arbeitstag – Так начинается мой рабочий день.

НРС-1963:

dansk I *-en* датский язык; snakke ~ говорить по-датски; oversette fra ~ переводить с датского языка

«Шведско-русский словарь» (Миланова 1985):

råg *-en, -ar* рожь; ~en blommar рожь цветет

«Киргизско-русский словарь» 1965:

жанчык I карман; жанчыгымда бар эле сары алтындан бир калта *фольк.* у меня в кармане был мешочек с желтым золотом. – Эта цитата нисколько не модифицирует перевода слова *жанчык* и переводится поэлементно. Слова *калта* 'мешочек', *алтын* 'золото' и др., естественно, есть на своих алфавитных местах с адекватными эквивалентами.

Такие регулярно переводимые примеры, не уточняющие значения леммы, фактически являются б а л л а с т о м в словаре и лишь создают видимость детальной разработки слова.

Далее, пример должен быть именно примером, а не случайным сочетанием леммы с каким-либо словом. Особенно неудачны примеры с низкочастотными словами, иллюстрирующие достаточно редкие словосочетания. Едва ли разумно приводить в качестве примеров к слову *молоко* словосочетания со значением 'снятое молоко' или 'квасить молоко', как это сделано в НРС-1963.

2. В тех случаях, когда дается несколько эквивалентов, примеры с ними должны даваться в той же последовательности, т.е.:

лемма ... эквивалент 1, эквивалент 2, эквивалент 3, пример с эквивалентом 1, пример с эквивалентом 2, пример с эквивалентом 3; далее могут даваться примеры с эквивалентами, не указанными выше.

Это элементарное лексикографическое правило сплошь и рядом не соблюдается, например, в первом же примере используется эквивалент, который вообще не приведен среди рекомендуемых, затем идет пример с эквивалентом 3, затем пример с эквивалентом 1 и т.п. Образчики такой некорректности можно найти во множестве словарей. У пользователя в такой ситуации возникают естественные недоуменные вопросы: почему эквивалент в первом примере не дан в числе рекомендуемых?, почему первый из рекомендуемых эквивалентов не употреблен ни в одном из элементарных примеров и когда его следует использовать? и т.д.

3. В расположении примеров в пределах (одного значения) леммы, даже когда предлагается только один эквивалент, должна быть определенная логика: сначала должны идти примеры на конкретное значение, затем на более абстрактное. Примеры должны логически группироваться, эта часть словарной статьи должна быть определенным образом структурирована. Особенно важно соблюдать такую логику расположения примеров в тех случаях, когда слово входного языка и его эквивалент в выходном языке имеют сходную структуру значений и потому эти значения не разделяются цифрами (дается помета *в разн. знач.* или *прям., перен.*, о чем см. § 18). В таких случаях порядок примеров должен соответствовать порядку значений, выделяемых в толковом словаре входного языка. Вместе с тем во многих словарях примеры с разными значениями/оттенками даны в случайном порядке, словно умышленно перетасованы. Вот пример такой некорректной подачи в рукописи одного русско-иноязычного словаря:

свет ... солнечный ~ ...; счёт за ~ ...; ты заслоняешь мне ~ ...; включить ~ ...; при дневном ~е ...; поехать на красный ~ ...

Логичнее был бы следующий порядок:

свет ... солнечный ~ ...; при дневном ~е ...; ты заслоняешь мне ~ ...; включить ~ ...; счёт за ~ ...; поехать на красный ~ ...

Таким образом, регулярно переводимые свободные словосочетания должны вводиться в двуязычный словарь после тщательного отбора и в строго определенных случаях.

Иногда составители двуязычных словарей в качестве примеров включают цитаты из известных писателей. Это можно проиллюстрировать статьями hin *уст.* 'тот' и bokstavelig 'буквальный; буквально' из норвежско-немецкого словаря (Hustad 1979):

hin ... (hvem er) h- ubekendte? wer ist j-r Unbekannte? (*Ibsen*); ... **h- vinterdagen** j-r, b-er Wintertag (*Fønhus*); ... **(han) stak over på hin side gangen** er lief auf die andere Seite des Ganges (*Kinck*); ... **Sigurd hin stærke** Sigurd der Starke (*Ibsen*) [Перевод: ... кто

тот незнакомец? (*Ибсен*); ... тот зимний день (*Фёнхюс*); ... (он) перебежал на другую сторону прохода (*Хинк*); ...Сигурд Сильный (*Ибсен*);...]
bokstavelig ... De (må) ikke tage mine ord altfor bogstaveligt Sie müssen es nicht allzu wörtlich nehmen (*Ibsen*) [Перевод: ... вы не должны понимать мои слова слишком буквально (*Ибсен*)]

В этом словаре таких примеров-цитат сотни. Они взяты из толкового словаря норвежского языка (NRO).

Аналогичные примеры, правда, в меньшем объеме, есть и в «Norsk-engelsk ordbok» 1965.

Используя примеры-цитаты, лексикографы, по их словам (см. Hustad 1979:XVII), преследуют две цели: во-первых, дать иллюстрацию правильного словоупотребления, во-вторых, показать особенности использования лексем отдельными авторами.

Такое решение не представляется нам правильным по следующим соображениям:

Если в приводимой цитате нет какого-либо отклонения от обычного словоупотребления, она выполняет только функцию оправдательной цитаты (так лексикографы называют примеры из конкретных авторитетных источников, подтверждающие употребление данной лексемы в данном значении). В двуязычных словарях оправдательные цитаты, на наш взгляд, вообще не нужны, да и последовательно приводить их просто невозможно. Неслучайно в рассматриваемых словарях они приводятся, в общем, спорадически. Пользователю, грубо говоря, неважно, кто из авторитетных авторов правильно использовал данное словосочетание, его интересует другое.

Что касается индивидуального, авторского использования лексем, то такая задача перед двуязычным словарем не ставится и не может ставиться: охватить более или менее полно подобные случаи нет абсолютно никакой возможности, поскольку это привело бы к колоссальному увеличению его объема. Однако дело даже не столько в возрастании объема. Дело в принципиальной стороне вопроса. Словарь, особенно двуязычный, как уже говорилось, отражает язык как инвентарь единиц и совокупность правил, а цитаты из авторов представляют собой тексты, т.е. речь.

Главный же недостаток такого решения заключается в том, что, поскольку и чисто иллюстративные цитаты на обычное словоупотребление, и цитаты, в которых авторское словоупотребление отлично от общепринятого, оформлены одинаково,

пользователю приходится самому решать, какой перед ним случай. Вряд ли он всегда сможет это сделать безошибочно.

В данном же словаре в таком решении есть и просто неудачный момент. Цитаты из норвежских классиков приводятся в старой орфографии, в ряде отношений отличающейся от современной, ср. выше у Ибсена De (må) ikke tage mine ord altfor bogstaveligt, что в нынешней орфографии имеет следующий вид: De (må) ikke ta mine ord alt for bokstavelig.

Как частный, но имеющий принципиальное значение недостаток укажем, что в качестве иллюстраций в вышеприведенных статьях даны цитаты малоизвестные, но отсутствуют некоторые крылатые слова, например, в статье hin цитата из хрестоматийно известного стихотворения Йёргена Му «Fanitullen»: i hine hårde dage (ср. современное соответствие i hine/de harde dager) 'в те суровые дни' (оно не приведено ни в статье hård, ни в статье dag).

Иначе обстоит дело с фразеологическими единицами (ФЕ). Как известно, ФЕ одного языка в огромном числе случаев не находятся в отношении регулярного соответствия с ФЕ другого языка. Более того, регулярное соответствие ФЕ – случай относительно нечастый, объясняемый, как правило, либо общностью происхождения (у родственных языков), либо калькированием (семантическим заимствованием, т.е., попросту говоря, тем, что данная ФЕ переведена), ср. *точка зрения*, англ. point of view, фр. point de vue, ит. punto de vista и т.д.

Фразеологические единицы следует включать в двуязычный словарь независимо от характера соответствия в выходном языке – регулярного или нерегулярного.

Каждый знает по опыту: немалое количество словосочетаний одного языка переводится регулярно на другой язык, но нерегулярно – на третий язык.

Рассмотрим конкретный пример.

Немецкому прилагательному braun, видимо, во всех словосочетаниях соответствует норвежское прилагательное brun и в подавляющем большинстве случаев русское *коричневый*: ein brauner Anzug – en brun dress – *коричневый костюм* и т. д., однако: braune Augen — brune øyne – *карие глаза*, braunes Haar – brunt hår – *каштановые волосы*, braune Haut – brun hud – *смуглая кожа*.

Из этого для двуязычной лексикографии следует очень важный вывод. При разработке слова следует проверять переводы словосочетаний с ним на выходной язык словаря, какими бы обычными, простыми, тривиальными эти словосочетания на

первый взгляд ни казались. Проиллюстрируем сказанное на примере перевода с русского на норвежский.

Предлогу *по* в сочетаниях со словами *первенство, соревнования, чемпион* и т.п. в норвежском, как правило, соответствует предлог i: *первенство мира по спортивной гимнастике {боксу, прыжкам в воду, борьбе* и т.д.} – verdensmesterskap i turn {i boksing, i stup, i bryting osv.}; однако в трех сочетаниях употребляется предлог på: *первенство мира по лыжам {конькам, велоспорту}* – verdensmesterskap på ski {på skøyter, på sykkel}.

Выше были рассмотрены случаи регулярного и нерегулярного соответствия свободных словосочетаний. Очень важен для двуязычной лексикографии случай, в котором объединены два только что названных. Речь идет о свободных словосочетаниях входного языка, которым в выходном языке соответствуют два перевода – как регулярный, так и нерегулярный. Такое положение встречается достаточно часто. Поясним сказанное на примере.

Нем. werden., норв. bli в русском соответствует глагол *стать/становиться*, немецким прилагательным angenehm, grün, reich, müde, verrückt – соответственно норв. behagelig, grønn, rik, trett, gal, рус. *приятный, зелёный, богатый, усталый, сумасшедший*. Сравним эквиваленты сочетаний этого глагола и этих прилагательных:

(а) angenehm werden – bli behagelig – *стать приятным*
(б) reich werden – bli rik – *стать богатым, разбогатеть*
(в) grün werden – bli grønn – *стать зелёным, позеленеть*; *зазеленеть*
(г) müde werden – bli trett – *устать*
(д) verrückt werden – bli gal – *сойти с ума*

Случай (а), совершенно очевидно, в словарь включать не следует: само отсутствие в словаре этого словосочетания должно указывать на регулярный характер перевода. Столь же очевидно, что случаи (г) и (д) должны быть включены в словарь. Сложнее обстоит дело со случаем (б). Казалось бы, ясно, что пользователь словаря должен получить информацию о том, что здесь возможны как регулярный, так и нерегулярный переводы. Однако в словарях в таких случаях, как правило, принято приводить только нерегулярный перевод (в данном случае reich werden – *разбогатеть*), отчего у пользователя складывается ложное представление, что регулярный перевод в данном случае недопустим. Таким образом, создается то, что можно назвать л о ж н о й м е ж ъ я з ы к о в о й и д и о м а т и з а ц и е й. Между тем этой ошибки можно легко избежать с помощью

очень простого приема, экономящего место, но, к сожалению, редко применяемого в двуязычной лексикографии, а именно – приведения пометы *также* (или, разумеется, ее эквивалента на другом языке) и только нерегулярного перевода: помета *также* указывает, таким образом, на возможность и регулярного перевода. Аналогично подается и несколько более сложный случай (в), где надо предложить пользователю два нерегулярных перевода. Возможное решение:

grün ... ~ werden *также* зелене́ть <св по- (*о человеке*; *о металле*); за- (*о дереве, поле и т. п.*)> ...

Естественно, вместо пометы *также* можно использовать какой-либо иной знак или сокращение, например, *тж*, + (плюс) и т.п.

Необходимость широкого включения в словарь фразеологических единиц очевидна и не требует особой аргументации. Можно ограничиться рассмотрением некоторых специфических вопросов.

Из пословиц и поговорок следует включать в словарь только действительно широкоупотребительные (их в каждом языке всего несколько сотен). Как показывает опыт, многие изучающие иностранный язык питают особое пристрастие к неумеренному использованию пословиц и поговорок и порой уснащают свою речь вычитанными из словарей весьма редкими единицами, не всегда известными и носителю языка. Не следует стремиться использовать пусть и совершенно точный эквивалент в выходном языке, если он редкий (подробнее об этом см. § 22).

До недавнего времени в двуязычные словари, даже большого объема, крылатые слова почти не включались. Между тем это – очень важный пласт устойчивых единиц, многие из которых обладают высокой частотностью. С лексикографической точки зрения, здесь существенны следующие моменты.

1. Корпус крылатых слов в языках даже одного культурного ареала несколько различен. Различие это, разумеется, в первую очередь, определяется набором цитат из национальной литературы, фольклора и истории, но и не только ими. Так, в английском языке используется библейское выражение in the fullness of time, а в норвежском его точный эквивалент i tidens fylde, в то время как соответствующая русская цитата из Библии (*когда настанет полнота времени*) почти не встречается. Напротив, употребительному в русском языке крылатому слову *возвращается ветер на круги своя* нет соответствия в других европейских языках.

2. Одно и то же крылатое слово может различаться в данной паре языков по своему лексическому составу. Различия эти могут быть частными, ср. уже приводившийся в другой связи пример нем. Im Westen nichts neues – *На Западном фронте без перемен,* досл. 'На Западе ничего нового' (ср. также исл. Tíðindalaust á Vesturvígstöðvunum, досл. 'Без новостей на Западном фронте'). Однако они могут быть и настолько значительными, что пассивный пользователь может просто не понять такую единицу, ср. норв. høyt henger de (og sure er de) досл. 'высоко они висят (и кислы они)' = 'зелен виноград'. Существенно, что активный пользователь никогда заранее не может знать, каким будет перевод крылатого слова – регулярным или нерегулярным.

3. В редких случаях одно и то же крылатое слово имеет несколько разный смысл в разных языках. Так, нем. ein Platz an der Sonne (норв. en plass i solen и т.д.) означает 'право на (благоприятное) существование', тогда как русский эквивалент этого выражения – *место под солнцем* значит 'место, где можно разместиться'.

При переводе крылатых слов перед автором словаря возникает ряд сложных задач. Они будут рассмотрены в параграфе, посвященном эквивалентам (§ 20).

Лексикографические проблемы, связанные со словосочетаниями, не ограничиваются их отбором. Важна проблема их помещения в словарь. В самом деле, совершенно очевидно, что нерационально тратить место в словаре, приводя одно и то же словосочетание дважды или трижды под разными словами (т.е. в разных статьях), как, например, это сделано в одном русско-иноязычном словаре, где поговорка *овчинка выделки не стоит* приведена трижды – в статьях *овчинка, выделка* и *стоить* (к тому же с несколько разными переводами). Словосочетание разумно помещать в словарь всего один раз под одним словом. Такое слово, под которым приводится словосочетание, носит, как уже сообщалось во вводной части, название опорного.

Проблема выбора опорного слова заключается в том, что, с одной стороны, следует последовательно руководствоваться определенными принципами, с другой – принципы эти должны быть достаточно простыми, чтобы их мог усвоить пользователь-неспециалист.

Следует иметь в виду, что проблема опорного слова столь же важна для одноязычной лексикографии.

В качестве опорных слов, конечно, не берутся высокочастотные служебные слова: предлоги, союзы и др. Едва ли какому-либо составителю придет в голову выбрать в качестве опорного слова для словосочетания *из любви к искусству* предлог *из*, а какому-либо пользователю искать это словосочетание под данным предлогом.

В практике мировой лексикографии применяются четыре критерия выбора опорного слова.

1. **Критерий синтаксический.** Устанавливается иерархия частей речи: а) существительное, б) глагол, в) прилагательное и т.д. Это означает, что если в словосочетании есть существительное, то именно оно избирается опорным словом, если его нет, но есть глагол, то избирается последний, и т.д. При таком подходе словосочетание *ничья земля* должно быть помещено в статью *земля*. Очевидно, что при последовательном применении этого критерия опорными часто оказываются высокочастотные слова, где в статье приводится множество словосочетаний, и это существенно затрудняет (замедляет) поиск.

2. **Критерий семантический.** Выбирается слово, «наиболее важное», «наиболее весомое в смысловом отношении». Во многих случаях такой элемент словосочетания действительно может быть – более или менее легко – выделен. Так, вероятно, большинство пользователей определит в словосочетании *по другую сторону баррикады* слово *баррикада* как наиболее семантически важное, весомое. Однако очень часто такой ясности не бывает. Например, в двух русско-немецких словарях, авторы которых, как сказано в предисловиях к этим словарям, руководствовались именно этим семантическим критерием, разговорное словосочетание dickes Geld 'большие деньги' оказалось помещенным по-разному: в одном – в статье Geld, в другом – в статье dick.

3. **Критерий порядковый.** Опорным делается первое слово словосочетания. Недостаток этого критерия очевиден: первое слово может оказаться в словосочетании либо высокочастотным, либо «семантически второстепенным». Например, крылатую цитату из Козьмы Пруткова *никто не обнимет необъятного* в этом случае придется поместить в статью *никто*, где ее едва ли станет искать какой-либо пользователь.

4. **Критерий частотный.** Словосочетание помещается под наименее частотным словом. В основе этого критерия лежит верное предположение, что чем менее частотно слово, тем более вероятно, что пользователь его не знает и потому будет искать в словаре именно его. Кроме того, как уже упоминалось, в общем, чем выше частотность слова, тем больше словосочетаний с ним помещается в словарь, и поэтому тем больше времени тре-

буется на поиск. Критерий этот, с нашей точки зрения, наиболее правильный; именно он применялся в РНС. Недостаток его, правда, заключается в том, что довольно часто пользователь не знает, какое из слов данного словосочетания более частотно, а какое — менее. Так, например, в словосочетании *доброе утро* слова *добрый* и *утро* примерно равночастотны. В этом случае опорным выбирается первое слово, т.е. в данном случае словосочетание *доброе утро* помещается в статье *добрый*.

Вместе с тем весьма вероятна ситуация, когда пользователь, вопреки указаниям в правилах пользования словарем (об отношении пользователя к правилам пользования словарем см. § 23), ищет словосочетание не под тем словом, под которым его поместил автор словаря. На этот случай уместно использовать прием, широко примененный в РНС и, как показывает опыт, оправдавший себя. Прием этот заключается в том, что в самом конце статьи (после идиоматики, помещенной, как сказано выше, за знаком ◊), приводится алфавитный список тех слов, в статьях о которых приведены словосочетания с данной леммой; список этот в РНС предварен знаком треугольника (Δ). Например:

море ... Δ капля, колено, щука

Это означает, что словосочетания *капля в море, море по колено, на то и щука в море, чтоб(ы) карась не дремал,* не включенные в статью *море,* пользователю следует искать соответственно в статьях, перечисленных за треугольником.

Последовательное применение этого приема («приема-Δ») делает, в сущности, не столь уж важным то, насколько пользователь словаря помнит этот критерий: даже в случае неверного поиска он будет иметь возможность, хотя и не с первого раза, найти требуемое словосочетание.

Использование («приема-Δ») полезно еще и потому, что порой разного рода ФЕ, особенно пословицы, поговорки и крылатые слова, употребляются в речи в усеченном или измененном (перефразированном) виде; при этом усечению или изменению может подвергнуться именно то слово, которое является опорным (ниже оно подчеркнуто), например, *это — журавль в небе* (ср. *лучше синица в руках/синицу в руки, чем журавль/журавля в небе*), *его статья — первый блин* (ср. *первый блин комом*), *теперь ты можешь гулять смело* (ср. *кончил дело — гуляй смело*); *В Отлетаевке рак — рыба* (...) (Чехов) (ср. *на безрыбье и рак — рыба*).

Важный практический совет. При использовании описанного приема следует вести специальный список отсылок за треугольником и педантично регистрировать в нем все случаи. Лучше всего, естественно, вести такой список на компьютере, а при его отсутствии составлять картотеку отсылок.

Так, из вышеприведенного примера (**море** ... Δ капля, колено, щука) в названный список вносится следующее:

капля ← море
колено ← море
щука ← море

Это гарантирует, что словосочетания *капля в море, море по колено, на то и щука в море, чтоб(ы) карась не дремал* будут помещены на свое место. Такой список обезопасит автора, если он сам запутается в принципах отбора опорного слова, от так называемого зацикливания, т.е. от круга отсылок типа «капля → море, море → капля».

Как бы ни был велик по объему словарь, к месту в нем следует относиться крайне рачительно, используя по возможности различные приемы его экономии. Как уже неоднократно подчеркивалось, принцип «максимум информации на минимуме места (без ущерба интересам пользователя)» должен являться одним из ведущих в лексикографии, особенно двуязычной. Выше уже был описан один из таких приемов, дающих в конечном счете немалую экономию места, а именно использование пометы *также* при словосочетаниях, переводимых как регулярно, так и нерегулярно. Есть еще приемы, позволяющие сберечь немало места в словаре. Опишем некоторые, примененные в РНС.

Первый из них касается подачи одинаковых конструкций, наполняемых определенной группой слов. Покажем это на простом примере.

Названия месяцев образуют ряд однотипных конструкций, ср.:

в январе/феврале/марте и т.д. (*месяце*)
в начале/конце/середине января/февраля/марта и т.д.
первого января/февраля/марта и т.д.
холодный/теплый январь/февраль/март и т.д.

Нет необходимости приводить все эти конструкции при названии каждого из 12 месяцев. Их можно без какого-либо ущерба для интересов пользователя привести один раз, только при одном из них (удобнее всего при первом по алфавиту, в данном случае при названии *август*), а при остальных одиннадцати можно дать лишь эквивалент (а также, разумеется, если нужно, дополнительную информацию, связанную именно с дан-

ным названием месяца, ср. ниже *апрель*) и особую отсылку, сигнализирующую о том, что конструкции, возможные с этой леммой, можно найти в такой-то статье. Так, в РНС все вышеприведенные конструкции даны в статье *август,* а остальные названия месяцев поданы следующим образом:

январь ... januar (*den*) ⇒ август
февраль ... februar (*den*) ⇒ август
март ... mars (*den*) ⇒ август
и т.д.

Ср. однако:

апрел|ь ... april (*den*) ⇒ август; первое ~я (den) første april (*«обманный день»*); с первым ~я! aprilsnarr!; первого ~я с ним сыграли шутку {над ним подшутили} han ble narret april, han ble aprilsnarr

Двойная стрелка, таким образом, обозначает, что разного рода конструкции с данным заглавным словом следует искать в статье, посвященной слову, помещенному за этой стрелкой. Этот прием можно назвать «приемом ⇒».

Аналогично подаются в РНС названия дней недели: все конструкции с ними приводятся в статье *воскресенье,* при названиях же прочих дней даются отсылки к ней, например:

вторник ... tirsdag *-en, -er* ⇒ воскресенье

Приведем еще один пример использования «приема ⇒».

Порядковым числительным одного языка в определенных конструкциях иногда соответствуют в другом языке количественные, ср. рус. *восьмая страница, страница восьмая* и норв. side åtte (åtte 'восемь').

Как и в предыдущих случаях, при других порядковых числительных в РНС дается только эквивалент и отсылка к статье *восьмой,* например:

шестнадцатый ... sekstende [sɛis-] ⇒ восьмой

Третий прием, также позволяющий сэкономить немало места в словаре, заключается в том, что в пределах одной словарной статьи можно определенным образом объединять примеры, переводимые сходным образом. Предположим, мы хотим в РНС в статье *наброситься* привести следующие примеры:

наброситься на еду
наброситься на газету
наброситься на работу

Во всех этих случаях *наброситься на что-либо* передается норвежским kaste seg over noe. Поэтому вместо приведения трех примеров с одним и тем же переводящим эквивалентом возможна значительно более компактная подача:

наброситься на еду {газету, работу} kaste seg over maten {avisen, arbeidet}

Фигурные скобки означают, таким образом, «или соответственно». Этот прием может быть назван «прием {}».

Фигурные скобки вообще используются в этом словаре для обозначения альтернативных частей словосочетания, в том числе и для случая, когда словосочетание при варьировании не изменяет значения, например:

флот ... служить во {на *мор.*} ~е tjen(e)st¦gjøre• marinen

§ 13. Иноязычные слова и выражения. Беспереводное употребление слов и в особенности выражений другого языка – довольно распространенное явление. Так, в книжном стиле большинства европейских языков используется ряд латинских слов и выражений, например: ergo, sic!, conditio sine qua non, ad hoc, ab ovo, pro domo sua, mutatis mutandis, sui generis, passim и т.п. Во многих языках употребительны некоторые французские выражения – такие, как tête-à-tête, couleur locale, en passant, au naturel, fait accompli, faux pas, idée fixe, raison d'être, итальянизмы con amore, dolce far niente и т.д. Особенно характерно для многих современных европейских (и не только европейских) языков использование англицизмов (точнее, американизмов) типа coming man, up to date, still going strong, come back, walk over, teach-in, dark horse и множества других. Вместе с тем иноязычные вкрапления характерны и для разговорного стиля или просторечия. В русском разговорном стиле употребляется известное количество украинизмов (иногда подвергшихся искажению): *бывай, нема, дивчина, пацан, тикáть, що* (*це*) *таке* и др.

Для практики двуязычной лексикографии здесь важно несколько моментов.

1. Иноязычные единицы, независимо от оправданности и желательности их употребления, являются, в сущности, фактами того языка, в котором они употребляются. Некоторые из них могут иметь достаточно высокую частотность, например, в норвежском англицизмы in 'модный, популярный' и it '(сексуальная) привлекательность, шарм'.

2. У каждого из данной пары языков, в общем, свой собственный набор иноязычных единиц. Для некоторых пар общий их процент очень высок, для некоторых – ничтожно мал.

3. Произношение рассматриваемых единиц имеет в каждом языке свои правила, например, латинские слова и выражения весьма различно произносятся в русском, английском, немецком и французском. В языках с тоническим ударением правила употребления тонем в иноязычных единицах бывают достаточно сложными, ср. норв. prímus (тонема 1) ínter (тонема 1) pàres (тонема 2), mutátis (тонема 1) mutàndis (тонема 2), vèni, vìdi, vìci (во всех трех словах тонема 2); ср. также heading 'газетный заголовок' (тонема 1), но heading 'мяч, забитый головой' (тонема 2) и т.д.

4. Иногда иноязычное вкрапление бывает лишено каких-либо характерных признаков, указывающих на его происхождение, например, употребляемые в норвежском французские выражения en profil, en masse, enfant terrible, англицизмы still going strong и упомянутые in, it, свецизмы (единицы шведского языка) ha det bråttom 'спешить', så småningom 'понемногу' и т.п.

Из сказанного вытекает вывод о целесообразности включения иноязычных слов и выражений, употребляемых во входном языке словаря, в его словник. Критерием, разумеется, должна быть употребительность. В принципе для каждого языка должен быть составлен список иноязычных слов и выражений, употребляемых в нем без перевода достаточно часто. В словарной практике, однако, иноязычным вкраплениям уделяется недостаточно внимания, хотя имеются отрадные исключения. Так, в словник одного датско-исландского словаря (F. Gunnarsson. «Dönsk-íslenzk orðabók») включены статьи dark horse, dolce far niente, enfant terrible, pro tempore и т.п.

Фонетическим моментам здесь должно быть уделено особое внимание. Самоочевидно, что отражаться должно именно то произношение, которое характерно для заимствующего языка, например, для употребляемого в норвежском англицизма coming man дается транскрипция [ˊkøm:iŋ mæn:], а не английское произношение [ˊkʌmiŋ ˊmæn].

Глава 2. СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

§ 14. Вводные замечания. Лемма. Тильда. Гнездование. Как уже говорилось в § 1, словарная статья – это лемма со всей сообщаемой при ней информацией. Словарные статьи

очень существенно различаются по своему объему – от одной строки до нескольких столбцов и даже страниц. Например, в РНС:

алгори́тм[1a] *м* algorìtme *-n, -r*

в *предлог* ① + *В* **1.** (*при обозначении направления*) а) (*внутрь*) **i,** inn i ... (всего 3 1/2 столбца, т.е. более 1 страницы очень плотного набора, примерно 0,2 авторского листа).

С л о в а р н а я с т а т ь я всегда – независимо от объема – составляет а б з а ц.

В словарной статье лемма или часть ее, естественно, может многократно повторяться. Значительная экономия места достигается при замене этой формы каким-либо условным знаком. Для этой цели в разных странах пользуются разными обозначениями, например первой буквой слова с дефисом или точкой, ср. «Stor norsk-tysk ordbok»:

ofte ... hvor o- [Перевод: 'часто' ... 'как часто']

Однако чаще всего используется знак ~ (т и л ь д а). Тильда принята в ряде стран, в том числе и в России, имеет ряд преимуществ перед другими обозначениями, и мы рекомендуем пользоваться именно ею, например:

пустяк ... заниматься ~ами ...; спорить из-за ~ов ...

Часто во флективных языках, т.е. языках с развитым словоизменением (склонением, спряжением), в словарной статье приводится форма, частично отличная от формы леммы. В этих случаях удобно в лемме отделить ту часть, которая повторяется в статье, каким-либо знаком (в России для этой цели используется светлая вертикальная черта), и тильда в таком случае заменяет ту часть леммы, которая стоит слева от этой черты, например:

жалк|ий ... в ~ом состоянии ...

Следует иметь в виду, что в типографском тексте (но не при компьютерном наборе!) тильда по своей протяженности равняется двум знакам (буквам), и потому ею принято заменять только такие леммы или элементы лемм, которые состоят из трех и более букв. Замена тильдой двухбуквенной (части) леммы (не говоря уже, естественно, об однобуквенной) не практикуется.

Отметим одну мелкую, но важную техническую деталь. Следует внимательно с л е д и т ь з а т е м, з а м е н я е т л и т и л ь д а в т е к с т е с т а т ь и ч а с т ь с л о в а и л и п р е д-

с т а в л я е т с о б о ю с а м о с т о я т е л ь н о е с л о в о. В первом случае интервала после тильды быть не должно, во втором он обязателен:

колю́ч|ий ... ~ая про́волока (без интервала!)
воз ... ~ се́на (с интервалом!).

Начинающие лексикографы нередко не уделяют этому моменту должного внимания.

Выше говорилось, что словарная статья посвящена лемме, т.е. одной лексеме (одному слову) или аффиксу (суффиксу, приставке и др.), и образует абзац. Это в общем верно, но имеется одно важное исключение. Таким исключением является с л о в а р н о е г н е з д о — статья, в которой объединяется несколько (иногда значительное количество) лемм с общей начальной частью (см. § 1). Использование словарных гнезд (г н е з д о в а н и е) — прием, дающий значительную экономию места без ущерба для интересов пользователя.

Гнездование осуществляется двумя способами.

1. Если первая лемма своим буквенным составом полностью входит в последующие, она просто заменяется тильдой (как и лемма полужирной!):

атле́т ... ; ~ика ... ; ~и́ческий ...

При этом следует внимательно следить за ударением. Общее правило таково: если ударение падает на тот же слог, что и в первом слове, оно не отмечается (как в слове *атле́тика*), в прочих случаях оно обозначается (*атлети́ческий*).

2. Если общей для ряда является только часть первого слова, то после этой части ставится определенный знак (в России в таких случаях используют знак ‖ — светлые вертикальные параллельные линии, «вертикальные параллельки»), а у последующих слов, как и в предыдущем случае, она заменяется тильдой:

туго‖пла́вкий ... ; ~ухий ...

При гнездовании необходимо учитывать ряд существенных моментов.

1. Гнездовать допустимо только леммы, связанные в смысловом отношении (см. приведенные выше примеры). Некорректно гнездование слов только по чисто формальному совпадению их начального буквенного состава. Так, ошибочна подача (здесь и далее неверные решения снабжаются спереди знаком звездочки*):

***галл‖ий ... ~ицизм ... ~он ...**

Следует:

галлий ...
галлицизм ...
галлон ...

2. Нельзя гнездовать леммы, если при этом окажутся неправильными обозначения их просодических (т.е. связанных с ударением — силовым или тоническим) характеристик. Так, на первый взгляд, представляется соблазнительным объединить в одно гнездо слова *гвардеец, гвардейский, гвардия,* однако это недопустимо, потому что в первых двух словах ударение падает на второй слог, а в слове *гвардия* — на первый. Правильнее:

гвард‖е́ец ... ; ~ейский ...
гва́рд|ия ...

Поясним, почему не предлагается более компактная подача **гварде́‖ец ... ~йский.** По сложившейся в русской лексикографии традиции тильду не принято ставить перед буквами **-й, -ь, -ъ.** Традиция эта не представляется бесспорной — хотя определенные резоны тут есть, и отступать от нее, на наш взгляд, допустимо, т.е. возможна и подача: **гварде́‖ец ... ~йский ...**

Неверно было бы, далее, гнездовать норвежскую лемму brun ‘коричневый’ и следующую сразу за ней по алфавиту лемму brunaktig ‘коричневатый’, поскольку у них разные тонемы:

***brun ... ; ~aktig ...**

Следует (в односложных словах всегда тонема 1, и потому ее обозначать излишне):

brun ...
brùnaktig ...

3. Гнездование осуществляется для экономии места — и только для этого. Поэтому автору словаря всегда надо задаваться вопросом, даст ли в данном конкретном случае гнездование экономию места или же нет. Так, нерационально было гнездовать в РНС леммы:

***гимна́ст‖ика ... ~и́ческий ... ~ка ...**

Дело в том, что со словом *гимнастика* в словаре приводится 11 словосочетаний, и оставшийся справа от параллелек элемент *-ик-* пришлось повторить 11 раз (22 знака), а со словом *гимнастический* дано 4 словосочетания, из-за чего 4 раза повторен элемент *-ическ-* (20 знаков), т.е. выгоды от гнездова-

ния здесь не получилось. Экономнее как раз была бы подача без гнездования:

гимнастик|а ...
гимнастическ|ий ...
гимнастка ...

Таким образом, гнездование требует внимательного и сугубо практического подхода.

§ 15. Общая структура словарной статьи (микроструктура словаря). Словарная статья разделяется на следующие основные части:

Лемма (вокабула, заглавное, или черное, или реестровое, слово).
Зона фонетической информации.
Зона грамматической информации.
Зона эквивалентов.
Отсылочная зона.

Разумеется, кроме леммы, не в каждой словарной статье обязательно содержатся все перечисленные части, или зоны. Так, во многих случаях не требуется зона фонетической информации, для ряда языков излишней является зона грамматической информации; подробнее о них, а также о зоне эквивалентов будет говориться ниже в соответствующих параграфах.

В отсылочной зоне пользователю сообщается, к каким статьям словаря ему целесообразно обратиться для того, чтобы получить дополнительную информацию о данной лемме. Такие отсылки бывают нескольких видов; некоторые из них уже описывались выше в другой связи и поэтому лишь кратко упоминаются здесь для полноты изложения. Основные виды отсылок в двуязычных словарях таковы.

1) Δ-отсылка. Указывает на словарные статьи, в которых содержатся словосочетания с данным словом, например:

плавать ... Δ ... мелко ...

Это означает, что словосочетание *мелко плавать,* не включенное в статью *плавать,* следует искать в статье *мелко.*

2) ⇒-отсылка. Указывает на словарные статьи, содержащие конструкции, в которых может использоваться также данная лемма, например:

по-шведски ... ⇒ по-норвежски

В статье **по-норвежски** приведено несколько предложений, в которых вместо этого слова может быть использовано *по-шведски.*

3) Отсылка *см также* (в РНС сокращение *см,* как указывалось, дается без точки). Такая отсылка сообщает пользователю, что в статьях, перечисляемых за отсылочным обозначением, содержится информация, которая полезна для более полного уяснения значения и/или употребления рассматриваемого слова. Так, в РНС для того, чтобы норвежский пользователь словаря более четко представил себе функции отчества в русском речевом этикете, использована следующая подача:

отчество ... *см также* имя, фамилия

Другой пример (РНС):

иметься ... *см также* имеющийся

Помимо отсылок в статьях в каждом словаре имеется известное (иногда немалое) количество чисто о т с ы л о ч н ы х с т а т е й, т.е. статей, только отсылающих пользователя от данной статьи к другой, например:

коленце ... *см* колено 5, 6
подвергать(ся) *нсв см* подвергнуться
Галя ... *дериват от* Галина

По существу, отсылочными являются статьи, посвященные нерегулярным несловарным формам и сообщающие пользователю грамматическую информацию о них, например:

подведи *повел. от* подвести
разопр.. <разопру́, разопрёт *и т.д.* > *буд. от* распереть

4) В принципе возможны отсылки от одного слова к другому — полному или очень близкому синониму. В этом случае избегается повторение в двух статьях одинакового ряда переводящих эквивалентов. Этот прием особенно заслуживает применения, если оба синонима входного языка требуют комментария (например, описания реалии). Помимо этого таким способом пользователю сообщается, какой из синонимов более употребителен. Пример (РНС):

фуфайка ... **2.** *см* ватник

Разумеется, надо следить за тем, чтобы не было «зацикливания», т.е. взаимных отсылок, например, в данном случае ошибки ***фуфайка 2.** *см* ватник, ***ватник** ... *см* фуфайка 2.

В процессе работы над рукописью словаря следует педантично фиксировать в особом списке все случаи отсылок.

§ 16. Информация о произношении. Двуязычный словарь должен давать пользователю информацию, достаточную для правильного произнесения как леммы, так и эквивалентов. Решение этой задачи для одних языков не представляет трудностей, для других сопряжено со значительными сложностями.

Информация о произношении слова складывается из двух элементов – информации о его звуковом составе и информации о его просодической характеристике (ударении, тоне). Целесообразно рассмотреть эти элементы информации порознь.

1. Информация о звуковом составе слова. Самоочевидно, что здесь важнейшим моментом является степень соответствия графики/орфографии данного языка его звукам. Как известно, в этом отношении языки существенно различаются. Так, например, финская орфография стопроцентно фонематична, и само написание слова дает полную информацию о его звучании; если при этом учесть, что во всех без исключения финских словах ударение падает на первый слог, то ясно, что никакой дополнительной информации для правильного прочтения любого финского слова не требуется. Если же, напротив, взять такие орфографии, как английская, фризская или фарерская, очень сложные сами по себе и к тому же изобилующие исключениями, то для того чтобы пользователь мог правильно прочитать многие слова, ему необходимо дать дополнительную – порой значительную – информацию.

Для решения лексикографического аспекта вопроса следует вкратце остановиться на понятии степени сложности орфографии. Что делает орфографию какого-либо языка сложной? Таких моментов несколько.

Во-первых, явление, которое можно назвать орфографической синонимией. Оно заключается в том, что одна и та же фонема может обозначаться двумя или более способами. Например, в норвежском языке фонема /j/ обычно обозначается буквой **j**, но в немалом числе случаев используются исторические написания **gj, hj**, ср. jevn [jɛvn] 'ровный', gjøre [ˈjørə] 'делать', hjelp [jɛlp] 'помощь'. В исландском языке буквы **í, ý** всегда обозначают одни и те же фонемы: краткое или долгое закрытое i /i/, /i:/, а буквы **i, y** – краткое или долгое открытое ɪ /ɪ/, /ɪ:/. Ср. также различное обозначение /a:/ в немецком через **a, ah, aa**: war 'был', Jahr 'год', Haar 'волосы'. Орфографическая синонимия не препятствует безошибочному определению звучания слова по его орфографическому облику, но увеличивает количество правил, знание которых необходимо для правильного прочтения. В некоторых языках число таких правил бывает значительным, и, хотя орфография их достаточно регулярна, чтение на них представляет немалые трудности, ср. исландское написание Egill (собственное имя), соответствующее звучанию [ˈɛijɪ *dl*] (курсивные буквы означают глухие звуки).

Во-вторых, правильному прочтению буквы или буквосочетания может препятствовать явление орфографической омонимии, состоящее в том, что одна и та же буква или одно и то же сочетание букв в одной и той же позиции и при одинаковом окружении могут обозначать разные фонемы или разные сочетания фонем, например, англ. row [rou] 'ряд' и row [rau] 'скандал', норв. kost [kust] 'метла' и kost [kɔst] 'питание', under [ˈʉn:ər] 'под' и under [ˈʉndər] 'чудо'.

Наконец, в-третьих, во многих языках есть орфографические исключения, т.е. написания, не укладывающиеся в действующие правила, ср. рус. *его*, нем. Arzt [ˈa:rtst (долгое a:!)] 'врач', англ. put [put] 'класть', норв. nok [nɔk:] 'достаточно'.

Как правило, в приложении к словарю приводится таблица «от буквы к звуку», сообщающая правила чтения в данном языке. Поэтому в целом вопрос о включении сведений о произношении слова решается в принципе так: то, что подчиняется массовым формальным правилам, в словарную статью не включается, и в корпусе отмечаются только исключения. Такое решение в очень многих случаях верно: в самом деле, абсолютно нерационально давать, например, транскрипции русских слов типа *вода* [vaˊda], *сад* [sat] и т.п. Однако во многих языках дело обстоит сложнее. Правила имеют много исключений, из которых, в свою очередь, есть исключения. Решение вопроса о том, какие категории написаний следует снабжать указаниями на произношение, означает, в сущности, установление того уровня знаний в области правил чтения, который должен иметь пользователь для успешной работы со словарем.

Сложность этого вопроса можно показать на примере норвежской буквы **o**. Основное правило ее чтения состоит в том, что, когда по условиям окружения она обозначает долгий звук (в открытом слоге или перед кратким согласным), она читается как [u:], например, bo [bu:] 'жить', bok 'книга', в остальных же случаях – как [ɔ], например, topp [tɔp:] 'вершина', norsk [nɔʃk] 'норвежский'. Это основное правило дополняется рядом до-

бавочных: 1) перед буквами **g, v** она обозначает [ɔ:]: tog [tɔ:g] ‘поезд’, lov [lɔ:v] ‘закон’; 2) перед буквой **m** и буквосочетаниями **nd, rt, st** она читается как [u]: lomme [ˈlum:ə] ‘карман’, ond [un:] ‘злой’, bort [buT:] (прописной буквой обозначен так называемый супрадентальный согласный) ‘прочь’, ost [ust] ‘сыр’; 3) если слово в своей основной (исходной) форме имеет [u:], то в тех формах, в которых происходит сокращение гласного, буква **o** обозначает звук [u], а не [ɔ], как следовало бы из основного правила: sko [sku:] ‘подковывать’ – skodde [ˈskud:ə] ‘подковал’ (ср. skodde [ˈskɔd:ə] ‘туман’ по основному правилу), rope [ˈru:pə] ‘звать’ – ropte [ˈruptə] ‘звал’.

Каждое из этих исключений также имеет ряд исключений, т.е. имеются случаи, когда буква **o** читается в соответствии с основным правилом: 1) в ряде весьма употребительных слов **o** перед **g, v** обозначает [u:]: skog [sku:g] ‘лес’, hoved- [ˈhu:vəd-] ‘главный’, behov [bəˈhu:v] ‘потребность’, Rogaland [ˈru:galan:] (топоним) и др.; 2) во многих весьма частотных словах **o** перед **m, nd, rt, st** обозначает [ɔ]: komme [ˈkɔm:ə] ‘приходить’, som [sɔm(:)] ‘который’, blond [blɔn:] ‘светловолосый’, kort [kɔT:] ‘короткий’, ‘карта’, sort [sɔT:] ‘сорт’, post [pɔst] ‘почта’ и др.; 3) прилагательное god [gu:] ‘хороший’ в ср. роде имеет форму godt [gɔt:].

В этом описании опущен ряд деталей; в одном очерке норвежской фонетики правила чтения буквы **o** занимают пять страниц.

Определяя границы транскрипции слов с буквой **o** в словаре с норвежским (входным или выходным) языком, автор словаря, по сути дела, определяет, сколько ступеней этих многоступенчатых правил пользователь должен знать для успешной работы с данным словарем. В принципе возможны четыре решения: 1) пользователь вообще не знает правил чтения буквы **o**, и все слова, в которых она употреблена хотя бы один раз, снабжаются транскрипцией; 2) пользователь знает все правила чтения этой буквы, и транскрипция вообще не дается (как это сделано в НРС-1963); 3) пользователю известно только основное правило чтения **o** («правило bo/topp»), и потому все отклонения (т.е. три основных исключения, описанные выше) снабжаются транскрипцией; 4) предполагается, что пользователь знает основное правило и основные исключения из него («правило bo/topp/tog/lov/lomme/ond/bort/ost»); транскрипцией снабжаются «исключения из исключений».

Решения 1 и 2 следует сразу отбросить как неприемлемые: в первом случае потребуется очень много места для транскрипции без необходимости, так как достаточно простое правило пользователь запомнить в состоянии, во втором случае к его

памяти будут предъявлены завышенные требования. В РНС был предпочтен вариант 4 как требующий меньшего числа случаев транскрипции, но в несколько «облегченном» виде («правило bo/topp/tog/lov»); вполне возможен и вариант 3.

Для языков со сложными правилами чтения принято давать сквозную транскрипцию всех лемм. Так, сложилась традиция снабжать в англо-иноязычных словарях транскрипцией все черные слова. Между тем представляется, в этом совершенно нет необходимости. Все те леммы, где буквы читаются в соответствии с основными правилами, на наш взгляд, транскрипции не требуют. Для пользователя излишне обозначение звукового состава, например, таких английских слов, как cat, set, deep, pig, hot, bus, take, pine, stone, main и т.п. Также не была нужна сквозная транскрипция в нашем с Аудни Бёдварссоном «Исландско-русском словаре», поскольку чтение множества исландских слов не представляет трудностей, например, band, för, lín, skyr, taka, heyra, naust и т.д.

Однако необходимым условием для выборочной транскрипции является четкое определение основных чтений букв. Можно рекомендовать ш р и ф т о в о е в ы д е л е н и е о с н о в н ы х п р а в и л (т.е. тех правил, которые пользователь обязан помнить) в таблице «от буквы к звуку», например, полужирным шрифтом, как это сделано в РНС.

Далее, если последовательно осуществлять принцип экономии места, то и выборочную транскрипцию нет необходимости производить в полном объеме для каждого слова, в котором есть отклонения от основных правил чтения. Как правило, н е р е г у л я р н ы м б ы в а е т ч т е н и е н е в с е г о с л о в а, а т о л ь к о е г о ч а с т и, о ч е н ь ч а с т о т о л ь к о о д н о й б у к в ы. В таких случаях вполне достаточно обозначить произношение именно этой части или буквы. Для того чтобы сообщить пользователю, что в норвежском слове distánse буквой **n** обозначается звук [ŋ], нет нужды транскрибировать все слово: совершенно достаточно обозначить [-ŋ-]. Транскрипция английского слова northern может быть ограничена звуком [-ð-].

При этом следует иметь в виду, что дефис – тоже знак. Поэтому, например, такая транскрипция русского слова *его*, как [-в-] никакой экономии места не даст по сравнению с полной транскрипцией [евó] (об использовании здесь русского алфавита см. ниже).

Строго говоря, дефисы в такого типа усеченной транскрипции не нужны: пользователю словаря в подавляющем числе случаев понятно, о чтении какой буквы/каких букв идет речь (ср. приведенный выше пример northern [ð], но написанный

без дефисов). Кстати, бездефисная подача используется в русской лексикографии, например, в орфоэпических словарях, БТС и др., ср. *тенденция* [тэ; дэ́]. Дефисы в транскрипции также не используются в БНРС.

Упомянем одну частность. При частичной транскрипции возможны случаи, когда у пользователя может возникнуть неясность в отношении произношения конца слова. Поясним это на примере. Норвежское слово refüge ‘островок безопасности’ произносится двояко: а) в полном соответствии с написанием – [re`fʉ:gə] и б) примерно как во французском – [re´fy:ʃ]. В этом последнем случае для пользователя остается неясным, является ли [ʃ] конечным звуком слова или за ним следует [ə], как в первом произносительном варианте. В таких случаях целесообразен знак, сигнализирующий о конце слова. В БНРС использован для этого знак «\», например, в данном случае дана транскрипция [y:ʃ\]; ср. также приведенный выше (§ 10) пример Marseille [-séi\].

Очень важным требованием к транскрипции является внимание к д о л г о т е/к р а т к о с т и звука. Двуязычные словари, к сожалению, зачастую игнорируют существенные моменты в отклонениях от правил долготы или краткости звуков (особенно гласных). Так, в немецко-русских словарях, как правило, не отражена долгота (ударного) гласного в словах Art, Arzt, Buch, düster, Obst, Österreich, suchen, werden и др. и его краткость в таких словах, как ab, an, das, Grammatik, vierzehn, vierzig, Vorteil, Walnuß, was и др. (в первом ряду примеров гласный по основному правилу чтения должен был бы быть кратким, ср. краткий гласный в словах hart, Karzer, Spruch, rüsten и др., во втором – напротив, долгим, ср. долгий гласный в словах Grab, Kran, Glas, Kinematik, vier, Vortrag и др.). В датско-иноязычных словарях также часто не отмечаются долгота/краткость, например, случай æg [e’g] (знаком ’ отмечается так называемый толчок, или стёд – смычка голосовых связок, встречающийся после долгих гласных или сонантов), при ægget [´ɛgəð] (форма с суффигированным артиклем) и обратные ему stød [sdøð] – stødet [´sdø’ðəð], mad [mað] – maden [´ma’ðən].

Для обозначения произношения (частей) слова, в том числе отдельных букв, в практике мировой двуязычной лексикографии применено и применяется множество приемов, порой весьма удачных и остроумных. Остановимся на некоторых из них, иллюстрирующих возможные принципы решения вопроса.

Один из них – использование о р ф о г р а ф и ч е с к и х в а р и а н т о в, возможных в письме на данном языке, но обычно малоупотребительных. Таково, например, использование

буквы ё в русской части двуязычных словарей; обычно на письме эта буква, как известно, используется редко. В семитских языках (арабском, иврите) гласные на письме, как правило, не обозначаются (пользователь сам подставляет их); однако в словарях (как и в учебных текстах) они проставляются.

Второй принцип – использование и н ы х ш р и ф т о в (например, курсива) или и н ы х н а ч е р т а н и й л и т е р для обозначения одного из основных чтений буквы. Это может быть проиллюстрировано примером из итальянского языка. В нем буква **z** может означать [ts] и [dz], а буква **s** – [s] и [z]. В одном итальянско-русском словаре (1930) для первых значений каждой буквы использован прямой шрифт (z, s), для вторых – курсивный вариант (*z, s*). В другом итальянско-русском словаре (1963) использован несколько отличный способ: когда итальянская буква **z** обозначает звонкую аффрикату [dz], вместо обычной литеры используется **ʒ**, для [z] дается литера ʂ.

Весьма употребителен в практике двуязычной лексикографии следующий прием – применение различных д о п о л н и т е л ь н ы х з н а ч к о в (звездочек, точек и т.п.). Так, французские слова, начинающиеся с так называемого h aspirée, иногда снабжаются в словарях звездочкой (*héros, *honte, *huit). В «Итальянско-русском словаре» 1963 разные знаки ударения (акут´, гравис`) обозначают разное качество гласного: **è, ò** – открытые гласные, **é, ó** – закрытые. В NEO и РНС непроизносимые норвежские буквы снабжены подстрочной точкой: orḍ, harḍ., depóṭ (непроизносимая буква **g** в связи с особенностями ее начертания снабжена надстрочной точкой: hauġ); эти компактные подачи эквивалентны транскрипциям [u:r], [hɑ:r], [de´pu:], [hæʉ] (характерно, что авторы пришли к этому приему независимо друг от друга). На последнем примере целесообразно задержаться, поскольку даже при использовании одного и того же приема возможны отдельные расхождения от автора к автору. Так, в NEO подстрочная точка ставится под всеми без исключения непроизносимыми буквами; в РНС в сочетаниях, в которых данная буква никогда не произносится (например, **h** в сочетаниях hj, hv, **g** в сочетании gj и в суффиксах *-ig, -lig*), подстрочная (надстрочная) точка не используется. Каждое из этих решений имеет и свои плюсы, и свои минусы.

Наиболее важным способом обозначения произношения в словаре является использование т р а н с к р и п ц и о н н ы х з н а к о в. Переходим к их рассмотрению.

В принципе все транскрипционные системы, используемые для обозначения произношения в двуязычных словарях, распадаются – с возможными модификациями – на три основ-

ные группы: 1) алфавит родного языка пользователя; 2) алфавит иностранного языка, слово которого транскрибируется; 3) особый фонетический алфавит.

Транскрипция при помощи алфавита родного языка пользователя (кстати, это – самый старый способ транскрипции) характерна, в первую очередь, для кратких или учебных словарей, т.е. для лексикографических пособий, рассчитанных на лиц с минимальной филологической подготовкой. Особенно часто она применяется в разговорниках, читатели которых большей частью не столько изучают иностранный язык, сколько заучивают отдельные слова или готовые предложения. Примеры из одного краткого норвежско-немецкого словаря: vekt [wäkt], ro [ru], innkjøp [iˋnchöp] и т.п. Естественно, что нередко в родном алфавите пользователя отсутствуют буквы для обозначения отдельных фонем иностранного языка, и для них вводятся дополнительные обозначения. Так, в одном англо-исландском словаре в транскрипции использован преимущественно исландский алфавит, но в него добавлены знаки из английской и иных график: through [þrú], over [óvər], out [át], like [læk], Dutch [døtsh] и т.д.

Применение алфавита иностранного языка для обозначения произношения также весьма распространено, хотя, по-видимому, встречается реже. Ср. NEO, который рассчитан, в первую очередь, на американцев, изучающих норвежский язык, тем не менее норвежские слова в нем транскрибируются средствами норвежской графики: konkurranse [kångkurrangˊse], chinchilla [sjinsjilˊla], katalog [-låˊg], loff [loff], ung [ong], ср. те же транскрипции при помощи алфавита Международной фонетической ассоциации (МФА): [kəŋkʉˊraŋsə], [ʃinˊʃil:a], [-ˊlɔ:g], [luf:], [uŋ].

Наконец, все более обычным в лексикографической практике разных стран становится использование специального фонетического алфавита.

Из всех этих способов обозначения произношения слов иностранного языка наиболее свободен от недостатков, разумеется, третий.

Транскрипция при помощи алфавита родного языка пользователя имеет то преимущество, что требует от последнего знания минимума сведений по фонетике и графике изучаемого языка и освобождает его от необходимости знакомства с неизвестными ему знаками. Однако принципиальный недостаток ее заключается в следующем: она ориентирует пользователя на то, чтобы он подставлял в слова иностранного языка звуки родного, пренебрегая несовпадением их артикуляции (Зиндер

1960:4). Кроме того, в большинстве случаев последовательно осуществить подобную транскрипцию невозможно без введения в нее дополнительных знаков, которые обозначали бы звуки, отсутствующие в родном языке пользователя. При этом наличие большого числа дополнительных знаков может свести на нет те преимущества в простоте, которые этот способ имеет по сравнению с использованием другого алфавита.

Применение второго способа оправданно, по-видимому, только в тех случаях, когда графические средства иностранного языка указывают особенности произношения в более наглядной форме, нежели применение иных способов (в том числе и специального фонетического алфавита). Так, в издававшихся в СССР и издаваемых в России словарях непалатализованные русские **т**, **д**, **н** и др. перед **е** обозначаются при помощи транскрипций [(-)тэ(-)], [(-)дэ(-)], [(-)нэ(-)] и др. (например, *тенденция* [тэ; дэ́]), что явно нагляднее, чем подача [(-)te(-)], [(-)de(-)], [(-)ne(-)] и т.д. Применение русской графики в транскрипции в подобных случаях влечет за собой, естественно, использование ее и в других, ср. **лёгкий** [-хк-], **коне́чно** [-шн-] и т.п.

Обратим внимание читателя на весьма, к сожалению, распространенную ошибку в двуязычных словарях, объясняемую небрежностью или неквалифицированностью составителей. Нередко автор двуязычного словаря, пользуясь данными толкового словаря входного языка, некритически переносит оттуда информацию о произношении леммы, упуская из виду, что в толковом словаре может использоваться система транскрипции, существенно отличающаяся от привычной для пользователя (например от алфавита МФА). Особенно неудачно это тогда, когда в корпусе и в фонетическом очерке в приложении к словарю использованы разные транскрипционные системы (включая разные способы обозначения долготы гласного). Пример: в НРС-1963 автор автоматически перенес транскрипцию толкового словаря «Norsk riksmålsordbok», где, в частности, знаки [o] и [u] обозначают соответственно [u(:)] и [ʉ(:)] – т.е. не как в алфавите МФА, который, кстати, использован в этом же словаре в фонетическом очерке, написанном М.И. Стеблин-Каменским. Так, вместо приведенных в этом словаре транскрипций pool [pu:l] ‘пул’, depot [deˊpo:] следовало дать [pʉ:l], [deˊpu:]. Сходные недочеты характерны для «Шведско-русского словаря» (Миланова 1985).

Для толковых словарей, рассчитанных на массового пользователя, помимо названной черты – преимущественного использования для транскрипции алфавита родного языка пользователя – вообще характерно недостаточное внимание к

обозначению произношения. Так, в «Bokmålsordboka», одном из последних толковых словарей норвежского языка, не снабжены никакой транскрипцией, например, слова kort 'карта', 'короткий' и lort 'помёт, навоз', fort 'быстро' и sort 'сорт', хотя в одних из них содержится фонема /ɔ/, а в других – /u/: [kɔT:], [luT:], [fuT:], [sɔT:]. Ср. далее, в этом же словаре отсутствие транскрипции при словах sukke 'вздыхать' и sukker 'сахар', также содержащих разные гласные ([`suk:ə], [´suk:ər]). Долгота гласного в толковых словарях норвежского языка специально не обозначается (на нее указывает краткость последующего согласного), а долгота согласного обозначается его двойным написанием и т.д., и т.п. Механическое перенесение такой транскрипции, скажем, в норвежско-русский словарь создает неверное представление о произношении многих норвежских слов.

Отсюда следует важный практический вывод. При транскрибировании на основе толкового словаря следует иметь в виду следующее:

1) как соотносится система транскрипции данного толкового словаря с системой транскрипции, принятой в данном двуязычном словаре;

2) насколько полно и последовательно вообще проведена транскрипция в данном толковом словаре, в частности, как она соотносится с основными правилами чтения, описанными в фонетическом очерке при данном двуязычном словаре.

Разумеется, различие между алфавитом родного языка пользователя словаря, алфавитом иностранного языка и специальным фонетическим алфавитом, используемыми для транскрипции в словарях, не всегда значительно. Поэтому, когда здесь говорится об использовании специального фонетического алфавита, имеется в виду вся совокупность средств обозначения звукового состава слова, а не ее отдельные детали. Эти детали могут быть немногочисленными, но весьма существенными.

Говоря о преимуществах специального фонетического алфавита, следует коснуться вопроса о множественности фонетических алфавитов. К сожалению, чуть ли не в каждом словаре, дающем транскрипцию при помощи специального алфавита, в этом последнем есть свои особенности по сравнению с другими транскрипционными системами. Как заметил Л.Р. Зиндер, «каждый лингвист постоянно испытывает неудобство из-за отсутствия унифицированной транскрипции, вызывающего ненужную затрату времени, чтобы приноровиться к данному автору, а зачастую и препятствующего правильному пониманию фонетических фактов. Вместе с тем почти каждый лингвист мешает унификации, внося кажущиеся ему необходимыми или удобными особенности в отдельные обозначения... Даже у каждого из руководящих членов МФА своя транскрипционная система, в большей или меньшей степени отклоняющаяся от Международного фонетического алфавита» (Зиндер 1960: 323). Так, переднеязычный щелевой (типа первого согласного в английском thin) транскрибируется в одних словарях как [þ], в других – как [θ], щелевой заднеязычный (южнорусское **г**, нидерландское **g** и т.п.) – то как [γ], то как [q], глухой двухфокусный щелевой (типа русского **ш**) – как [ʃ] или [š], звонкий двухфокусный щелевой (типа русского **ж**) – как [ʒ] или [ž] и т.д.

Нет общепринятых критериев, при помощи которых можно было бы оценить преимущества одной транскрипционной системы перед другой, одних транскрипционных знаков перед другими. Можно лишь, исходя из задач эффективности практического использования словаря, высказать некоторые общие соображения.

Во-первых, целесообразно использовать знак в его наиболее часто встречающемся значении, в первую очередь в стране пользователя. Так, коль скоро знак [o(:)] в России и множестве других стран обозначает (закрытое) **o**, то именно в этом значении и надо его использовать для русских, немецких, французских и др. пользователей. Ведь пользователь, обращающийся к транскрипции, уже привык раньше связывать с той или иной буквой определенное звучание – по своему опыту изучения родного алфавита или алфавитов других языков.

Во-вторых, реально в графике многих языков одна фонема нередко изображается двумя или более буквами, и этот способ обозначения проникает в транскрипцию. Тем не менее следует соблюдать одно из главных правил транскрипции: «одна фонема – один знак» (и, разумеется, обратно, «один знак – одна фонема»).

В-третьих, необходимо тщательно следить за тем, чтобы транскрипционные системы в корпусе словаря и в фонетическом описании языка в приложении полностью совпадали (лучше всего использовать алфавит МФА).

В-четвертых, следует по возможности избегать редких знаков, особенно если словарь предполагается набирать обычным типографским способом: приходится сообразо-

вываться с инвентарем литер в типографии и т.д. Конечно, при компьютерном наборе многие из этих трудностей снимаются.

Наконец, в-пятых, целесообразно, собираясь ввести новый знак, прикинуть, действительно ли есть в нем потребность. Так, выше уже упоминалось, что непроизносимые буквы можно снабжать точкой снизу, как это сделано в некоторых словарях с входным норвежским языком. В принципе этот же прием можно применить и к русскому языку, ср. слова типа *лестница, праздник, солнце*. Однако случаев таких очень немного, и, на наш взгляд, нет необходимости тратить время и средства на создание специальных знаков «л с точкой снизу» и др., когда в этих немногочисленных случаях можно просто обойтись транскрипцией, например, *солнце* [óн].

Пока говорилось только об обозначении произношения отдельного слова. На деле зачастую встречается ситуация, когда в пределах одной статьи сходной транскрипцией должно быть снабжено несколько частично или полностью совпадающих по своему звуковому составу слов; это имеет место при гнездовании, причем проблема актуальна как для входного, так и для выходного языка. С одной стороны, целесообразно ли повторять несколько раз в пределах одной статьи одну и ту же транскрипцию? С другой стороны, как предупредить пользователя, не читающего всей статьи и сразу отыскивающего нужное ему слово или значение, о том, что последнее имеет особенности в произношении?

Здесь можно рекомендовать прием, использованный в РНС. Транскрипция в пределах одной словарной статьи дается только один раз, в последующих случаях используется знак [↑], расшифровываемый как «транскрипцию см. выше». Примеры:

> **глупость** ... **1.** (*свойство*) dumhet [´dum:-] ... **2.** (*поступок, слово и т.п.*) dumhet [↑] ...
> **отворить** ... åpne^1 [`ɔ:-], lùkke$^1$ [`lu-] opp; **~ся** ... åpne^1 [↑] seg, lùkke^1 [↑] seg opp

Отметим попутно, что знак [↑] является частным случаем употребления знака ↑, вообще широко используемого в комбинации с разными скобками в РНС; например, во избежание однотипных пояснений (даваемых обычно курсивом в круглых скобках) при словах со сходным значением применяется знак (↑) и т.п.

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос о степени подробности («глубины») транскрипции. Для этого нам придется обратиться к понятию фонемы и ее вариантов (аллофонем). Это необходимо, поскольку в лексикографии широко представлена точка зрения, согласно которой транскрипция в словаре должна быть сугубо фонематической, т.е. отражать только фонемный состав слова.

Рассмотрим два русских слова — *мел* и *мель*. Мы безошибочно различаем их, поскольку в звуковой состав одного из них входит «твердое» (непалатализованное) л, а в состав другого — «мягкое» (палатализованное). Таким образом, в русском языке непалатализованное л [l] и палатализованное л [l'] — звуковые единицы, которые могут различать слова. Такие кратчайшие звуковые единицы какого-либо конкретного языка, способные выступать единственным различителем звуковых оболочек слов, и называются ф о н е м а м и. Стало быть, l и l' — разные фонемы в русском языке (равнó как r и r', s и s' и т.д.). Фонемную транскрипцию принято давать в косых скобках (/l/, /l'/), чтобы отличить ее от фонетической, которая обычно дается в квадратных скобках.

Раздел языкознания, изучающий фонемы и фонемный строй языка, носит название ф о н о л о г и и. Чередования фонем в связи с изменением (склонением, спряжением и т.д.) слов изучаются ф о н о м о р ф о л о г и е й, или м о р ф о н о л о г и е й, — областью лингвистики, пограничной между фонологией и грамматикой (морфологией).

Весьма существенно, что одна и та же пара звуков в одном языке может быть парой фонем, а в другом — вариантами одной фонемы. Так, l и l' — в русском языке разные фонемы (/l/, /l'/), в других (например, в норвежском) — варианты фонемы /l/ ([l], [l']). Другой пример. В русском языке неогубленные (нелабиализованные) и огубленные (лабиализованные) согласные — варианты одной фонемы, в ряде других языков (например, в абхазском, кабардинском) — разные фонемы. В том, что в русских словах *газ* и *гусь* разные варианты фонемы /g/, можно легко убедиться, заметив положение губ при их произношении (и даже при подготовке к их произношению). Но в русском языке нет ни одной пары слов, члены которой различались бы т о л ь к о огубленностью/неогубленностью согласного. В абхазском же такие пары есть, например, *агар* /agar/ 'колыбель' и *агуар* /ag°ar/ 'двор; забор' (значком ° обозначается огубленность предшествующего согласного).

Характерно, что люди обычно не слышат не-фонемных различий в родном языке, например, что у русского /e/ несколько вариантов: перед непалатализованным согласным (скажем, в слове *эта*) оно открытое, перед палатализованным (к примеру, в слове *эти*) — закрытое и т.д. (всего у русской фонемы /e/ 8 вариантов!). Напротив, мы очень хорошо слышим неверное

произношение у тех, для кого наш язык не является родным, хотя сплошь и рядом не можем точно сказать, в чем эта неправильность заключается. В принципе ошибки, допускаемые говорящими на иностранном языке, делятся на три группы: а) ведущие к непониманию (неверному или затрудненному пониманию), б) создающие акцент, в) проходящие незамеченными. При всей условности этого деления оно важно для двуязычной лексикографии.

После этого краткого экскурса в теорию фонемы обратимся к интересующему нас вопросу: должна ли транскрипция в словаре (прежде всего двуязычном) быть фонематической или фонетической? Для этого рассмотрим элементарный пример, русское слово *рот*. В фонематической транскрипции оно выглядит просто: /rot/. Фонетическая же транскрипция намного сложнее: [r°ᵘɔ·t] (° означает, как отмечено выше, огубленность согласного; ᵘɔ – дифтонгоидный характер русского **о**, т.е. то, что этот гласный имеет у-образное начало; точка после гласного обозначает его полудолготу: все ударные гласные в русском полудолгие).

Читатель может здесь возразить, что слова типа *род* мы вообще в словарях не снабжаем транскрипцией. И, конечно, будет прав. Но дело в том, что иностранному пользователю все эти сведения (о характере русского **о**, о полудолготе ударного гласного и т.д.) знать безусловно надо, если он стремится фонетически правильно говорить на неродном для него языке. Стало быть, вопрос только в том, куда эту информацию поместить, как ее распределить в словаре, как ее подать наиболее удобным для пользователя образом. Ведь и фонематическая, и фонетическая транскрипции, если их брать не изолированно, а в совокупности с достаточно подробным описанием артикуляции отдельных звуков в определенных позициях, дают пользователю, в конечном счете, одинаковую информацию. Попросту говоря, при пользовании фонематической транскрипцией пользователь должен помнить много больше, нежели при пользовании транскрипцией фонетической.

Поэтому, исходя из практической целесообразности, в ряде случаев не следует придерживаться строго фонематического подхода, а отражать в транскрипции моменты фонетически важные, но с точки зрения фонологии несущественные (фонологически иррелевантные). Например, для всех скандинавских языков, кроме датского, характерно явление так называемого слогового равновесия, заключающееся в том, что в ударном слоге гласный долгий, если согласный краткий, и наоборот,

гласный краткий перед долгим согласным или двумя или более согласными (второстепенные детали правила здесь опущены). Фонологически здесь существенна либо долгота гласного, либо долгота согласного, но пользователю словаря, естественно, будет понятнее транскрипция фонетическая, ср. норв. loff ‘белый хлеб; батон’ – фонематически /luf/, фонетически [luf:]. Другой пример. В исландском языке звуки [ð] и [þ] – варианты одной фонемы, находящиеся в позиции так называемого дополнительного распределения (комплементарной дистрибуции): в начале слова выступает глухой вариант [þ], в середине – звонкий вариант [ð], а в конце слова – полузвонкий, ср. þýða ‘переводить’, фонетически [ˈþi:ða], фонематически /ˈþi:þa/ или /ði:ða/. Последний пример показывает, в частности, и то, что возможны различные фонематические интерпретации фонетических фактов; в отношении ряда языков среди фонологов нет единства.

Следует отметить, что детальность даже самой подробной фонетической транскрипции относительна: она в состоянии отобразить не все возможные оттенки звуков человеческой речи, а лишь все возможные типы таких звуков, так что и подробная фонетическая транскрипция обязательно требует дополнительного словесного описания звуков данного языка. Так, например, немецкое открытое **i** несколько более закрыто, нежели исландское открытое **i**, но оба эти звука обозначаются в фонетической транскрипции одним и тем же знаком – [ɪ]; шведский звук [ʉ(:)] более открыт, чем норвежский [ʉ(:)] и т.д. Более того, даже в пределах одного языка звуки (варианты фонемы), относимые к одному типу и потому обозначаемые одним и тем же транскрипционным знаком, обнаруживают небольшие различия. Так, русский согласный перед /u/ несколько более огублен, чем перед /o/, русский конечный смычный имеет особую артикуляцию и т.д., так что и приведенная выше фонетическая транскрипция [r°ᵘɔ·t] является известным огрублением.

Видимо, нельзя дать рецепта, какой должна быть транскрипция в словаре, пригодного для каждого конкретного языка. Можно лишь, подытоживая изложенное выше, высказать некоторые общие соображения.

1) Нецелесообразно давать строго фонематическую транскрипцию: для правильной фонетической интерпретации ее пользователь должен будет помнить большое количество правил, иногда довольно сложных. Так, в частности, важно в явной форме передавать глухоту/звонкость в положении нейтрализации (т.е. в случаях типа приведенного выше исландского примера þýða), качество гласного (т.е. его открытость/закры-

то́сть), когда фонематически существенно (релевантно) его количество (долгота/краткость), и т.п.

2) Столь же нецелесообразна излишне подробная фонетическая транскрипция, изобилующая различными знаками, неизвестными пользователю без лингвистической подготовки, ср. приведенный выше пример *рот* [r°uɔ·t]. Число транскрипционных знаков, по нашим представлениям, не должно в среднем превышать 50–60.

3) Продумывая транскрипционную систему для словаря, следует также иметь в виду те свойственные носителям данного языка речевые навыки, которые особенно часто проявляются в их речи на иностранном языке, и стараться предупредить возможные ошибки. С этой точки зрения, представляется не вполне удачной принятая в «Датско-русском словаре» 1975 транскрипция, в которой датские непридыхательные глухие смычные передаются знаками b, d, g, ср. транскрипции spå [sbɔ'] 'гадать', sky [sgy'] 'облако', stå [sdɔ'] 'стоять': некоторая часть русских пользователей может прочитать такие написания с регрессивной ассимиляцией, как [збо'], [згю'], [здо'].

4) Практический момент. Крайне желательно, чтобы фонетический очерк при словаре и транскрипция разрабатывались одним лицом.

Наконец, еще одна проблема в связи с фонетической информацией в двуязычном словаре. Монографическое описание фонетики какого-либо языка нередко занимает много десятков – а иногда и несколько сотен – страниц. Таким образом, проблемой является отбор тех сведений по фонетике данного языка, которые необходимо сообщить пользователю. Вопрос этот весьма непрост и решается по-своему для каждого конкретного языка.

2. Информация о просодической характеристике слова. Выше была рассмотрена проблематика отражения в словаре звукового состава слова, так называемая сегментная фонетика. Но для языков характерны и супрасегментные («надзвуковые»), или просодические, моменты, важнейшим из которых является ударение: силовое, или динамическое; тоническое, или музыкальное; количественное, или квантитативное; тембровое. Часто встречаются комбинации нескольких типов ударения. Так, русское ударение одновременно силовое, количественное и тембровое: ударный гласный в слове *парад* не только произносится с большей силой, чем безударный, но и более протяжён, чем последний, и имеет отличную от последнего тембровую окраску. Норвежское и шведское ударение одновременно динамическое и тоническое.

К просодике относятся и другие явления, характерные для некоторых языков, в частности слоговой акцент (особенно широко представленный в языках Юго-Восточной Азии – вьетнамском, китайском и др., а также в некоторых языках Африки и Америки), разного рода гортанные смычки (немецкий сильный приступ, датский толчок, или стёд, и др.) и т.п.

Анализ ряда словарей показывает, что просодическим моментам в них не всегда уделяется должное внимание. Между тем, в принципе, отражение этой информации в словаре осуществить относительно несложно, и оно не требует много места.

Рассмотрим важнейшие из затронутых проблем.

Динамическое ударение. В языках со связанным ударением, т.е. в языках, в которых оно всегда падает на определенный слог (например, на первый в финском, чешском, исландском, на последний во французском, киргизском, на предпоследний в польском и т.д.), отмечать его нет нужды. Его, естественно, следует отмечать только для языков, в которых оно свободное (т.е. может падать на разные слоги). Оно, как всем известно, отмечается знаком ударения над соответствующим гласным. В односложных словах его, конечно, ставить излишне. Важно помнить об ударении при гнездовании, о чем говорилось выше (§ 14).

Реальная картина в этом отношении более сложная, и лексикографические решения определяются рядом факторов. Остановимся на некоторых из возникающих проблем.

В довольно многих языках ударение в о с н о в н о м связанное, но имеется немало исключений. Так, в немецком и нидерландском ударение, как правило, падает на первый слог, но есть отступления от этого правила, причем как системные, так и изолированные. К системным относятся слова с безударными приставками, к изолированным – слова типа нем. lebéndig 'живой', нидер. voorbéeldig 'образцовый'. Лексикографически здесь возможны два решения: 1) ударения ставятся в любой лемме; 2) ударения проставляются только в тех случаях, когда ударение падает не на первый слог. В словарях с языками такого типа обычно проводится первое решение (например, в «Нидерландско-русском словаре» 1987).

При проставлении динамического ударения возникает несколько практических вопросов.

Во-первых, во многих европейских языках используются буквы с разными знаками ударения (обычно это заимствования из французского языка, сохраняющие орфографию языка-источника), ср. нем. Coupé [ku ˊpe:] 'купе', нидер. ampère [amˊpæ:r] 'ампер'. В таких случаях необходима транскрипция, что и осуществляется в словарях с этими входными языками.

Сложнее положение со случаями типа норв. armé [ar´me:] 'армия', где «орфографическое ударение» совпадает с транскрипционным, т.е. случаи, когда надо и воспроизвести орфографическое написание слова, и указать место ударения. Конечно, можно предупредить пользователя о том, что при наличии транскрипции любые знаки ударения над словом являются «орфографическими», но, как будет показано ниже, выход этот не оптимален. Удачнее иной прием: при совпадении «орфографического ударения» с транскрипционным соответствующая буква набирается на один пункт меньше armé, karré 'каре'.

Обычно при наличии транскрипции при лемме ударение над последней не ставят: в противном случае информация о месте ударения дублируется. С нашей точки зрения, в таком дублировании нет греха, и в РНС ударение указывалось и в лемме, и в транскрипции.

Тоническое ударение. Оно характерно, в комбинации с динамическим, в частности, для шведского и норвежского языков, в которых различаются две тонемы – 1-я и 2-я (в их описание вдаваться здесь нет возможности). Тонему 1 принято обозначать знаком акута (´), тонему 2 – знаком грависа (`): норв. vínter 'зима', sòmmer 'лето'. В обычном письме тонемы не обозначаются.

Поскольку в односложных словах в этих языках возможна только тонема 1, ее в словарях не обозначают, например, вместо шв., норв. skóg 'лес', hús 'дом' в словарях дается skog, hus.

Проставление тонического ударения требует от автора словаря предельного внимания, особенно при гнездовании. Дело в том, что в области тоники в языках множество исключений, ср. норв. blékk 'чернила', blékkhus 'чернильница' (тонема 1), blèkksprut 'каракатица; осьминог' (тонема 2).

Говоря о тоническом ударении, следует учитывать, что мы имеем дело с различными случаями:

1) с просодическими особенностями отдельных типов словоформ. Так, норвежские формы мн. числа односложных слов общего (м. и ж. рода) имеют, в отличие от форм ед. числа, тонему 2: knív 'нож' – knìver, sák 'дело' – sàker; двусложные сильные глаголы – тонему 1 в презенсе, в отличие от тонемы 2 в инфинитиве: skjæ̀re 'резать' – skjǽrer 'режет', lø̀pe 'бежать' – lǿper 'бежит'; двусложные слабые глаголы имеют тонему 2 в обеих названных формах: fø̀re 'вести' – fø̀rer, rènse 'чистить' – rènser.

2) с просодическими особенностями некоторых парадигматических характеристик слова (§ 17): *дом – и́з дому, го́род – за́ город.* Исключениями из названных в предыдущем абзаце правил для норвежского языка являются существительные с перегласовкой: bók 'книга' – bǿker, strand 'берег' – strénder и аналогичные (здесь тоже есть исключения). Последние формы, естественно, попадают в словари. Однако есть три односложных существительных без перегласовки во мн. числе, имеющих, в виде исключения, тонему 1, что в словарях, к сожалению, не регистрируется: ért 'горошина' – érter, blómst 'цветок' – blómster, geit 'коза' – géiter. Несколько слабых глаголов имеет тонему 1 в презенсе (léser 'читает', éier 'владеет', blåser 'дует' и др.).

Подход здесь может быть различным. Формы типа érter, blómster, géiter целесообразно приводить при соответствующих существительных. Напротив, из-за случаев léser, éier и др. мы рассматривали в РНС слабые глаголы lèse, èie как нерегулярные и помечали их знаком нерегулярности (*), отсылающим пользователя к списку нерегулярных глаголов в приложении к словарю.

В области регистрации тонического ударения заслуживает внимания прием, используемый в норвежской лексикографии. Помещая определенным образом знак тонического ударения, норвежские лексикографы таким образом обозначают и долготу гласного: если знак ударения ставится непосредственно после гласного, это указывает на долготу последнего, если после следующего за ним согласного – гласный краток, например **o`rdfører** (= [ `u:rførər]) 'мэр, бургомистр', **Sig`urd** (=[`sig:ʉr])'Сигурд' (имя собственное). Этот же прием используется и для случаев, когда слово односложное (и тип тонемы, следовательно, очевиден), для обозначения краткости гласного: **den´** (= [dɛn:]) 'он; тот', **nok´** (= [nɔk:]) 'достаточно'. Прием этот не лишен и некоторых недостатков. Так, во многих случаях он совершенно не дает никакой дополнительной информации по сравнению с обычным орфографическим написанием слова, ср. **vann´** [van:]) 'вода', **å´** (= [ɔ:]) 'речка'. Далее, такая постановка знака ударения отличается от принятой и потому может неверно восприниматься некоторыми пользователями. Наконец, при нем разрывается слитность написания.

Слоговой акцент, характерный, как уже говорилось, для ряда языков Юго-Восточной Азии и некоторых языков Африки и Америки, заключается в особом тоне, с которым произносится слог (односложное слово): ровном, восходящем, нисходящем, восходяще-нисходящем, низком, высоком и т.д. В некоторых языках он обозначается с помощью орфографических диакритических (дополнительных, обычно надстрочных) значков: má, mà, mâ, mã и т.п. Используются также надстрочные или подстрочные цифры: ma^1, ma^2 ... или ma_1, ma_2 ... .

Заканчивая рассмотрение отражения в двуязычном словаре просодических моментов, остановимся на еще одном важном вопросе. Просодическая характеристика отдельного слова нередко может отличаться от просодической характеристики того же слова в словосочетании. Ср. рус. *дом — и́з дому, го́род — за́ город,* норв. mànge (тонема 2) 'многие' — for mánge (тонема 1) 'слишком многие' (ср. for mànge 'для многих'), drá 'тянуть; отправляться' (и еще ряд значений) — han dró til Dag (тонема 1) 'он поехал к Дагу', но han drò til Dag (тонема 2) 'он ударил Дага'.

В примерах в двуязычных словарях принято ставить ударение на каждом слове, состоящем из двух и более слогов, но не ставить его на односложных словах, что, конечно, неточно отражает реальную картину, ср. реальные ударения в речи в нормальном темпе (вертикальная черта разделяет синтагмы — группы слов, объединенные ударением и в смысловом отношении) *она придёт| через ча́с* и «словарные» *она́ придёт че́рез час.* Делается это потому, что в замедленном темпе речи (а именно он наиболее вероятен у «активного» пользователя словарем) ударения ставятся почти на каждом слове. Представляется оправданным ставить ударение и на односложных словах, несущих синтагматическое ударение. Желательно было бы синтагматическое ударение отмечать особым знаком, например, полужирным.

§ 17. Грамматическая информация. Как правило, двуязычный словарь должен давать и активному, и пассивному пользователю (о двух адресатах словаря см. § 1) информацию, позволяющую ему образовать любой элемент парадигмы (т.е. любую форму) слова — леммы и эквивалента — и грамматически правильно употребить это слово в контексте. В соответствии с этими задачами грамматическую характеристику слова в двуязычном словаре можно схематически представить себе в виде суммы двух частных характеристик — парадигматической и синтагматической. Термины эти образованы соответственно от двух слов: *парадигма,* образец изменения (склонения, спряжения и т.д.) какого-либо слова, и *синтагма,* группа слов в предложении, объединенная в смысловом отношении и интонационно, т.е. единым ударением (заметим в скобках, что в русской синтагме ударение, как правило, падает на ее последнее слово; синтагмы разделяются, как указано в предыдущем параграфе, вертикальной чертой: *при всей своей уста́лости| он долго рабо́тал| вчера ве́чером*).

① Парадигматическая характеристика — это такая информация о слове, которая позволяет пользователю при наличии у него определенных знаний о морфологии данного языка или при обращении к грамматическому описанию этого языка образовать любой элемент парадигмы этого слова. Очевидно, что объем такой информации, даваемой при слове в статье, определяется тем, какие знания о морфологии данного языка автор словаря предполагает у пользователя. Так, англо-иноязычные словари не приводят при существительных показателя множественного числа *-s*, подразумевая, что эта информация пользователю известна, но обычно включают в словник нерегулярные формы множественного числа типа feet, men, women, geese и т.п., полагая, что пользователь их не знает.

Разумеется, объем необходимой грамматической информации о слове в словарной статье зависит от специфики языка. Когда все слова, относящиеся к одной части речи, имеют только одну парадигму (например, индонезийское или кабардинское существительное), то достаточно лишь указания на часть речи. Более сложный, но тоже довольно ясный случай — когда парадигма стандартна, но показатели имеют варианты, четко определяемые звуковым составом основы слова. Характерным примером в этом отношении может служить киргизский язык, в котором форма показателя (аффикса), присоединяемого к слову, определяется гласным последнего слога основы или предыдущего показателя (правило так называемого сингармонизма) и последним согласным, т.е. выбор того или иного показателя определяется чисто формальными признаками; эти правила охватывают всю морфологию киргизского языка (есть только одна нерегулярно образуемая форма множественного числа). Зная названные выше закономерности, изучающий киргизский язык всегда сможет правильно образовать любую нужную ему форму (справа от стрелки приведены в качестве примера формы им. падежа мн. числа): *ата* 'отец' → *аталар, тоо* 'гора' → *тоолор, терезе* 'окно' → *терезелер, жылдыз* 'звезда' → *жылдыздар, ит* 'собака' → *иттер* и т.д., всего 12 вариантов.

По некоторым элементам парадигмы можно предсказать ее всю. Эти элементы могут поэтому использоваться в словаре в качестве сокращенной записи всей парадигмы. Так, для определения всей парадигмы исландского существительного достаточно, за немногими исключениями, указать его род и окончания род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа; в некоторых случаях достаточно указания на род и на первое из перечисленных окончаний, в других достаточно даже только указания на род. Однако в целях единообразия все исландские

существительные снабжаются указанием на род и названными окончаниями, хотя информативность этих сведений, разумеется, различная.

Естественно рассматривать обе части словаря – корпус, где статья содержит грамматическую характеристику слова, и грамматический очерк (грамматические таблицы) – как единый источник информации о грамматических особенностях слова. В самом деле, такая паспортизация исландского существительного, как **hest|ur** *m* -s, -ar 'лошадь', ценна, в первую очередь, тем, что отсылает нас к определенной парадигме в грамматическом очерке при словаре; в противном случае она ничего нам не сообщала бы, кроме оформления именно этих падежей.

Распределение информации об изменении слова между корпусом и грамматическим очерком (таблицами и т.п.), как и в случае с фонетической характеристикой, определяется тем уровнем знаний пользователя в области морфологии данного языка, который устанавливается автором словаря как необходимый и достаточный для успешного пользования только корпусом – без постоянного обращения к грамматическому очерку.

Словарные грамматические (парадигматические) характеристики слова распадаются на несколько взаимно пересекающихся классов.

I. В зависимости от соотношения с языковым материалом грамматические характеристики, применяемые в словарях, можно разделить на две группы – фактические и символические.

1. Ф а к т и ч е с к а я грамматическая характеристика сообщает пользователю языковой материал в его реальном виде: окончание, словоформу, префикс и т.д. Например, подача норв. **stol** *-en, -er* 'стул' сообщает реально употребляющиеся в языке словоформы stolen (ед. число с суффигированным артиклем) и stoler (мн. число); исл. **vörður** varðar, verðir 'страж' – словоформы varðar (род. падеж ед. числа) и verðir (им. падеж мн. числа); суах. **mkonga** (mi-) 'хобот' – словоформу mikonga (мн. число). Этот реальный языковой материал, таким образом, может быть представлен в разной форме: в виде альтернативной словоформы, приводимой полностью (vörður – varðar), в виде добавляемой части (stol – stol+en), в виде части, заменяющей часть словарной формы (mkonga – mikonga) и т.д.

2. С и м в о л и ч е с к а я грамматическая характеристика сообщает информацию о принадлежности слова к тому или иному разряду, словоизменительному типу и т.п. в условной форме – при помощи неких условных знаков (обычно букв), цифр или комбинаций тех и других. Так, подача **молодец**^{5*b} *м* сообщает пользователю, что данное существительное относится к мужскому роду, изменяется по парадигме 5 (приведенной в приложении к словарю), по акцентуационному типу b, характеризующемуся переносом ударения на окончание, а также содержит беглый гласный. Символическая грамматическая характеристика леммы обычно компактнее фактической; для некоторых типов информации вообще возможна только символическая запись грамматических особенностей слова.

Часто в лексикографической практике оба вида характеристик – фактические и символические – употребляются совместно, ср. исл. **dekk** *n* -s, = 'палуба' (знак равенства означает, что данная форма совпадает с леммой); нидер. **neus** *m* neuzen 'нос'; хауса **gab||o** *м.* (*мн.* gubba; -oba) 'зуб'. Выбор того или иного типа грамматической характеристики определяется в каждом конкретном случае практической целесообразностью. При прочих равных условиях фактическая характеристика предпочтительнее символической, ибо требует от пользователя меньших предварительных знаний и исключает возможные ошибки; однако случаи, когда обе подачи требуют одинакового объема, по-видимому, весьма редки.

II. С точки зрения структуры сообщаемой информации грамматические пометы (характеристики) делятся на простые и сложные.

1. П р о с т ы е грамматические характеристики относят слово к определенному классу. Примерами таких характеристик являются пометы, обозначающие принадлежность слова к той или иной части речи: *adj, a, прл* (прилагательное), *v* (глагол) и т.п.

2. С л о ж н ы е грамматические характеристики относят слово к определенному подклассу и тем самым к определенному классу, в который и только в который входит этот подкласс. Типичный пример такой характеристики – помета, обозначающая род имени существительного. Помета *m* или *м*, например, сообщает, что слово, снабженное ею, во-первых, существительное, во-вторых, мужского рода, т.е. дает как некую более общую информацию, так и некую более частную. В общераспространенных пометах *vt* (verbum transitivum – переходный глагол) и *vi* (verbum intransitivum – непереходный глагол) содержится плеонастический (тавтологический) элемент, а именно часть *v*: (не)переходными могут быть, видимо, только глаголы (и вербоиды – образования, совмещающие в себе признаки глагола и других частей речи). Поэтому, во избежание тавтологии, в РНС глаголы паспортизуются только как *св* (совершенный вид) или *нсв* (несовершенный вид).

Встречаются комбинации простых и сложных грамматических характеристик: например, в «Нидерландско-русском словаре» 1987 подача **opgroeien (d)** *v* (z) ‘вырастать’ последовательно сообщает пользователю, что: а) данное слово образует основу простого прошедшего времени и причастия II с помощью данного суффикса (что характерно, естественно, только для глагола), б) это слово – глагол, в) оно образует перфект и плюсквамперфект с помощью вспомогательного глагола zijn, а не hebben (что, опять-таки, характерно только для глагола), т.е. информация о принадлежности слова **opgroeien** к классу глаголов сообщается трижды.

III. С точки зрения полноты информации, сообщаемой о слове, грамматические характеристики делятся на две подгруппы.

1. Полные, дающие сами по себе всю парадигму слова. Естественно, такая грамматическая паспортизация возможна лишь тогда, когда парадигма невелика. Так, поскольку нидерландские существительные м. и ср. рода теперь не склоняются, подача **beeld** *n* -en является полной.

2. Частичные, сообщающие пользователю сведения только о части парадигмы, но достаточные для определения всей парадигмы, ср. приведенные выше исландские примеры. По-видимому, частичные характеристики – наиболее распространенный тип грамматической паспортизации слова в словаре.

3. Отсылочные, сами по себе информации не дающие, но отсылающие пользователя к определенной парадигме в очерке или к определенной таблице (пример см. ниже).

IV. С точки зрения типа приписываемых слову парадигматических изменений, грамматические характеристики можно разделить на идентифицирующие и ограничительные.

1. Идентифицирующие грамматические характеристики относят слово к той или иной парадигме, т.е. приписывают ему весь набор показателей, присущих данному (под)классу слов. Это достигается различными перечисленными выше способами, ср. фин. **ranta** rannan ‘берег’, рус. **поединок**[3*a].

2. Ограничительная грамматическая характеристика указывает на то, какую часть парадигмы, характерной для слов данного разряда, имеет данное слово.

По своему характеру ограничительные пометы могут быть двоякого рода.

1) Положительные ограничительные пометы регистрируют ту часть парадигмы, которой обладает данное слово; отсутствие иных форм указывает на их неупотребительность. Например, как уже неоднократно говорилось, исландские существительные обычно снабжаются в словарях указаниями на формы род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа; поэтому подачи типа **fegurð** *f* -ar ‘красота’(т.е. без приведения формы мн. числа) означают, что данное слово во мн. числе не употребляется.

2) Отрицательные ограничительные характеристики оговаривают в явной форме ту часть парадигмы, которой слово лишено, например, «*1 л. не употр.*» (т.е. 1-е лицо не употребляется). Ср. также: **разок** *м* <*косв. формы не употр.* > ...; **щец** *уменьш.-ласк. разг. Р мн от* щи. Они используются в лексикографической практике реже, чем положительные.

Следует отметить, что моменту обозначения дефектности парадигмы в двуязычных (как, впрочем, и в толковых) словарях не всегда уделяется должное внимание. Так, в просмотренных нами русско-иноязычных словарях не обозначено, что глаголы *победить* и *убедить* не употребляются в форме 1-го лица буд. времени, а прилагательное *пожилой* не образует краткой формы; норвежские словари не регистрируют того факта, что глаголы få и eie не образуют аналитической страдательной конструкции, и т.д.

Особо следует остановиться на проблеме слов singularia tantum (существительных, не имеющих формы мн. числа), поскольку именно с этой проблемой составители двуязычных словарей сталкиваются чаще всего. Самое простое решение, казалось бы, последовательно отмечать в словаре все такие случаи, например, **рассеянность**[8a] *ж тк ед*, **керосин**[1a] *м тк ед* и т.п. Вместе с тем очевидно, что случаев, когда слово входного языка и его эквивалент(ы), в силу своего значения, являются singularia tantum, очень много, в большом словаре их несколько сотен, если не тысяч. Педантичное фиксирование отсутствия форм мн. числа у слов с абстрактным значением (типа *ненависть, дороговизна, ханжество, демагогия* и т.п.) или вещественных (например, *алюминий, влага* и т.д.), эквиваленты которых в выходном языке словаря также не имеют форм мн. числа, приведет к значительной трате места в словаре без должного информационного эффекта. Поэтому, с нашей точки зрения, в отношении singularia tantum целесообразно регистрировать только случаи расхождения леммы и эквивалента/эквивалентов, например, отмечать, что русские слова *пурга, критика* не имеют форм мн. числа, а их, к примеру, норвежские эквиваленты snøstorm, kritikk такие формы имеют. Не менее важен и обратный случай: слово входного языка имеет полную парадигму, а его эк-

вивалент – дефектную. Так, в русском языке вещественные существительные, обозначающие большие пространства, покрытые данным веществом, а также названия атмосферных процессов, длящихся долгое время, употребляются во мн. числе (*снега, льды, пески, дожди*), тогда как в английском, немецком, норвежском и многих других языках эти существительные – singularia tantum. Такое соотношение в словарях отмечать следует непременно. Как быть с только что упомянутыми русскими словами в иноязычно-русских словарях? Возможный выход – показать употребление русских форм мн. числа при помощи примера, скажем, нем. das endlose Regen перевести как *бесконечный дождь*; *бесконечные дожди* (*tagelang*).

Особого внимания требуют случаи, когда одни значения слова являются singularia tantum, а другие – нет, причем у эквивалентов положение отличное. Так, рус. *долг* в значении 'обязанность' – singularia tantum, но в значении 'сумма, взятая взаймы' имеет полную парадигму; в норвежском языке положение прямо противоположное, что в РНС показано следующим образом:

> **долг** ... **1.** *тк ед.* (*обязанность*) plikt *-en* {*-a*}, *-er* ... **2.** (*взятое взаймы*) gjeld *-en* {*-a*} (NB *pl не употр.*) ...

Остановимся особо на одном частном, но очень важном для русско-иноязычной лексикографии вопросе. Речь идет о регистрации видовых пар русских глаголов. Как правило, в российской двуязычной лексикографии за основную (словарную) форму глагола теперь принимается форма совершенного вида – при ней даются переводы, а от формы несовершенного вида дается отсылка к форме совершенного. От этой схемы есть, разумеется, отклонения, главными из которых являются бесприставочные глаголы несовершенного вида (типа *писать, рубить*). Для краткости изложения ограничимся приведением примеров из РНС, иллюстрирующих различные типовые случаи (примененные сокращения: *св* – совершенный вид, *нсв* – несовершенный вид, *нсв/св* – форма, одинаковая для совершенного и несовершенного вида):

> **обидеть**^{5a} *св* <*нсв* обижáть> ...
> **информировать**^{2a} *нсв/св* <*св тж* про-> ...
> **голосовать**^{2a} *нсв* <*св* про-> ...
> **проголосовать**^{2a} *св см* голосовáть
> **добреть**^{1} I *нсв* <*св* по-> (*становиться добрее*) ...
> **добреть**^{1} II *нсв* <*св* раз-> *разг.* (*полнеть*) ...
> **писать**^{6c} *нсв* <*св* на-> ... **3.** *тк нсв* (*быть писателем*) ... **4.** *тк нсв в II* (*сотрудничать в периодическом издании*) ... **5.** *тк нсв* (*быть годным для письма*) ...

Если разные значения глагола образуют форму совершенного вида при помощи разных приставок, такие формы указываются непосредственно при значениях:

> **колотить**^{4c} *нсв* **1.** *по Д, в В* (*ударять, стучать*) ... **2.** *св* по- *В* (*бить*) ... **3.** *св* рас- *В разг.* (*разбивать*) ...

Отсутствие указания на соотносительную форму совершенного вида в таких случаях означает, что в данном значении глагол употребляется только в несовершенном виде:

> **душить** I *нсв В* **1.** *св* за- ... **3.** ...

Подробнее см. РНС, с. 13.

В принципе такой же подход требуется и в иноязычно-русских словарях. Конечно, техническое решение вопроса может быть несколько иным. Так, в БНРС в принципе (но с модификациями) принята следующая видовая паспортизация:

> подпи́с|ывать/-áть
> сгре|бáть/-сти́
> рисовáть/на-

Сравнивая различные типы грамматической индексации слова в двуязычном словаре и стремясь найти оптимальный способ подачи информации, сформулируем требования к ней. Порой эти требования вступают между собой в противоречие.

1) Желательно, чтобы грамматическая информация была максимально к о м п а к т н о й.

2) Она должна быть п о н я т н о й широкому кругу пользователей.

3) Она должна быть с и с т е м н о й.

4) Желательно, чтобы ее можно было и з в л е к а т ь п о с т у п е н ч а т о. Последнее требует пояснения. Рассмотрим индексацию в «Русско-исландском словаре» исландского существительного **þrýstingur** 'давление' – m^{5ab}. Вполне реальна ситуация, когда пользователя интересует только род существительного и он не хочет или у него нет необходимости обращаться к грамматическому очерку, чтобы определить парадигму 5ab. Индекс *m* сообщит ему эту информацию.

Нет возможности рассмотреть разнообразные приемы грамматической индексации слова, оптимальные для различных конкретных языков. Отметим в качестве примера некоторые из них, полагая, что они могут стимулировать поиски лексикографов, занятых этой проблемой.

Очень удачна грамматическая индексация русского слова, предложенная А.А. Зализняком и использованная в ряде из-

данных в последние годы русско-иноязычных словарей, а также — с некоторыми модификациями — в его «Грамматическом словаре русского языка». В принципе она состоит из следующих элементов — цифр, указывающих на парадигму как таковую (т.е. только на набор окончаний), и латинских букв, обозначающих акцентуационный тип; при необходимости звездочкой указывается наличие беглого гласного (см. выше пример **молодец**^{5*b} *м*).

Х. Харальдссоном, профессором Ослоского университета, предложен упрощенный вариант зализняковской индексации (названный в шутку «мини-Зализняком»).

Сходным образом построена наша с Х. Харальдссоном индексация исландских существительных в «Русско-исландском словаре», см. приведенный выше пример **þrýstingur** m^{5ab}. В этой индексации заслуживает внимания одна существенная деталь. В надстрочный индекс может быть введена усеченная фактическая индексация — буквы (заглавные, чтобы отличать их от строчных букв индексов), обозначающие, какие звуки добавляются или заменяются в определенных формах. Так, у очень многих исландских существительных ж. рода слабого склонения в форме род. падежа мн. числа есть элемент -n- (gata ‘улица’ — gatna, saga ‘история’ — sagna, но amma ‘бабушка’ — amma); поэтому принята индексация gata f^{1aN}.Здесь надстрочное прописное N как раз и обозначает элемент показателя род. падежа мн. числа у этого типа склонения.

Приведем пример и неудачной, на наш взгляд, индексации. Так, в целом в очень хорошем шведско-исландском словаре («Svensk-isländsk ordbok» 1982) в исландской части применена доведенная до крайности символическая паспортизация: исландские эквиваленты имеют только надстрочный индекс, отсылающий к соответствующей таблице, ср. kýr^{54} ‘корова’, dagur^{10} ‘день’, hús^{60} ‘дом’, lesa^{6} ‘читать’, hver^{96} ‘каждый’. Глаголы в этом словаре имеют индексы $^{1-6}$, существительные — $^{10-68}$, прилагательные — $^{70-90}$, местоимения — $^{91-96}$, числительные — ^{97}. Поступенчатое извлечение информации (см. выше) при такой подаче трудно осуществимо.

До сих пор мы рассматривали различные аффиксы (преимущественно окончания), присоединяемые к слову при его изменении (склонении, спряжении и т.д.), сами по себе. Однако нередко при изменении в словах наблюдаются определенные чередования, ср. рус. *стог* /stok/ — (*о*) *стоге* /stog´i/ — *стогá* /stagá/, исл. armur ‘рука’ (им. падеж ед. числа) — örmum (дат. падеж мн. числа), фарер. bók ‘книга’ — bókin [ˈboučin] (им. падеж ед. числа с артиклем). В первом из этих примеров имеют

место и просодические изменения — перенос ударения. Сложная картина наблюдается в языках с тоническим ударением, ср. приводившиеся выше примеры норв. lèse (тонема 2) ‘читать’ — léser (тонема 1) ‘читает’ — lèste (тонема 2) ‘читал’, tak I ‘крыша’ — tàkene (тонема 2 — мн. число с определенным артиклем), tak II ‘захват’ — tákene (тонема 1 — мн. число с определенным артиклем).

В корпусе двуязычного словаря, разумеется, отразить все подобные чередования нет никакой возможности, да и необходимости: массовые регулярные морфонологические правила описываются в грамматическом очерке при словаре. Например, переход **a** > **ö** под воздействием **u** (сохранившегося или отпавшего) в последующем слоге (так называемая перегласовка на **u**) пронизывает всю исландскую морфологию (за одним исключением), ср. kalla ‘звать’ — köllum ‘зовем’, gramm ‘грамм’ — grömm (им., вин. падеж мн. числа); см. также выше пример armur — örmum. Естественно, вводить в словарь в качестве самостоятельных лемм такие формы с **ö** не следует, так как это привело бы к колоссальному увеличению словника, как, впрочем, и тысячи обратных случаев чередования **ö** > **a**, когда в лемме **ö**, а в несловарных словоформах **a**, например, höfn ‘гавань’ — hafnir (им., вин. падеж мн. числа), gjöf ‘дар’ — gjafir (им., вин. падеж мн. числа). Еще пример. Для финского языка характерно так называемое чередование ступеней согласных (в открытом слоге, как правило, выступает сильная ступень, в закрытом — как правило, слабая), например (первый член пары — форма им. падежа ед. числа, второй — форма им. падежа мн. числа): kukka ‘цветок’ — kukat, ilta ‘вечер’ — illat, lampi ‘пруд’ — lammet, ranta ‘берег’ — rannat и т.д., всего 13 типов чередования. Существенно, что **k** в разных лексемах чередуется с разными звуками, включая нуль: ‘suku’ род — suvut, olki ‘солома’ — oljen (род. падеж ед. числа), hauki ‘щука’ — hauet, т.е. если по форме ranta мы можем предсказать форму rannan и, наоборот, встретив в тексте форму rannan, мы можем определить ее словарную форму ranta, то со словами с основой на **k** дело обстоит сложнее. Возникает принципиальный для двуязычной лексикографии вопрос: к а к и е ч е р е д о в а н и я с ч и т а т ь р е г у л я р н ы м и и не отражать их в корпусе, а к а к и е н е р е г у л я р н ы м и и, следовательно, в корпус включать? Ведь очевидно, что регулярные чередования в корпусе словаря не отражаются, а, напротив, нерегулярные должны отражаться.

Вопрос непрост. Крайние случаи ясны: чередования, представленные в сотнях слов, регулярны, единичные нерегулярны, Ясно, к примеру, что бесчисленные исландские чередова-

ния **a > ö** и **ö > a** регулярны, а изолированные формы degi (дат. падеж ед. числа от dagur ‘день’) и kvenna (род. падеж мн. числа от kona ‘женщина’) нерегулярны. Достаточно регулярны русские чередования губного с губным + *л: з > ж, с > ш, д > ж* и т.д. в 1-м лице ряда глаголов (*ловить — ловлю, корпеть — корплю, возить — вожу, писать — пишу, водить — вожу* и т.д.). Ср., однако: *бить — бью, петь — пою, рыть — рою* и т.п. Вопрос, стало быть, в том, где проходит количественная граница между массовым (регулярным) и немногочисленным (нерегулярным).

Очевидно, что строго количественный критерий здесь невозможен, например, если будет предложена контрольная цифра 20, всегда можно возразить, почему взята она, а не, скажем, 18 или 27. Руководствоваться здесь приходится такими субъективно определяемыми моментами, как радикальность чередования в парадигме и количество случаев, охватываемых парадигмой.

Проиллюстрируем это на примере сильных исландских существительных так называемого III класса, охватывающего около 20 единиц. Ср. некоторые их парадигмы:

ед. число И. **völlur** ‘луг’ Р. vallar Д. velli В. völl, мн. число И. vellir Р. valla Д. völlum В. velli
ед. число И. **fjörður** ‘фьорд’ Р. fjarðar Д. firði В. fjörð, мн. число И. firðir Р. fjarða Д. fjörðum В. firði
ед. число И. **björn** ‘медведь’ Р. bjarnar Д. birni В. björn, мн. число И. birnir Р. bjarna Д. bjørnum В. birni
ед. число И. **háttur** ‘образ (действия)’ Р. háttar Д. hætti В. hátt, мн. число И. hættir Р. hátta Д. háttum В. hætti
ед. число И. **spónn** ‘стружка’ Р. spóns Д. spæni В. spón, мн. число И. spænir Р. spóna Д. spónum В. spæni

Чтобы определить, какие основы из приведенных выше целесообразно, исходя из интересов пользователя, ввести в корпус словаря в качестве самостоятельных лемм, попробуем стать на его место и представить себе, какую информацию об исландской морфологии он помнит и какую ему необходимо сообщить. Прежде всего он помнит падежные окончания, и поэтому, например, значение окончаний *-i, -ir* в формах firð-i, birn-i, hætt-i, spæn-i и firð-ir, birn-ir, hætt-ir, spæn-ir сообщать ему нет необходимости. Далее, он знаком с переходами **a > ö** и **ö > a**, и формы valla, fjarðar, fjarða, bjarnar, bjarna он «приведет к словарному виду» (vallar, valla > völl..., fjarðar, fjarða > fjörð..., bjarnar, bjarna > björn) самостоятельно. Стало быть, трудность для него представят только случаи, где в основе содержатся чередования **i < jö, æ < á, æ < ó**. Обратим внимание на тот существенный

факт, что формы с рассматриваемыми чередованиями не изолированные, а их по две-три. В принципе здесь возможны два лексикографических решения (ограничимся одним примером — существительным fjörður):

а) **firði** *Д ед., В мн. от* fjörður
firðir *И мн. от* fjörður
б) **firð** — *см* fjörður

Второе решение, на наш взгляд, предпочтительнее по причине его компактности — без ущерба для интересов пользователя, поскольку, как сказано, информация о падежных окончаниях ему должна быть известна (иначе он вообще не сможет читать текст, и сведения о чередованиях в основах ему просто не нужны).

Такое решение и было использовано в РНС. Вот несколько примеров, уже приводившихся выше в другой связи:

пь.. <пью, пьёт *и т.д.* > *наст. от* пить
шл.. **I** **1.** <шлю, шлёшь, шлёт, шлём, шлёте, шлют> *наст. от* слать **2.** <шли, шли́те> *повел. от* слать
шл.. **II** <шла, шло, шли> *прош. от* идти́

Аналогичная подача целесообразна для словарей с входным немецким языком:

nimm(..) <nimm, nimmst, nimmt> *см* nehmen

Особенно помогает пользователю такая подача в тех случаях, когда чередования имеют место в двух морфемах слова, например, в русских глаголах с варьирующимися приставками (РНС):

расстел.. <расстелю́, расстéлет *и т.д.* > *буд. от* разостлать
изотр.. <изотру́, изотрёт *и т. д.* > *буд. от* истереть
обобь.. <обобью́, обобьёт *и т. д* > *буд. от* обить
разочт.. <разочту́, разочтёт *и т.д.* > *буд. от* расчесть

В общем, г р а н и ц е й н е р е г у л я р н о с т и м ы п р е д л а г а е м с ч и т а т ь 3 0 — 5 0 с л у ч а е в.

② С и н т а г м а т и ч е с к а я х а р а к т е р и с т и к а — это информация о том, с какими грамматическими формами иных слов и с какими служебными словами сочетается данное слово или словосочетание и в какие грамматические структуры оно может входить. Иными словами, это — информация об управлении данного слова и его валентности (сочетаемости) по отношению к различным грамматическим структурам. Ср. РНС

(прописными курсивными буквами сокращенно обозначены русские падежи):

интересовать[2a] *нсв* <*св* за- > *В*... ; ~**ся** *нсв* <*св* за- > *Т*...
поразмыслить[4a] *св над Т, о П*...
развод[1a] *м*... **5.** (*расторжение брака*) ... (*с Т* — ...)
контрол|ь[2a] *м*... **1.** (*проверка*) ... ; под ~ем *Р*...

«Исландско-русский словарь» 1962:

skipta ... **1.** *vt* (*D*) ... **2.** *vi* (*við e-n*) ...
geta[2] ... II ... **1.** *vi*...; ~ til e-s ... **2.** *vt* (*G*) ...

Определенную экономию места дает следующий прием, примененный в нескольких русско-иноязычных словарях, в том числе и в РНС. Когда два эквивалента или более характеризуются одним и тем же управлением (требуют одного и того же предлога и/или падежа), то это управление указывается только после последнего из эквивалентов и предваряется одной (правой) фигурной скобкой, например (РНС):

жаловаться ... klage, beklage seg} *over* ...

В общем, современные двуязычные словари довольно последовательно показывают «правое» управление слова. Заслуживает обсуждения здесь лишь один принципиальный момент.

До сих пор в двуязычной лексикографии нет четкого взгляда на то, должен ли словарь в отношении показа управления быть полным или «дифференциальным». Имеется в виду следующее. Между грамматическими категориями и, главное, граммемами (членами грамматической категории) данной пары языков есть наиболее частые, основные соответствия. Например, немецкому дательному падежу в русском чаще всего соответствует тоже дательный падеж. Естественно, что словари данной пары языков фиксируют (или, по крайней мере, должны фиксировать) случаи расхождения в этом моменте — когда немецкое слово управляет дательным падежом, а его русский эквивалент — иным, и наоборот (например, нем. danken *D für A* — *благодарить кого-л. за что-л.*, stehlen *D A* — *красть что-л. у кого-л.*). Однако когда и немецкое, и русское слово управляют дательным падежом (например, нем. geben *D A* — *дать Д В*) словари такое управление не показывают, т.е. являются в обозначении управления «д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м и».

Подобный дифференциальный подход весьма характерен для показа предложного управления, как «правого», так и, особенно, «левого». Остановимся поэтому на последнем. Для примера возьмем предлоги при названиях городов и их частей, а также некоторых областей в русском и норвежском языках.

В русском языке «левый» предлог при названии города, практически без исключения, — *в*, при названии части города (района и т.п.) — *в* или *на*, причем в последнем случае закономерности во многих случаях неясны, ср. *в Вологде, в Новгороде, во Владивостоке*; *в Озерках, в Купчине, в Автове, в Дачном, в Ульянке, на Охте, на Пороховых, на Ржевке, на Удельной, на Ланской* и т.д. (Озерки, Купчино, Автово, Дачное, Ульянка, Охта, Пороховые, Ржевка, Удельная, Ланская — районы С.-Петербурга). Сходное положение наблюдается и в норвежском, но с той существенной разницей, что при названиях сравнительно небольших не-приморских городов и — как правило — частей городов употребляется предлог på, ср. i Bergen, i Tromsø, i Fredrikstad, på Røros, på Rjukan, på Notodden, på Kongsberg; på Blindern, på Tøyen, på Romsås (но i Homannsbyen) и т.д. Сходное положение с названиями областей: *в Поволжье, в Сибири, в Хибинах, на Валдае, на Урале* и т.д.; норв.: i Hedmark, i Solør, i Jotunheimen, i Lofoten, på Toten, på Dovre, i Lofoten, på Østlandet и т.д.

В основной массе случаев русскому предлогу *в* соответствует норвежский предлог i, русскому предлогу *на* — på, ср. *в Москве* — i Moskva, *в Бонне* — i Bonn, *на Кубе* — på Cuba, *на Кольском полуострове* — på Kola-halvøya. Разумно ли тратить массу места в словаре на сквозное указание таких пространственных предлогов при всех географических названиях? Думается, нет.

В то же время все отклонения от типового «левого» управления должны быть скрупулезно зафиксированы в двуязычном словаре. Приведем примеры такой регистрации (РНС):

Крым ... Krym (*в П — på*)
Украина ... Ukraina (*на П — i*)
Хёнефосс ... Hønefoss (*в П — på*)
Довре ... Dovre [...] (*в П — på*)

Попутно отметим одну существенную деталь, строго говоря, к синтагматической характеристике слова не относящуюся. Двуязычные словари довольно бессистемно регистрируют названия жителей городов и областей (патронимы), особенно в отношении жителей страны выходного языка. Между тем хорошо известно, что патронимы часто образованы по разным схемам и что «предугадать» их порой невозможно, ср. *Москва — москвич, Иваново — ивановец, Псков — псковитянин, Архангельск — архангелогородец* и т.д.; норв. Oslo — Oslo-mann, Bergen — bergenser, Tromsø — tromsøvsering и т.д. В статьи о на-

званиях городов и областей без труда можно добавить патронимы, ср. (РНС):

Тронхейм ... жи́тель ~а tròndheimer ...
Мосс ... жи́тель ~а mòssing ...
А́рендал ... жи́тель ~а arendalítt ... и т.д.

Возвращаясь к проблеме «левых» предлогов при географических названиях, обратим внимание читателя на один существенный момент. Конечно, в большей части случаев такие предлоги по множеству языков совпадают (точнее, совпадают их основные эквиваленты), ср. *в Стокгольме,* нем., англ. in Stockholm, норв. i Stockholm, исл. í Stokkhólmi и т.д. Однако возможны и индивидуальные отклонения в конкретных языках, например, *в Испании,* нем. in Spanien, англ. in Spain, фр. en Espagne, но исл. á Spáni (вместо «ожидаемого» í Spaní). Этот момент требует от лексикографа повышенного внимания.

Разумным представляется здесь следующее решение. В словарных статьях, посвященных предлогам, в явной форме (например, полужирным шрифтом) выделяется основной переводящий эквивалент каждого предлога на выходном языке. Тем самым эксплицитно указывается на то, что в большинстве случаев данный предлог входного языка переводится на выходной язык таким-то предлогом (или иным способом, например, таким-то местным падежом, как в финском). Все случаи, когда данный предлог переводится названным способом, в словаре специально не оговариваются. Но необходимым условием такой дифференциальной подачи является полная точность и последовательность в регистрации словарем всех случаев несовпадения предлога входного языка и его основного эквивалента в выходном. Такая подача применена в БНРС:

på *предлог* **<на>** ...

Гораздо менее разработан в лексикографии более сложный вопрос — показ возможностей слова входить в различные синтаксические модели, без чего не может быть исчерпывающей грамматической характеристики слова. Синтаксические модели обладают различной степенью «открытости», т.е. лексической наполняемости. По-видимому, моделей, «полностью открытых», т.е. допускающих подстановку любого слова данной части речи, вообще не существует, но есть модели, допускающие подстановку очень большого числа (тысяч или десятков тысяч) слов одного разряда, и есть модели, наполняемые единичными словами. Для лексикографа особую важность имеют

модели, обладающие высокой степенью «закрытости». Если модель уникальна, лексически невариабельна, она обычно попадает в поле зрения лексикографов и фиксируется в словарях (одноязычных и двуязычных). Если же модель допускает, к примеру, 30 различных подстановок, то лексикографы ее нередко не учитывают, полагая, что ее описание — компетенция грамматистов, а последние не учитывают ее, считая, что грамматическое описание имеет своим объектом явления массовые, регулярные и что описание таких ограниченных лексико-грамматических структур — дело словаря. Таким образом, значительный массив языковых фактов выпадает из поля зрения как лексикографов, так и грамматистов, оказываясь на практике «ничьей землей». В лучшем случае отдельные — случайные — примеры таких имеющих сравнительно широкую лексическую наполнимость моделей могут попадать в словари, но тогда они обычно подаются не как представители некоего класса, а как уникальные.

Примером такого участка «ничьей земли» может служить русская конструкция «личное имя (короля, князя и т.п.) либо титул + прилагательное, образованное с помощью суффикса *-ск-* от географического названия», например, *Александр Македонский, герцог Йоркский.* На норвежский язык они переводятся при помощи предлога av: Aleksander av Makedonia, hertugen av York. Сведений о переводе такой конструкции в русско-иноязычных словарях нет.

Вообще проблеме перевода грамматических конструкций двуязычные словари пока не уделяют должного внимания. Если грамматическая модель имеет какое-либо слово, присутствующее в ней при всех ее возможных модификациях, то весьма вероятно, что она будет зарегистрирована в словаре под этим словом. Так, например, русскую модель «дат. падеж + *бы* + (не) + инфинитив», означающую пожелание, целесообразность (*тебе бы отдохнуть, ей бы поговорить с директором*), естественно поместить в словарь в статье **бы**, а модель «(а) + им. падеж + *то* + прош. вр. глагола (*а я-то думал, (а) Лена-то ждала тебя к обеду*), выражающую то, что действие было неправильным, напрасным из-за недостаточной информации о ситуации у действующего лица, — в статью **то**. Однако имеется множество грамматических конструкций, обладающих более или менее широкой лексической наполнимостью, где все компоненты переменны, вследствие чего эти конструкции никак не могут быть привязаны к какому-либо конкретному слову и, следовательно, помещены в какую-либо словарную статью. В качестве примера можно привести русскую конструк-

цию «им. падеж существительного + тв. падеж того же существительного (+ а)», которая имеет несколько значений: а) обозначает сильную степень качества, полное соответствие (отрицательной) характеристике (*дурак дураком, свинья свиньей*); б) (в первой части) ‘как бы ни было важно ..., но ...’ (*работа работой, а о здоровье тоже забывать не надо*); в) (во второй части предложения) ‘... еще важнее, ... совсем другое дело’ (*... а служба службой*). Способ перевода таких и множества аналогичных конструкций, как правило, не фиксируется ни в грамматическом очерке при словаре, ни в иных грамматических описаниях языка (кроме некоторых пособий по сопоставительной/контрастивной грамматике). Обычно изучающий иностранный язык вынужден сам находить переводы подобных чисто грамматических конструкций, лишенных опорных слов. Вопрос об их включении в двуязычный словарь, насколько нам известно, даже не ставился, хотя едва ли следует доказывать, как полезно для изучающего язык иметь в одном месте и в обозримом виде все многообразие грамматических конструкций иностранного языка с апробированными переводами. Первым шагом в этом направлении, видимо, был краткий очерк «Основные морфологические соответствия русского и хауса языков» Ю.Г. Иорданиди в «Русско-хауса словаре» 1967. Первый подробный очерк такого рода – наша «Передача русских грамматических категорий средствами норвежского языка» в РНС.

§ 18. Членение слова на значения, или филиация.

В огромном числе случаев слово многозначно: по нашим наблюдениям, слово входного языка имеет в большом двуязычном словаре в среднем три значения. Смысловые структуры слов различных языков совпадают лишь в ограниченном количестве случаев. Поэтому весь объем всех значений слова входного языка покрывается иногда значительным количеством переводящих эквивалентов выходного языка словаря. Так, одно из значений русского слова *хвост* ‘задняя концевая часть тела животного, составляющая продолжение позвоночного столба от крестцовой кости’ (ССРЛЯ, т. 17, с. 98) покрывается в исландском языке восемью (!) эквивалентами.

Рассмотрим другой пример. И русское слово *инфляция*, и его норвежский эквивалент inflasjon – оба употребляются как в исходном (экономическом) смысле, так и в переносном (‘обесценка от излишне частого употребления’).

Уместно задаться вопросом: следует ли из сказанного выше, что названное значение русского слова *хвост* распадается на

значения ‘хвост у коровы’, ‘хвост у лошади’, ‘хвост у рыбы’, ‘хвост у птицы’ и т.д., а русское слово *инфляция* и его норвежский эквивалент inflasjon имеют одно значение? Конечно, нет.

Каждое слово в каждом конкретном языке обладает своей самостоятельной смысловой структурой (простой или сложной), независимо от того, каким количеством эквивалентов весь объем его значения может быть передан в каком-либо другом языке.

Из этого общеизвестного элементарного факта лексикографами, тем не менее, делаются принципиально различные практические выводы.

1) Одни лексикографы считают, что слово должно в двуязычном словаре члениться на значения только в соответствии со своей смысловой структурой – независимо от того, каким количеством переводящих эквивалентов его значения передаются в выходном языке словаря. Иными словами, членение слова выходного языка, леммы, не зависит от языка, с которым проводится сравнение: смысловая структура слова должна в идеале быть одинаковой во всех двуязычных словарях с данным входным языком и совпадать со смысловой структурой этого слова в толковом словаре входного языка.

2) Другая категория лексикографов придерживается иной точки зрения: разграничение значений слова входного языка определяется количеством переводящих эквивалентов, т.е. слово имеет столько «переводных значений», скольким несинонимическим эквивалентам в переводящем языке оно соответствует.

Оба эти направления отчетливо представлены, например, в трудах лексикографов бывшей Чехословакии: представители Пражской лексикографической школы выступали за независимость описания семантической структуры слова от переводных эквивалентов, тогда как Братиславская лексикографическая школа отстаивала тот взгляд, что определяющим в вычленении значений слова является не его семантическая структура во входном языке, а эквивалент, или «переводное значение».

Предпочтительность первого подхода – членения значений леммы в соответствии с реальным количеством значений у нее – обосновывается нами в другой работе, где также критически анализируются аргументы приверженцев второго подхода (Берков 1977:51–55). Желающие ознакомиться с теоретической проблематикой вопроса отсылаются к этой работе.

Отдавая предпочтение членению значений леммы в соответствии с ее реальным количеством значений, необходимо, од-

нако, иметь в виду, что само это «реальное количество значений» – также достаточно спорный вопрос. Внимательный анализ толковых словарей одного и того же языка и одного и того же объема нередко выявляет некоторые расхождения. Например, в слове *отдавать/отдать* «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова выделяет 10 значений и 6 оттенков, «Словарь русского языка в четырех томах» – 7 значений и 10 оттенков, «Словарь современного русского литературного языка» – 11 значений и 9 оттенков. Пожалуй, еще больший разнобой наблюдается в двуязычных словарях, что наглядно видно при сравнении разработки системы значений этимологически тождественных слов родственных языков. Например:

«Українсько-російський словник» 1964:

розум ... 1) ум, разум; (*способность логически мыслить, рассуждать*) рассудок; ...

«Белорусско-русский словарь» 1962:

розум ... **1.** ум, разум; **2.** рассудок; ...

«Нидерландско-русский словарь» 1987:

helpen ... помогать (...), способствовать

«Шведско-русский словарь» (Миланова 1985):

hjälpa ... помогать; ...

«Датско-русский словарь» 1975:

hjælpe ... 1) помогать;... 2) способствовать, служить; приносить пользу; 3) устранять, поправлять; ...

«Deutsch-Russisches Wörterbuch» 1984, Bd. 2:

helfen ... помога́ть/-мо́чь ... ; ...

«Новый большой англо-русский словарь» 1993:

help II *v* I 1. помогать, оказывать помощь;... 2. способствовать, содействовать ... II A 1. обслуживать (*за столом*) ... 2. облегчать (*боль, страдание и т.п.*) ... II Б ...

(Здесь не обсуждается вопрос о том, что некоторые из этих словарей не дают всей требуемой информации.)

Разные подходы к разграничению значений встречаются нередко у одного и того же лексикографа и даже в одном и том же словаре. Часто это связано с явлением, которое можно назвать «величиной разброса» значений слова: чем больше «отстоят» друг от друга крайние значения слова, тем вероятнее, что значения, занимающие, так сказать, промежуточное положение между этими крайними значениями, будут трактоваться как более близкие друг к другу и эвентуально объединяться в одно как оттенки, и наоборот: чем меньше «разброс» между значениями, чем меньше они «отстоят» друг от друга, тем вероятнее, что они будут рассматриваться как самостоятельные.

Следует открыто признать, что объективных методов разграничения значений слова не существует. Нет четко сформулированных правил, руководствуясь которыми можно было бы в каждом конкретном случае безошибочно разбить слово на значения. Более того, едва ли такие правила вообще могут быть созданы. Некоторое время тому назад московским лингвистом профессором В.Г. Гаком, проанализировавшим лучшие образцы французской одноязычной лексикографии, была высказана идея о принципиальной множественности/равноценности лексикографических решений. С этой идеей нельзя не согласиться.

Именно поэтому многие добросовестные лексикографы – авторы двуязычных словарей, беря за основу членение слова на значения в толковом словаре, иногда модифицируют это членение, разбивая некоторые значения на два или, напротив, объединяя некоторые значения в одно. В конечном счете решающим оказывается здесь чувство языка, интуиция, опыт и здравый смысл составителя. Однако такие случаи, в общем, нечасты: толковые словари в основной своей массе пишутся людьми достаточно высокой квалификации.

Очень важен вопрос о количестве ступеней в шкале членения значений. В СССР/России в основном принята следующая иерархия:

Разные значения леммы отмечаются полужирными арабскими цифрами с точкой. Оттенки значения отделяются точкой с запятой. Близкие значения разделяются запятой, например (РНС):

жёсткий ... **1.** (*твёрдый*) ... ; (*негнущийся*) ... ; (*грубый на ощупь*) ... **2.** *перен.* ... (*суровый*); streng, stram (*строгий*)... .

(О подаче омонимов, а также групп значений, объединенных общим формальным признаком и/или семантической общностью, см. ниже.)

Разумеется, такая схема отнюдь не может считаться единственно верной. В практике двуязычной лексикографии применяются и более дифференцированные иерархии подачи значений полисемичного слова. Довольно детальная система представлена, например, в «Новом большом англо-русском словаре» 1993, ср.:

grain I ... **1**. 1) зерно;... 2) хлебные злаки; ... 3) крупа; ... **3**. 1) крупинка; песчинка; зёрнышко; 2) *перен.* мельчайшая частица, крупица; ... **6**. 1) строение, структура (*дерева и т.п*); 2) склонность; склад характера;...

Еще сложнее разработана в этом словаре смысловая структура слов широкой семантики, например:

let II ... I **1**. 1) пускать; ... 2) (into) впускать; ... 3) (out, from) выпускать;... **2**. 1) сдавать внаём, в аренду; ... 2) сдаваться внаём, в аренду; ...
II Б **1**. 1) *to let smb. do smth.* разрешить, позволить кому-л. (сделать) что-л.; ...
III А *как вспомогательный глагол в повелительном наклонении означает* 1) *приказание или разрешение и т.п.* пусть; ... 2) *долженствование* надо, пусть;...

Принципы членения слова на значения в словаре и подача материала в определенной степени разнятся от страны к стране. Это естественно, и в этом, собственно говоря, беды нет. Важно, однако, придерживаться в одном словаре одной определенной системы. Проиллюстрируем это важное положение на примере БНРС.

В двух последних однотомных толковых словарях норвежского языка («Store norske ordbok» 1991 и «Bokmålsordboka» 1993), кстати, очень хороших, в области филиации принято следующее правило: примеры в этих словарях приводятся (курсивом) после дефиниции (определения) каждого оттенка (они даются прямым шрифтом), например (для краткости приводятся только русские переводы):

lekker ... аппетитный, вкусный; *аппетитный бутерброд*, изысканный; *изысканная игра на фортепиано,* элегантный, приятный; *элегантное платье, приятная ванная комната...*

Такая подача не принята в российской двуязычной лексикографии, где сначала даются эквиваленты оттенков (естественно, с семантизацией), затем симметрично их последовательности приводятся иллюстрации к ним. Часть авторов сразу стала следовать российскому принципу подачи материала,

но часть сначала копировала норвежский, что потребовало последующей унификации.

Выше говорилось о том, что в основу разработки системы значений и оттенков лемм в двуязычном словаре должна быть положена филиация в соответствующем толковом словаре (с эвентуальными модификациями). Вместе с тем абсолютизировать это правило нецелесообразно. Отступления от этого правила возможны и оправданны в двух случаях.

1) Смысловая структура слова входного языка полностью совпадает со смысловой структурой эквивалента. Ср. систему значений русского слова *солнце* и его норвежского эквивалента sol (трактовка в разных толковых словарях усреднена, несколько упрощена и сокращена; норвежские дефиниции даны для краткости только в русском переводе):

солнце 1. центральное тело Солнечной системы **2.** свет, тепло, излучаемые этим телом **3.** *перен.* о том, что является источником или основой жизни чего-л. прекрасного || о том, кто является предметом поклонения, любви || о том, кто прославился в какой-л. области искусства, науки, в области какой-л. важной деятельности **4**. центральная планета других планетных систем

sol 1. a) небесное тело, вокруг которого вращается Земля **b)** небесное тело, вокруг которого вращается какое-л. собрание планет, комет и метеоров **2.** сияние, излучение свет и тепло солнца **3.** *книжн., поэт.* лицо, которое превосходит других своей красотой или иными качествами либо является светлым, согревающим душу центром чьих-л. мыслей и чувств

Отвлекаясь от второстепенных деталей (и тем более не останавливаясь на достоинствах и недостатках филиации и дефиниций, а также на логике порядка расположения значений в русских и норвежских словарях), отметим главное: смысловые структуры слов *солнце* и sol в основном совпадают. Такое соотношение – вещь не очень частая, но в языках одного культурного ареала отнюдь не исключительная.

В подобных случаях было бы педантизмом, а также неоправданной тратой драгоценного места в словаре разбивать слово на значения только для того, чтобы каждому из этих значений затем приписать один и тот же переводящий эквивалент (впрочем, такой подход в двуязычной лексикографии встречается). Здесь уместно использовать следующий прием: слово на значения не разбивается, а перед эквивалентом ставится помета *в разн. знач.* («в разных значениях»), естественно, на требуемом языке.

При использовании данной пометы следует соблюдать одно важное правило: она применяется только в тех случаях, когда **все** значения слова входного языка передаются одним и тем же эквивалентом. Настоятельно не рекомендуется встречающаяся иногда подача:

* **1.** *в разн. знач.* ... **2.** (...) ...

Часто используется особая разновидность этой пометы. Если и слово входного языка, и его эквивалент употребляются как в прямом, так и в переносном смысле (см. выше пример рус. *инфляция* – норв. inflasjon), вместо пометы *в разн. знач.* применяется помета *прям., перен.*

Даже при таких сокращенных филиациях (*в разн. знач.*; *прям., перен.*) требуется полная экземплификация (приведение примеров) – такая же, как при обычной разработке слова с делением на значения. Порядок примеров также весьма важен. Их следует располагать в порядке значений в толковом словаре, который взят за основу: сам этот порядок и отбор дают представление о семантической структуре слова входного языка. Частая ошибка начинающих лексикографов – «перетасованное» расположение примеров, что было проиллюстрировано в § 12.

Сказанное, разумеется, не означает, что в переводах абсолютно всех словосочетаний (примеров) при сокращенных филиациях будет использоваться только рекомендуемый переводящий эквивалент. Он, возможно, не будет использоваться в следующих случаях:

а) при переводе фразеологических единиц (о месте их в словарной статье см. ниже). Так, в статье **солнце** ФЕ *до солнца* переведена в РНС как før soloppgang, i otta;

б) в случае возможного параллельного перевода с другим эквивалентом. Как сказано в § 12, в таких ситуациях поэлементный перевод можно не приводить, а давать только нерегулярный перевод, предваряемый пометой *также.*

2) Смысловая структура переводимого слова может воспроизводиться в двуязычном словаре не в полном объеме, если какие-то значения слова очень редки. Однако этого лучше избегать. Некоторые лексикографы придерживаются следующего правила: отсутствие какого-либо слова в словаре – меньшее зло для пользователя, нежели отсутствие какого-либо значения многозначного слова. Аргументация здесь такова: если пользователь не найдет искомого слова в словаре, он обратится к другому словарю (например, большому толковому словарю входного языка), но если он не найдет нужного ему значения, он не будет предупрежден о необходимости дальнейших

поисков. Если же по каким-либо соображениям берется только одно значение многозначного слова, целесообразно дать его семантизацию (курсивом в скобках).

Важный вопрос – порядок расположения значений. Строго говоря, это компетенция составителей толковых словарей входного языка словаря. Поскольку, однако, иногда для ряда языков толковые словари либо еще не созданы, либо несовершенны (неполны, устарели и т.д.), задачу разработки смысловой структуры леммы порой приходится решать автору двуязычного словаря. Поэтому остановимся коротко на этой проблеме.

Возможны три основных принципа расположения значений слова в словаре (как двуязычном, так и толковом): исторический, частотный и «логический». Как подсказывают сами эти названия, в первом случае значения располагаются в хронологической последовательности их возникновения, во втором – от наиболее частых к наиболее редким, в третьем раскрывается логическая структура значений слова. Какой из них следует предпочесть в двуязычном словаре?

Как показывает анализ словарей, исторический порядок расположения значений последовательно проводится только в исторических словарях, создаваемых на основании обширнейших картотек, в которых фиксируются первые появления того или иного значения слова. Такие словари существуют лишь для нескольких языков мира (например, для русского языка такого словаря еще нет). Следовательно, в подавляющем большинстве случаев лексикограф – автор двуязычного словаря попросту не располагает информацией об исторической филиации (развитии значений) слова. Отметим попутно, что наличие письменного свидетельства об употреблении того или иного значения – критерий не стопроцентно надежный.

Как отмечалось выше (§ 2), лингвостатистика в настоящее время находится еще в таком состоянии, что даже информация о частоте того или иного слова в значительной степени ненадежна. Задача же установления частоты разных значений слова объективными методами пока даже не ставится. Поэтому расположение значений слова по частоте может осуществляться лексикографом только интуитивно.

Итак, какой же порядок расположения значений в двуязычном словаре следует предпочесть?

С точки зрения интересов пользователя предпочтителен порядок частотный. Однако отступления от него возможны и оправданны. Когда это возможно, надо показать пользователю логику структуры значений, их связь.

Некоторые общие рекомендации.

Сначала в словарной статье идут «обычные» значения литературного языка, т.е. значения стилистически нейтральные и не относящиеся к специальным областям науки, техники и т.д. Затем помещаются значения стилистически окрашенные: книжные, торжественные, поэтические, разговорные, просторечные и т.д. Далее следуют специальные термины. После них приводятся редкие или устарелые значения. Пример такой типовой статьи:

.... **1.** ... **2.** ... **3.** ... **4.** *книжн.* ... **5.** *техн.* ... **6.** *редк.* ...

Выше были рассмотрены важнейшие вопросы расположения отдельных значений многозначного слова. Обратимся теперь к проблеме места фразеологических единиц в двуязычных словарях.

Наиболее распространена практика помещения ФЕ в конце словарной статьи за особым знаком. В СССР/России таким знаком традиционно является ромб (◊), например:

сорвать ... ◊ **~** *кого-л.* **с места ... ; ~ голос ... ; ~ банк ...**
корк|а ... ◊ **от ~и до ~и ... ; ругать {бранить}** *кого-л.* **на все ~и ...**

Ромб, помещенные за ним ФЕ, включая входящую в их состав тильду, желательно набирать полужирным шрифтом. Исключение делается для переменной (варьируемой) части ФЕ, которую целесообразно набирать светлым шрифтом:

грызть ... ◊ его **грызёт совесть ...**

Возможны, впрочем, и другие способы облегчения поиска пользователем ФЕ. Так, в «Новом большом англо-русском словаре» 1993 заромбовая часть набирается светлым шрифтом, но выделяется абзацем:

batch ...
◊ of the same ~ ...

Разумеется, вместо ромба могут использоваться другие знаки или обозначения (к примеру, словесные). Не имея возможности проиллюстрировать разнообразные приемы подачи ФЕ в лексикографической практике разных стран, ограничимся несколькими примерами.

«Robert Collins. Dictionnaire Français-anglais Anglais-français» 1988:

cat [...] 1 *n* **(a) ...**
(b) = cat-o'nine-tails ...
(c) (*phrases*) to let the ~ out of the bag ...

«Cappelens store Engelsk-norsk ordbok» 1988, где блок ФЕ просто отделен от предыдущей части словарной статьи абзацем:

I cat [...] *sb* **1. ... 8. ...**
let the ~ out of the bag **...**

Преимущество ромба состоит, по нашему мнению, в том, что он наглядно отделяет ФЕ от другого материала и в лексикографической практике «не занят», т.е. не используется в каких-либо других целях.

Выделение ФЕ в отдельный блок, отделенный тем или иным способом от основной части статьи, принято в лексикографии далеко не всех стран или издательств. Во многих словарях ФЕ включаются в то или иное значение слова. Ср. «Stor norsk-tysk ordbok» 1979:

katt ... (1) ... ikke en k- ... (= 'ни одна собака', досл. 'ни одна кошка', т.е. 'никто') ...
Так же и в NEO 1965.

Применяются в лексикографической практике и иные, компромиссные решения. Так, в большом немецко-английском словаре («Langenscheidts Großwörterbuch der englischen und deutschen Sprache» 1988) при небольшом количестве ФЕ при одной лемме они включаются в состав того или иного значения, при большом — выделяются в отдельный абзац, предваренный заголовком «*Besondere Redewendungen*» ('особые обороты'):

Katze ... 1.... ; die ~ aus dem Sack lassen ...
Finger ... 1. ... 4. ...
Besondere Redewendungen:
sich (*dat*) et. an den (fünf) (*od* an drei) ~n abzählen können ...

Включение ФЕ в состав того или иного значения слова не может быть признано оптимальным решением. Связь между выделенным цифрой значением и ФЕ может ощущаться слабо или вообще отсутствовать (с современной точки зрения), и помещение идиоматического оборота в состав значения (обычно первого) — прием чисто механический. Так, если обратиться к приведенному выше примеру из «Stor norsk-tysk ordbok» 1979, то включение ФЕ **ikke en katt** ('ни одна собака') в значение 1 слова **katt** 'кошка' не оправдано семантическими соображениями.

Сказанное выше дает, как представляется, основание признать практику выделения ФЕ в особую часть в конце словарной статьи наиболее правильным подходом.

Следующая проблема в связи с ФЕ состоит в том, в какой последовательности их располагать в отведенной им части

словарной статьи. Тот, кто много работал с двуязычными словарями, не мог не обратить внимания на то, что эта часть порой структурирована неудовлетворительно.

Причина этого состоит в том, что ФЕ с каким-либо опорным словом не представляют собой системы с четкой структурой. Поэтому вряд ли возможно дать рецепты, позволяющие единственно правильным способом расположить их. Можно лишь высказать некоторые общие рекомендации.

1) ФЕ целесообразно располагать по убывающей их употребительности (оцениваемой, как сказано выше, интуитивно).

2) Связанные между собою в смысловом отношении ФЕ приводятся группами.

3) При большом количестве ФЕ для облегчения поиска их пользователем можно рекомендовать располагать их, руководствуясь определенными формальными признаками. Так, можно сначала дать ФЕ с существительными, затем с прилагательными, потом с глаголами и т.д. При наличии большого количества ФЕ с разными предлогами их можно располагать в алфавитном порядке предлогов.

ФЕ иногда имеет несколько значений. Их естественно разделить, но цифры или буквы желательно использовать другого шрифта, чем те, с помощью которых разделяются значения:

> **нога ... ◊ ... ; не чуять {чувствовать, слышать} под собой ног** 1) (*быстро бежать*) ... ; 2) (*от усталости*) ... ; 3) (*от радости*) ...

Особо следует остановиться на проблеме крылатых слов. Как уже отмечалось, они, как правило, включаются в двуязычные словари в недостаточном объеме, их корпус должен быть много больше. В этом случае их целесообразно выделять из массива ФЕ, тем более что не все крылатые слова являются ФЕ в собственном смысле этого слова. В РНС они помещены перед собственно ФЕ и предварены особым знаком – кружком (○), например:

> **полночь ... ○ уж ~ близится, а Германа всё нет ...**
> **слов|о ... ○ в начале было ~о ...**
> **афиш|а ... ○ как на ~у коза ...**

В РНС указывается источник крылатого слова.

Если опорное слово употребляется только в составе данной ФЕ, то использование ромба (или другого знака с той же функцией) излишне:

> **предержащи|й** *прл:* власти ~е ...
> **зги:** ни ~ не видно ...

Иногда встречается ситуация, когда словосочетание выступает и как свободное, и как ФЕ, т.е. употребляется как в прямом смысле, так и в переносном. В этом случае возможны как минимум два решения.

1) Сочетание приводится в той части статьи, к которой относится прямое значение, например, в значении 3. Там оно снабжается под цифрой 1) – или буквой а) – переводом прямого значения и под цифрой 2) – или буквой б) – переводом переносного (с пометой *перен.*). При этом в заромбовой части оно повторяется, но вместо перевода делается отсылка *см.* 3.

2) Прямое значение сочетания приводится в той части статьи, к которой оно относится, а переносное – за ромбом. При этом делаются взаимные отсылки. Ср. «Новый большой англо-русский словарь» 1993:

> **grain ... 7. ...** ; against the ~ против древесного волокна [*см. тж.* ◊]...
> ◊ against the ~ против шерсти, против желания, не по нутру [*см. тж.* 7]

До сих пор мы рассматривали разделение на значения с чисто семантической точки зрения. Однако этого недостаточно, так как в определенных случаях оно должно сочетаться с грамматической филиацией. Это относится, в первую очередь, к предлогам, глаголам и к существительным, а также к приставкам.

Начнем с предлогов. В языках с развитой падежной системой некоторые предлоги могут управлять двумя и более падежами. Статья становится более обозримой и удобной для пользования, если значения предлогов сгруппированы по управляемым падежам, например:

> **под** *предлог* ① + *В* ... ② + *Т* ...
> **по** *предлог* ① + *Д* ... ② + *В* ... ③ + *П*... ④ + *Д*; + *П уст.* ... ⑤ + *Д*, + *В* ...

В пределах каждой из выделенных таким образом групп, обозначенных цифрой в кружке, значения выделяются обычным способом – полужирными арабскими цифрами. Так, в РНС в группе ① + *Д* выделено 14 значений.

Большие статьи, посвященные предлогам, для удобства поиска пользователем нужного значения, можно разбивать на блоки значений; каждый блок при этом для лучшей обозримости образует абзац. Ср. БНРС:

> **ètter** ... II prep <**за; пóсле**>

① ***ved angivelse av sted*** **1** (*bak*) за + *Т*; ... **2** (*i samme retning som, bortover*) по + *Д*;...
② ***ved angivelse av tid*** (*senere enn*) после + *Р*;...
③ ***ved angivelse av ulike abstrakte forhold*** **1** (*om stilling, rang o.l.*) после + *Р*; ... **2** (*som følge av*) после + *Р*, от + *Р*; ... **3** (*om målet for bevegelse, virksomhet*): lete ~*noe* {*nn*} ... **4** (*ved hjelp av*): henge ~ årmene ...
[перевод: ① ***при обозначения места*** **1** (*позади*) ... **2** (*в том же направлении, что и*) ... ② ***при обозначении времени*** (*позднее чем*) ... ③ ***при обозначении различных абстрактных отношений*** **1** (*о положении, чине*) ... **2** (*вследствие*) ... **3** (*о цели движения, действия*) ... **4** (*при помощи*) ... и т.д.]

Подобный подход удобен и для многозначных глаголов, которые в части своих значений являются переходными, в части – непереходными и т.д. Проиллюстрируем это на примере норвежского глагола skjære, основное значение которого ‘резать’. Поясним, что для норвежского, как и для ряда других германских языков, характерно сочетание глагола с приглагольной частицей в постпозиции (т.е. стоящей после глагола); такие сочетания удобно отделять от других частей статьи особым знаком (в СССР/России применяется знак ▭). Под цифрой 3 в кружке даны возвратные конструкции (seg – возвратное местоимение). Для удобства поиска пользователем целесообразно каждую такую группу начинать с абзаца:

skjære ...
① vt 1 ...
② vi 1 ...
③ ~ **seg 1 ...**
▭ ~ **av** 1) ... ; ~ **bort** 1) ...
○ ...
◊ ...

С существительными такая разработка статьи встречается реже, но в ряде случаев она тоже удобна, например:

повыше́ние ... ① *действие* 1.... ② (*высокое место*) ...

Аналогичная подача может быть использована для приставок.

С вопросом разграничения значений тесно связан вопрос р а з г р а н и ч е н и я п о л и с е м и и (м н о г о з н а ч н о с т и) и о м о н и м и и. Этой проблеме посвящена колоссальная литература, но общепризнанного решения она не получила, если, конечно, оставить в стороне бесспорные случаи исторических

омонимов, т.е. слов, которые восходят к единицам разного звукового состава. По существу, если выйти за пределы общих формулировок, каждый исследователь решает конкретные вопросы, руководствуясь только своим ощущением «близости» или «удаленности» двух и более данных смыслов. Это можно проиллюстрировать примером трактовки как одного и того же слова одного языка (нем. Schlag) разными словарями, так и этимологически идентичного слова родственного языка (нидер. slag).

В «Langenscheidts Großwörterbuch der englischen und deutschen Sprache» 1988 выделено 16 значений с оттенками, фразеология особо не выделена. Слово трактуется как многозначное, т.е. омонимы не выделены.

В «Deutsch-Russisches Wörterbuch» 1984, Bd. 3 выделено 13 значений с рядом оттенков и фразеологией за ромбом, не выделено ни одного омонима.

В «Немецко-русском словаре» 1958 выделено 5 (!) омонимов, первый из которых разделен на 5 значений, четвертый – на 3, пятый – на 2, второй и третий на значения не разбиты.

В «Нидерландско-русском словаре» 1987 выделено два омонима, в первом из которых разграничено 11 значений плюс идиоматика за ромбом, во втором – 6.

Положение значительно осложняется еще и тем, что даже значительная «удаленность» смыслов, взятая сама по себе, вне опыта данного языкового коллектива, не является доказательством того, что перед исследователем «разные слова», или омонимы, что эти смыслы «несовместимы в рамках одного слова». Смыслы ‘ишак’ и ‘скорпион’, выражаемые узбекским звукокомплексом *эшак*, с точки зрения говорящих на русском языке, не могут быть объединены в одном слове, и лексикограф, не знающий узбекского фольклора, будет склонен признать, что в узбекском языке есть омонимы *эшак* I и *эшак* II. Дело, однако, в том, что на обычное название скорпиона (*чаён*) у узбеков было наложено табу, и, напротив, существовало поверье, что, если скорпиона назвать *эшак*, он якобы не появится из укрытия. Таким образом, *эшак* в значении ‘скорпион’ является в узбекском языке эвфемизмом (Шарафутдинова 1968:53). Аналогично, значение ‘медведь’ у русского существительного *хозяин* не выделяется в особый омоним русскими лексикографами, поскольку им ясно, что это эвфемизм.

В то же время некоторые русские лексикографы и лексикологи считают, что смыслы ‘дробь I (для стрельбы)’ и ‘дробь II’ (барабанная) настолько удалены друг от друга, что слова эти следует толковать как омонимы. Между тем, с нашей точки зре-

ния, «отстояние смыслов» между *дробь* I (для стрельбы) и *дробь* II (барабанная) меньше, чем между взятыми изолированно смыслами 'хозяин' (владелец) и 'медведь': оба смысла 'дробь I' и 'дробь II' имеют общий смысловой элемент 'множество мелких дискретных элементов' (свинцовых шариков, звуков), тогда как общую сему у смыслов 'хозяин' и 'медведь' выделить сложнее. Таким образом, сама по себе величина «отстояния смыслов», взятая вне «культурных контекстов» языкового коллектива, не может считаться надежным критерием для выделения омонимов.

Это особенно четко видно при рассмотрении языка, культура носителей которого существенно отличается от культуры языкового коллектива исследователя. В одном языке такие различные с точки зрения европейца понятия, как 'яйцо', 'хлеб' и 'покойник', обозначаются одним звукокомплексом. Это связано с тем, что как хлебу, выпекаемому этим народом, так и телам покойников при погребении придается яйцевидная форма (Ахманова и др. 1961:22). Разделение такого слова на три омонима не учитывало бы семантической общности этих смыслов в сознании говорящих на этом языке.

Обратимся теперь к лексикографической проблематике омонимии.

Существует несколько пересекающихся классификаций омонимов. Остановимся только на той из них, которая имеет непосредственное отношение к двуязычной лексикографии.

С точки зрения основания, по которому данные слова признаются омонимами, выделяются омонимы лексические, грамматические и лексико-грамматические.

Л е к с и ч е с к и е омонимы – это слова, относящиеся к одной части речи, но никак не связанные своими лексическими значениями (ср., однако, сказанное выше). Классическим примером лексических омонимов в русском языке могут служить существительные *коса* I (сельскохозяйственное орудие), *коса* II (прическа) и *коса* III (вид мыса).

Г р а м м а т и ч е с к и м и омонимами называются слова, связанные своими лексическими значениями, но либо а) относящиеся к разным частям речи, либо б) являющиеся разными формами одного и того же слова. В русском языке грамматическими омонимами являются: а) *печь* I (существительное) и *печь* II (глагол), б) *новой* I (род. падеж ед. числа), *новой* II (дат. падеж ед. числа), *новой* III (тв. падеж ед. числа), *новой* IV (предл. падеж ед. числа).

Наконец, встречаются, хотя и не так часто, л е к с и к о - г р а м м а т и ч е с к и е омонимы, т.е. слова, и не связанные своими лексическими значениями, и относящиеся к разным частям речи, например, рус. *рой* I (существительное) и *рой* II (повелительное наклонение от *рыть*).

Как явствует из сказанного выше, наибольшие расхождения среди лексикографов касаются лексических омонимов. Можно отметить, что в СССР/России наблюдалось и отчасти наблюдается по сей день известное увлечение выделением омонимов (ср. приведенное выше деление немецкого существительного Schlag на 5 омонимов в изданном в СССР немецко-русском словаре и невыделение омонимов у этого существительного в немецко-русских словарях, изданных в Германии).

Существует несколько разных способов маркировки лексических омонимов. В СССР/России, как и в ряде других стран, омоним отмечается светлой римской цифрой после леммы:

Schlag I ...
Schlag II ...

В некоторых странах римская цифра ставится перед леммой:

I **Schlag** ...
II **Schlag** ...

Применяются, далее, подстрочные или надстрочные индексы:

Schlag^1 ...
Schlag^2 ...
Schlag$_1$ ...
Schlag$_2$ ...

Из всех этих способов маркировки лексических омонимов наиболее предпочтительным представляется нам российский.

Лексико-грамматические омонимы обозначаются точно так же, как лексические, например (РНС):

простой I *м* (*вынужденное бездействие*) ...
простой II *прл* **1** ...

Как лексико-грамматические омонимы фиксируются совпадающие основы разных слов, ср. (РНС):

шл.. I **1.** <шлю, шлёшь, шлёт, шлём, шлёте, шлют> *наст. вр. от* слать **2.** <шли, шлите > *повел. от* слать
шл.. II <шла, шло, шлю> *прош. вр. от* идти

Грамматические омонимы лексикографируются иначе. В практике советского/российского словарного дела их принято, во-первых, давать в одной статье и, во-вторых, отмечать полужирными римскими цифрами. Последнее делается для того, чтобы пользователю было легче ориентироваться в статье, особенно большой. Примеры:

просто I *нрч* **1** ... **2** ... **II** *в знач. сказ.* ... **III** *частица* 1 ... 2 ... ◊ ...
максимум I *м* ... **II** *нрч* ...

Встречаются у нас и иные способы презентации грамматических омонимов, однако вышеприведенный представляется наиболее удачным.

В заключение этого параграфа кратко остановимся на разделении слова на значения в некоторых особых типах словарей.

В словарях малого объема («карманных») филиация, естественно, менее дробная. Значения малочастотные обычно в такие словари не включаются.

В дифференциальных словарях в принципе возможны следующие основные случаи (в качестве примера взят норвежско-датский словарь Christiansen, Nielsen 1987):

1) Данная лексема вообще отсутствует в выходном языке. В такой ситуации слово разрабатывается как в обычных словарях, т.е. разные значения его разделяются цифрами и т.д.:

II orke ... 1. ... 2. ... 3. ...

2) Лексема имеет во входном языке дополнительное значение или дополнительные значения по сравнению со значением или значениями той же лексемы в выходном языке. Здесь используется знак равенства и слово ‘также’:

ose ... = da.; også: (fam., sl.) fare afsted [перевод: = дат.; также: (разг., сленг) нестись, мчаться]

§ 19. Семантизация. В § 1 говорилось, что разбиение слова на значения непременно должно быть дополнено семантизацией – указанием на выделяемые значения и их оттенки, что особенно важно для активного пользователя словарем. Пример:

пузырь ... **1.** (*мыльный и т.п.*)... **2.** (*волдырь*)... **3.** *анат.* ... **4.** (*резиновый мешок*)... **5.** *разг.* (*малыш*) ...

Семантизация дается сразу за цифрой, отграничивающей значение. В России ее принято набирать к у р с и в о м и помещать в скобки. Исключение составляют отраслевые пометы, используемые как средство семантизации (см. значение 3 в приведенном выше примере): они даются без скобок.

Функцию, сходную с семантизацией, выполняют уточнения к оттенкам значений эквивалентов, ср. РНС:

ощутимый, ощутительный *прл* **1.** (*чувствительный*) kjennelig, følelig, merkbar; håndgripelig, til å ta og føle på (*осязаемый*) **2.** (*значительный*) merkbar, påtakelig <⁺ - tag->, synlig; følelig (*о чём-л. неприятном*)

Семантизация, относящаяся к значению слова входного языка, ставится, таким образом, перед эквивалентом. Пояснения к эквиваленту или эквивалентам ставятся после них. Еще пример:

подостлать ... ; ... (*солому и т.п.*)

Семантизация необходима также при лексических омонимах, например:

ложа I ... *театр* ...
ложа II ... (*масонская*)
ложа III ... (*ружейная*) ...

При грамматических омонимах роль семантизации выполняют грамматические пометы:

пора I *ж* **1.** (*время*) ... **II** *в знач. сказ.* ...

О с н о в н ы е   п р а в и л а   с е м а н т и з а ц и и:

1) Семантизация, как правило, дается при каждом значении многозначного слова. Если в пределах значения выделяются оттенки, они также требуют семантизации.

В отдельных случаях, когда первое значение является бесспорно доминирующим, а второе низкочастотным, первое может (но не обязательно должно!) даваться без семантизации:

локоть ... **1.** ... **2.** (*старинная мера, ≈ 0,5 м*) ...

Если, однако, семантические структуры слов входного и выходного языков совпадают (что отмечается пометами типа *в разн. знач.* или *прям., перен.*), семантизация не нужна.

2) Семантизация дается на языке активного пользователя, например, в русско-английском словаре – на русском, в немецко-русском – на немецком. Это понятно: пассивному пользователю (переводящему с иностранного языка на родной) эквивалент, как правило, сообщит значение слова, а активному (переводящему с родного языка на иностранный) – нет.

3) Семантизация, как уже говорилось, должна быть предельно краткой, но при этом достаточной для идентификации значения пользователем.

4) Если слово в данном значении употребляется только с определенными другими словами, то семантизация не требуется:

слеп|ой II ... **4.:** ~ая у́лица ...; ~ое окно ...

5) Семантизация необходима при слове с одним значением в тех случаях, когда не берутся другие (редкие) значения этого слова. Так, в РНС слово **котельщик** снабжено семантизацией «(*обслуживающий котёл*)», поскольку не взято значение ‘специалист по паровым котлам и их обслуживанию’ (см. Ожегов и Шведова 1992).

Применяется множество с п о с о б о в с е м а н т и з а ц и и; ниже названы наиболее употребительные.

1) Дефиниция, т.е. словарное определение, или парафраза:

пар I ... **1.** (*вода в газообразном состоянии*)... **2.** *мн* (*испарения*)...
иконостас ... **1.** ... **2.** *шутл.* (*множество орденов и медалей на груди*) ...
карлик ... **2.** *перен.* (*о ничтожном человеке*) ...

2) Синоним(ы) :

положительно ... **1.** (*утвердительно*)... **2.** (*совершенно*) ...
менять ... **1.** ... (*обменивать*) ... **2.** ... (*разменивать*) ... **3.** ... (*переменять*) ...

3) Указание на общий характер значения:

полоскание ... **1.** (*действие*) ...
ягодник ... **1.** (*место*) ...
краска ... **1.** (*вещество*) ...

4) Определение – адъективное, субстантивное и др.:

шифр ... **2.** (*библиотечный*) ...
котёл ... **1.** (*для варки*) ...
слёт ... **1.** (*птиц*) ...

5) Дополнение (прямое, предложное и др.):

лить ... **1.** *В* (*жидкость*) ...
разомкнуть ... **1.** (*контакт*; *ток*) ...
ухаживать ... **2.** (*за женщиной*) ...
ломка ... **2.** (*камня и т. п.*) ...

6) Грамматическая помета (без скобок!):

который *мест.* **1.** *вопр.* ... **2.** *относ.* ...
юность ... **1.** *собир.* ...
котик ... **1.** *уменьш.* ...

7) Отраслевая помета (без скобок!):

макулатура ... **1.** *полигр.* ...
потерпевший ... **III** ... **1.** *юр.* ...

8) Стилистическая помета (без скобок!):

потоп ... **2.** *разг., шутл.* ...
ложе ... **1.** *уст.* ...

9) Помета *перен.* (= переносно, переносное значение – без скобок!):

макулатура ... **2.** *перен.* ...

10) Указание на производителя действия:

лизать ... (*тж о пламени и т.п.*) ... (*о море и т.п. – тж*) ...

11) Указание на носителя признака:

немногословный ... (*о человеке*) ...
немалый ... (*о расстоянии, времени*) ...

12) Указание на грамматическую функцию:

ли... **II** *союз* **1.** (*вводит косвенный вопрос*) ...

13) Указание на исходную форму при производной:

облегчение ... **1.** (*к* облегчи́ть 1) ...

Выбор способа семантизации в каждом конкретном случае диктуется целесообразностью: она, как уже говорилось, должна быть максимально компактна. Не следует, таким образом, во что бы то ни стало стремиться к тому, чтобы в пределах одной статьи использовался только один какой-либо способ, ср. уже приводившийся выше пример статьи **пузырь.** Для одного значения оправданна дефиниция, для другого – пояснение, при третьем может быть использована отраслевая помета (например, *астр.* или *хим.*).

Начинающими лексикографами в отношении семантизации нередко допускаются о ш и б к и и н е т о ч н о с т и. Назовем наиболее часто встречающиеся.

1) Семантизация дается излишне подробной; часто механически полностью переписывается дефиниция из толкового словаря. Между тем, как сказано, у семантизации в двуязычном словаре задача иная, нежели у толкового словаря: она должна только у к а з а т ь пользователю н а з н а ч е н и е, а вовсе не обязательно точно определить его. Так, семантизация (*часть суток*) основного (первого) значения слова *день* вполне достаточна, тогда как дефиниция обязательно должна содержать смысл 'светлый'.

2) Дается семантизация при словах с одним значением, хотя в этом случае она излишня: она не сообщает пользователю какой-либо информации, дополнительной к той, которую сообщает эквивалент. Исключение, как явствует из изложенного выше, представляют собою два случая:

а) когда семантизация служит для разграничения омонимов;

б) когда берется одно и не берутся другие (редкие) значения слова.

3) Частная, но досадная неточность: вместо дополнения (см. выше, п. 5) используется указание на производителя действия (см. выше, п. 10). Например, при глаголе со значением 'потрошить' дается неверное пояснение *(*о рыбе*)* вместо правильного (*рыбу*).

§ 20. Эквиваленты. Словарным эквивалентом, как сказано выше (§ 1), называют слово или словосочетание выходного языка словаря, которое автором/авторами словаря предлагается в качестве перевода единицы (слова или словосочетания) входного языка словаря. В идеале эквивалент должен передавать максимум информации, сообщаемой переводимым словом или словосочетанием. Однако в силу различных причин – как объективных, так и субъективных – это достигается далеко не во всех случаях.

Рассмотрим, какие виды информации может передавать слово, или, иначе, каковы элементы его содержательной структуры. (Говоря здесь для краткости о слове, мы имеем в виду лексему вообще, в том числе ФЕ.) При этом следует учитывать, что часть этих элементов информации есть у каждого слова, часть – лишь у некоторых.

Виды информации, которые может сообщать лексема (одно из ее значений), могут быть подразделены на две основные группы – информация знаковая и информация симптоматическая. Рассмотрим их порознь.

К з н а к о в о й и н ф о р м а ц и и относятся следующие ее виды: 1) лексическое значение, 2) грамматическое значение, 3) стилистическое значение, 4) оценочное значение, 5) культурный компонент значения слова.

Лексическое значение слова, основное его значение, – это обозначение им различных элементов действительности: классов предметов, признаков, процессов, отношений и т.п.

Грамматическое значение складывается из принадлежности единицы к какому-либо грамматическому разряду (к части речи и эвентуально к ее подклассу) и актуального грамматического значения, т.е. значения данной формы (числа, падежа, времени и т.п.).

Стилистическое значение – это содержащаяся в слове оценка ситуации общения. Например, употребляя слово высокого стиля, говорящий тем самым выражает свое отношение к ситуации общения как к торжественной, официальной; используя слово разговорное или просторечное – как к неофициальной, непринужденной, дружеской, либо, напротив, выражает свое негативное отношение к данной ситуации и т.д.

Оценочное значение – в дополнение к лексическому! – выражение отношения говорящего к понятию. *Подручный* – это и 'помощник' и 'плохой человек', *сборище* – это 'собрание, к которому говорящий относится с неодобрением', *старец* – почтительное обозначение старого (и благообразного) человека и т.п.

Культурный компонент значения слова – это дополнительная к лексическому значению информация об особенностях и роли данного понятия в определенном языковом коллективе. Поскольку вопрос культурного компонента очень важен для двуязычной лексикографии, рассмотрим его подробно. Однако, прежде чем перейти к обсуждению теоретической стороны проблемы, приведем несколько примеров, поясняющих, о чем идет речь.

Кивание и покачивание головой у ряда балканских народов, например у болгар, имеет функцию, прямо противоположную русским киванию и покачиванию: первое у них означает 'нет', второе – 'да'. (Впрочем, есть некоторые различия между этими типами мимических движений, ср.: Якобсон 1970:284–289.)

Береза в России – символ родной природы и родины вообще, тогда как соответствия этого слова в других языках (например, англ. birch, нем. Birke, норв. bjerk) этого дополнительного значения (созначения, или коннотации) лишены.

Русскому местоимению *ты* в норвежском соответствует местоимение du, но последнее употребляется несравненно шире:

на «ты» обращаются друг к другу незнакомые на улице, покупатель и продавец, профессор и студент и т.д.

Произносить слово faen 'черт' в норвежском обществе столь же предосудительно, как в России употреблять нецензурные слова. Напротив, некоторые «грубые» слова более допустимы в «приличном» обществе в Норвегии, нежели их русские эквиваленты в России.

Знания о культуре (в самом широком смысле этого слова, включая материальную культуру и условия существования), или, как их еще называют, фоновые знания (англ. background knowledge), принято делить на три основные группы: знания о вербальном (т.е. словесном) поведении, знания о невербальном (т.е. несловесном) поведении и знания о страноведческих фактах.

Вербальное поведение – это речевой этикет, использование набора реплик-штампов, закрепленных за определенными ситуациями, например: *попросите, пожалуйста, (к телефону)...*; (*простите/извините*), *вы не скажете, как пройти к ...?*; *вы на следующей выходите?*; *ни пуха, ни пера*; *кто там?*; *заранее благодарю*; *счастливо оставаться*; *не сглазить бы* и т.п.

Многие элементы вербального поведения связаны с элементами невербального поведения, т.е. несловесного этикета, например *с Новым годом, примите мои соболезнования, с первым апреля* и т.п.

К невербальному поведению относят элементы этикета, жесты и некоторые движения, имеющие символическое значение.

Собственно страноведческие знания – это информация об истории, географии, этнографии, искусстве, литературе, фольклоре, религии и т.д. данного языкового коллектива. Эти знания отражены прежде всего в культурно-коннотированной лексике, часто в собственных именах: *боярская дума, Иван Грозный, Смольный, Колыма, масленица, городки, Аленушка, Плюшкин, домовой* и т.д.

К элементам с и м п т о м а т и ч е с к о й информации относятся такие характеристики слова, из которых адресат сообщения может извлекать информацию, дополнительную по отношению к содержательной, знаковой, в том числе и информацию о говорящем/пишущем. К ним относятся частотная и региональная характеристики слова и его ассоциативные связи.

В принципе, каждое слово языка характеризуется некой постоянной величиной – встречаемостью в речи, или ч а с т о т н о с т ь ю. Очевидно, что величина эта действительна лишь для определенного этапа в истории языка: язык с течением времени изменяется, и особенно подвержена изменениям лексика. Разумеется, очень важную роль в этом отношении играют экстралингвистические (внеязыковые) факторы, например развитие науки и техники. Так, слово *космос* до начала космической эры было весьма низкочастотным, равно как и слово *карбюратор* до широкого развития автомобилизма; в наши дни они употребляются во много раз чаще. Однако изменения частотных характеристик слов вызываются не только внеязыковыми факторами: лексема *нормальный* сейчас широко используется в русской разговорной речи (особенно среди молодежи) и успешно конкурирует с лексемами *хороший, неплохой*.

Наиболее частотны, разумеется, служебные слова: предлоги, союзы, частицы, артикли, вспомогательные глаголы, а также слова-заместители, прежде всего местоимения. Как правило, высокочастотные слова короткие (ср. 5 наиболее частых слов в русском: *в, и, не, на, я*).

Какую же информацию дает частотная характеристика слова? Следует различать: а) частоту слова, определяемую частотой понятия, и б) частоту слова, обозначающего достаточно высокочастотное понятие, обычно синонима употребительного слова. Примером случая а) может служить низкочастотное слово *синьга*, примером случая б) – слова *тароватый, ледащий*. Употребление низкочастотных слов группы б) дает информацию о самом говорящем – о его владении языком, манере выражаться и т.д. Это – косвенная информация.

Региональная характеристика. Определенное количество лексем ограничено в своем употреблении частью территории страны, точнее, области распространения языка. Такие ареально ограниченные слова бывают двух видов: а) территориальные дублеты и б) собственно диалектизмы (§ 9). Использование регионализмов может определенным образом характеризовать говорящего.

Ассоциативные связи слова. Некоторая часть слов вызывает или может вызывать у большинства членов языкового коллектива определенные ассоциации с другими словами или с устойчивыми словосочетаниями (в том числе крылатыми словами, пословицами, поговорками, клише и т.д.).

Как сказано выше, в идеале эквивалент должен передавать максимум информации, сообщаемой переводимой лексемой – словом или словосочетанием. Однако это возможно далеко не всегда.

Для каждого значения лексической единицы одного языка, в принципе, может быть подобран оптимальный перевод – либо «готовая» лексическая единица (имеющееся в этом языке сло-

во или словосочетание), либо окказиональное (составленное на данный случай) словосочетание, при использовании которых потери информации, как бы велики они ни были, меньше, чем при прочих переводах. Здесь говорится о потерях информации потому, что в целом при переводе всегда происходит некоторая утрата информации (Найда 1970:4), и поэтому полная эквивалентность словарного перевода возможна далеко не во всех случаях.

Достаточно часто у слова или значения слова или словосочетания входного языка нет «готового» соответствия в выходном языке. Такая лексика, как уже упоминалось в § 1, носит название б е з э к в и в а л е н т н о й. О ней говорится подробно в следующем параграфе.

После этого краткого теоретического введения обратимся к лексикографическим аспектам проблемы эквивалентов.

Выше был рассмотрен ряд видов информации, которые сообщаются словом или словосочетанием и которые лексикограф не может не учитывать при выборе оптимального переводящего эквивалента. Очевидно, что случаев, когда лексеме одного языка соответствует лексема другого языка, обладающая всеми теми же характеристиками, относительно немного, и автору словаря сплошь и рядом приходится решать задачу, какой информацией в данном конкретном случае целесообразно пожертвовать, а какую необходимо передать и каким образом.

Поэтому четких, конкретных инструкций по подбору эквивалентов, инструкций, пригодных для всех случаев, нет и быть не может. Подбор эквивалентов в работе над двуязычным словарем – это в значительной мере искусство, где очень многое определяется личными качествами лексикографа – его способностями, степенью владения обоими – входным и выходным – языками словаря, начитанностью, общей культурой, требовательностью к себе, самокритичностью и добросовестностью, в частности готовностью, не считаясь со временем, искать нужный оптимальный эквивалент. Можно добавить, что это – тяжелый и зачастую неблагодарный труд.

В значительной мере подбор эквивалентов для двуязычного словаря сродни, как уже говорилось, художественному переводу, который всегда есть искусство и всегда будет искусством. Вместе с тем, между художественным переводом и подбором эквивалентов есть принципиальное различие. Переводчик имеет дело с художественным текстом, который всегда уникален. Лексикограф же стремится отыскать типовое. Переводчик вправе, решая задачу максимально адекватной передачи данного конкретного текста, использовать эквивалент, который до

него никем не употреблялся, не зарегистрирован ни одним двуязычным словарем и, возможно, никогда потом в этом значении не будет употреблен. Лексикограф такого права лишен.

Это различие в положении переводчика и лексикографа коренится в том, что они имеют дело с принципиально различными объектами, разницу между которыми впервые сформулировал выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр. Соссюр обосновал различие между р е ч ь ю, т.е. текстом, и я з ы к о м, т.е. системой знаков и правил их комбинаций. Переводчик имеет дело с речью, лексикограф – с языком. Речь бесконечна, ибо количество комбинаций языковых единиц практически не имеет границ, язык – конечен. Даже если зарегистрировать все те русские эквиваленты английских слов и словосочетаний, которые уже употреблены в лучших переводах с английского на русский (что в принципе едва ли осуществимо), то и такой гипотетический англо-русский словарь отражал бы лишь только то, что уже сделано, и в новых переводах возникли бы новые, не учтенные таким словарем эквивалентные пары. Число задач, которые уже решены при переводах художественных текстов с одного языка на другой и которые предстоит решить в будущем, бесконечно, а словарь, каким бы полным он ни был, может предложить пользователю лишь конечное число решений. Специфические задачи перевода (например, необходимость компенсации чего-либо утрачиваемого в другой части перевода, ритмические и эвфонические соображения, стилистические моменты и т.п.) могут потребовать поисков иного эквивалента, чем предлагаемый словарем. Ряд моментов определяется и типом перевода. Например, точная передача смысла обязательна при переводе научного текста, но в известной мере от этой точности можно отойти при дубляже фильмов, где необходимо добиться зрительного сходства артикуляции актера, говорящего на другом языке. Тем не менее в и д е а л е с л о в а р ь д о л ж е н с о о б щ а т ь п о л ь з о в а т е л ю, в том числе переводчику художественной литературы, э к в и в а л е н т, к о т о р ы й м о ж е т б ы т ь н е п о с р е д с т в е н н о и с п о л ь з о в а н в т е к с т е п е р е в о д а.

Подчеркнем, что речь здесь идет о недостаточности двуязычных словарей именно как источников эквивалентов для художественного перевода. Процесс художественного (да и всякого) перевода состоит, как известно, из двух этапов. Прежде всего переводчик должен уяснить себе переводимое, а затем выбрать соответствующие средства выражения на языке перевода. Если словарь в отдельных случаях не может наилучшим образом удовлетворить потребности второго этапа переводческой рабо-

ты, то первую часть – понимание иноязычного текста – он должен обеспечить всегда (разумеется, здесь – как и всюду в данной работе, за исключением специально оговоренных случаев – речь идет о большом двуязычном словаре).

Отсюда для двуязычной лексикографии следует несколько принципиально важных выводов и требований.

1. Важно в явной (эксплицитной) форме, адекватно и полно раскрыть смысловую структуру переводимого слова (§ 18). При этом, как отмечалось, надо исходить не из переводящих эквивалентов, а из самой структуры слова во входном языке словаря.

Рассмотрим типичные ошибки, допускаемые лексикографами в этой области.

1) Наиболее частая ошибка состоит в неоправданном дроблении значения исходного слова. Языки обладают разными «уровнями специализации», в силу чего значение слова одного языка целиком может быть нередко передано только набором частичных эквивалентов. Классическим примером является рус. *рука,* объем первого значения которого в германских языках покрывается двумя словами, например нем. Arm и Hand. Однако это никак не является основанием для того, чтобы значение «каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев» («Словарь русского языка», т. 3, 1983) представлялось в русско-немецком словаре как **1.** (*часть верхней конечности человека от плеча до запястья*) ... **2.** (*кисть*) ... .

Между тем это элементарное правило двуязычной лексикографии, как сказано, часто нарушается. Приведем пример.

Толковые словари норвежского языка выделяют 4–6 значений у слова fin, отмечая, естественно, в отдельных значениях оттенки. В «Норвежско-русском словаре» 1963 у этого слова выделено 15 (!) значений, в том числе такие, как «вкусный» и «стройный», хотя это – конечно, возможные частные реализации значения 'хороший' (*хороший/вкусный бутерброд, хорошая/стройная фигура*). С таким же успехом можно было бы выделить, к примеру, значения: 16) благоустроенный (*хорошая/благоустроенная квартира*); 17) благоприятный (*хорошие/благоприятные перспективы*); 18) погожий (*хороший/погожий день*) и т.д., и т.п.

Нередки случаи, когда слово входного языка имеет одно не вполне ясное автору двуязычного словаря обобщенное значение, которое передается набором частичных эквивалентов. Ввиду известной отдаленности этих значений друг от друга лексикограф разделяет их цифрами как разные значения, хотя они

являются только частными реализациями одного общего значения. В тех случаях, когда сумма таких частичных эквивалентов не обладает наглядной общностью, необходимо объединительное толкование – прием, используемый в практике двуязычной лексикографии, к сожалению, очень редко. В неопубликованной рецензии на «Индонезийско-русский словарь» 1961 А.К. Оглоблин приводит следующий пример: существительное kendaraan переведено как «1) вьючное животное; 2) транспорт, перевозочное средство», тогда как значение этого слова – 'то, на чем едут или ездят', например, повозка, автобус, мифический птицечеловек Гаруда и т.д. Другой пример, приводимый им же из указанного словаря: pundjangga «1) литератор; писатель; поэт; 2) ученый (*лингвист, филолог, философ*)» вместо более общего перевода «гуманист, просветитель».

Понятно, как возникает подобное неоправданное дробление. В одноязычных словарях широко применяется перечисление частных значений как способ определения общего значения слова. Автор двуязычного словаря приписывает слову входного языка переводящие эквиваленты, которыми передаются эти частные значения, а затем, упуская из виду, что они – лишь частные реализации общего значения, разделяет их цифрами, исходя из своего восприятия «отстояния смысла» между ними. Приведем еще один пример этой нередкой лексикографической ошибки.

В «Норвежско-русском словаре» 1963 прилагательное unnfallende переведено как «1) слабый, вялый; 2) уступчивый, сговорчивый; 3) неустойчивый, непостоянный». В толковом словаре норвежского языка «Norsk riksmålsordbok» слово unnfallende определяется следующим образом: 'svak, føyelig, eftergivende', т.е. досл. 'слабый, податливый, уступчивый' (одно значение!). Очевидно, что прилагательные, которыми определяется значение слова unnfallende, употреблены здесь именно как синонимы, т.е. каждое в данном узком значении, и лишены, естественно, в этом контексте всего того спектра значений, который свойствен каждому из них вообще, в полном объеме, например, норв. svak 'слабый' имеет здесь, в частности, не значение 'недостаточно сильный физически, вялый', а лишь 'не отличающийся сильным, волевым характером'.

Так возникает в словарях искусственная многозначность слова входного языка.

2) Другая ошибка, связанная с неверным членением слова входного языка на значения, противоречащим его смысловой структуре, и также довольно распространенная в двуязычной лексикографии, – доведенное ad absurdum деление слова на

значения по переводным эквивалентам без учета многозначности последних. Особенно часто такой подход практикуется при трактовке служебных слов, в частности предлогов. Так, в некоторых словарях у предлогов выделяется столько значений, сколькими переводными эквивалентами все эти различные значения могут быть переданы; при этом не обращается никакого внимания на то обстоятельство, что несколько самых разнородных значений этого предлога входного языка может быть передано в выходном языке одним и тем же эквивалентом. Пример из одного норвежско-немецкого словаря (среднего объема):

om I prep. **1. um: gå rundt — byen** um die Stadt herum gehen; **bøye — hjørnet** um die Ecke biegen; ... ; **be — noe** um etw. bitten; ... ; **spille, vedde — noe** um etw. spielen, wetten; ... **5. in: — natten** in der Nacht, nachts; **to ganger — uken** zweimal in der Woche, zweimal die Woche; **— 8 dager** in acht Tagen; — **sommeren** im Sommer; — **vinteren** im Winter; — **litt** in kurzem; ...
[перевод: 1. ходить по городу; завернуть за угол; просить о чём-л.; играть, спорить на что-л.; ... 5. ночью; два раза в неделю; через 8 дней; летом; зимой; вскоре; ...]

Как явствует из примера, деление проведено в соответствии с «переводными эквивалентами», но отнюдь не в соответствии с «переводными значениями». Так, немецкий предлог in как соответствие норвежского предлога om имеет два совершенно разных значения: 1) ‘в течение, во время’ (in der Nacht, im Sommer и др.) с особым значением ‘на протяжении’ (zweimal in der Woche); 2) ‘через, по прошествии’ (in acht Tagen, in kurzem). Такая подача имеет два основных недостатка:

а) пользователь должен сам анализировать материал и определять значения слова входного языка, поскольку словарь не сообщает ему их в эксплицитном (явном) виде;

б) одно и то же значение переводимого слова оказывается разнесенным по разным «переводным значениям». Так, предлогу om в значении ‘в течение, во время’ (ср. выше in der Nacht, im Sommer и др.) в сочетаниях om mandagen (tirsdagen и т.д.) ‘по понедельникам (вторникам и т.д.)’, om morgenen ‘утром, по утрам’, tre ganger om dagen ‘три раза в день’ соответствует немецкий предлог an (am Montag, am Morgen, dreimal am Tage) или форма род. падежа (Montags, des Morgens, dreimal des Tages), а во втором из сочетаний — и наречная форма morgens, являющаяся застывшим род. падежом. Таким образом, совершенно однотипные значения (om natten — om morgenen, om vinteren — om mandagen, tre ganger om uken — tre ganger om dagen) искусственно разъединяются и трактуются так, что пользователь не получает о них целостного впечатления.

Эта лексикографическая ошибка приводит к п е р е т а с о в ы в а н и ю значений.

3) По существу, та же ошибка, но как бы с обратным знаком и в скрытом виде, наблюдается в очень многих словарях, где различные значения не разделяются и не семантизируются. Многозначному переводимому слову приписывается многозначный переводящий эквивалент, и в явной форме не оговаривается, все ли — а если не все, то какие — значения передаются этим эквивалентом. Примеры из того же немецко-норвежского словаря:

spekulieren spekulere

Оба слова — и немецкая лемма, и норвежский эквивалент — имеют два значения: ‘1) размышлять, раздумывать (*над чем-л.*); 2) спекулировать (*чем-л.*)’. Некоторые словари даже подают эти значения как омонимичные.

wirksam virksom

Оба эти слова означают: ‘1) действенный, эффективный; 2) деятельный, активный’.

grov grov; -e See **høy** sjø, svær sjø ‘неспокойное море, волнение на море’.

Слова grob, grov (равно как и рус. *грубый*) имеют несколько значений.

Между тем этого неоговоренного с к л е и в а н и я з н а ч е н и й можно было бы легко избежать, применяя там, где это оправданно, упомянутые выше пометы *в разн. знач.* или *прям., перен.*

2. Двуязычный словарь должен, как правило, предлагать пользователю не толкование, а п е р е в о д я щ и й э к в и в а л е н т, который можно непосредственно использовать в тексте на выходном языке.

Это положение отнюдь не противоречит сказанному выше о безэквивалентной лексике: во многих таких случаях толкование — единственный способ полной и точной передачи значения переводимой лексемы. (О толковании в двуязычном словаре см. ниже.)

Анализ двуязычных словарей показывает, однако, что встречаются случаи, когда лексикограф предлагает толкование даже там, где вполне возможен эквивалент. В сущности, это озна-

чает, что труд по поиску эквивалента лексикограф возлагает на пользователя (что, в общем, не вполне порядочно). Причина этого чаще всего – недостаточно полное знание выходного языка или просто нежелание составить себе труд подыскать адекватный эквивалент (для чего требуется время, напряжение, консультации со специалистами и т.д.). Особенно это относится к переводу специальных терминов, когда лексикограф вместо поиска термина на выходном языке просто переводит дефиницию из толкового словаря входного языка. Примеры:

«Норвежско-русский словарь» 1963

mignonpære ... миниатюрная лампа накаливания (*вытянутой формы для люстры*) [Следует: миньон (*лампочка*)]
xantin ... *текст.* нерастворимый растительный жёлтый пигмент [Следует: ксантин]
irr ... зелёный налёт на медных [латунных, бронзовых] предметах [Следует: зелень, патина (*налёт на меди и т.п*); о смешении перевода и пояснения см. ниже]

3. Нередкая неточность, встречаемая в двуязычных словарях, заключается в несоответствии объема (одного) значения слова входного языка объему значения предлагаемого эквивалента/эквивалентов. При этом возможны два случая.

1) Объем значения входного слова шире объема значения эквивалента/эквивалентов ($A_{вх} > A'_{вых}$). В сущности, здесь речь идет о достаточно полном подборе частичных эквивалентов A′ (B, C ... $_{вых}$). Вопрос о частичных эквивалентах уже рассматривался выше. Подчеркнем только лишний раз, что здесь весьма важна семантизация и желательна экземплификация, т.е. приведение примеров.

2) Объем значения входного слова у́же объема значения эквивалента ($A_{вх} < A'_{вых}$). Этот случай, в отличие от предыдущего, в гораздо меньшей степени привлекал к себе внимание теоретиков лексикографии, хотя в самых разных словарях можно найти множество примеров того, как без каких-либо уточняющих пояснений: а) слово со сравнительно узким значением переведено словом с более широким значением, б) слово однозначное переведено словом многозначным.

4. Информация о с т и л и с т и ч е с к о й характеристике переводимого слова существенна и не должна быть утрачена при переводе. Поэтому подбираемый эквивалент должен стилистически максимально соответствовать переводимому слову. Лексеме высокого стиля подыскивается эквивалент высокого стиля, лексеме разговорной – разговорного, и даже «непристойные» слова следует переводить словами «непристойными».

Наличие или отсутствие в выходном языке словаря стилистически адекватного эквивалента для каждого конкретного слова входного языка определяется факторами, не поддающимися учету, т.е. может считаться случайным процессом. По этой причине автор двуязычного словаря может столкнуться с различными типами взаимоотношений стилистических характеристик переводимого и переводящего слова.

Таким образом, с т и л и с т и ч е с к и е п о м е т ы имеют большое значение. Исключение делается для слов нейтрального стиля, переводимых словами нейтрального стиля: здесь в мировой лексикографической практике стилистические пометы не используются.

Строго говоря, при полной стилистической адекватности слова входного и выходного языка стилистическая помета избыточна: эквивалент сам по себе сообщает информацию о стилистической характеристике переводимого слова. Однако такая полная стилистическая эквивалентность встречается редко, к тому же нет резона делать исключения для немногочисленных случаев, нарушая тем самым системность.

Говоря об отражении стилистической характеристики переводимого слова, мы пока как бы исходили из того, что она четко определена для каждого слова. На деле положение, к сожалению, более сложное. Анализ толковых словарей (определение стилистической принадлежности слова – задача одноязычной лексикографии), например русского языка, показывает, что лексикографы нередко расходятся – и весьма существенно – в оценках стилистической характеристики слова. Дело здесь отчасти в неизбежном в этом отношении субъективизме, но также и в том, что стилистические координаты многих слов находятся между жестко заданными ступенями. Кстати, заслуживает внимания опыт некоторых западных лексикографов, которые при стилистических пометах вводят уточнения типа *скорее, б. ч.* (= большей частью) и аналогичные.

Рассмотрим ситуации, с которыми сталкивается автор двуязычного словаря в области стилистической характеристики слова.

1) Переводящий эквивалент имеет ту же стилистическую характеристику. Случай этот самый простой, и здесь достаточно только стилистической пометы (ср. сказанное выше).

2) Стилистическая характеристика эквивалента у́же стилистической характеристики переводимого слова. Требуется использование частичных стилистических эквивалентов; стили-

стические пометы ставятся после не-нейтральных. Пример (для пары русский – норвежский):

вы 1. (*в обращении к нескольким лицам*) dere; De [di:] *торж.* (*теперь редко*); I *библ.*; *поэт., уст.* **2.** ...
рано ... tidlig [...]; årle *поэт.*

3) Стилистическая характеристика эквивалента шире стилистической характеристики переводимого слова. Стилистическая помета ставится после переводимого слова. Пример (снова для пары русский – норвежский):

око ... *poet.* øye *-t, øyne*
чадо ... *foreld el. spøk.* barn *-et,* = [перевод: *уст. или шутл.*]

В некоторых словарях при стилистическом неравенстве использован специальный знак, например, ||S в «Русско-шведском словаре» (Маслова-Лашанская и др. 1976).

Рассмотрим ошибки в отношении стилистической характеристики слова, особенно часто встречающиеся в двуязычных словарях.

1) Лексема (слово или словосочетание), принадлежащая какому-либо специфическому (не-нейтральному) стилю, передается эквивалентом нейтрального стиля, снабженным – и то не всегда – стилистической пометой. Между тем очевидно, что слово не-нейтральное чаще всего должно быть передано в переводе тоже словом не-нейтральным. Приписать, скажем, разговорной лексеме нейтральный стилистически эквивалент и снабдить его пометой *разг.*, по существу, означает, что труд по отысканию стилистически адекватного эквивалента автор словаря возлагает на пользователя. В «Норвежско-русском словаре» 1963 разговорное выражение det kan du ta gift på переведено (без пометы) нейтральным (и несколько неточным) «за это можно поручиться головой», тогда как адекватным эквивалентом был бы *«разг.* уж будь уверен, как пить дать». Ср. также:

«Большой польско-русский словарь» (Гессен, Стыпула 1967)

dup||a *ж. груб. прост.* **1.** задница ... ◊ **miec coś w ~ie** плевать на что-л. [Более адекватно: **1.** жопа ... ◊ ... срать {класть} *на что-л.*]

Встречается и такая подача: разговорная лексема переводится нейтральной, а стилистически адекватная стыдливо ставится на второе место, например (см. там же):

to inna para kaloszy *разг.* это другое дело (другой коленкор) [Следует: это другой коленкор {другая музыка}]

Конечно, не всегда дело в теоретических установках автора словаря. Нередко приведение стилистически нейтрального эквивалента объясняется, видимо, тем, что автор словаря попросту не знает стилистически адекватного:

«Норвежско-русский словарь» 1963

vaskebrett... 1) стиральная доска; 2) накатанная волнами дорога [Правильная подача значения 2: *разг.* стиральная доска, гребёнка (*о дороге*). Возможна также подача: **vaskebrett** ... *прям., перен.* стиральная доска.]

rokk I ... 1) прялка; 2) *разг.* старый велосипед [Следует: ... 2) *разг.* драндулет (*велосипед*)]

Иногда стремление лексикографа избежать разговорного/просторечного эквивалента приводит и просто к искажению смысла, например:

«Норвежско-русский военный словарь» 1963

luta lei *разг.* пассивно относящийся к службе

На деле это сугубо просторечное выражение (которое вообще неуместно в специальном словаре) означает ‘которому (все) обрыдло {осточертело, до смерти/до чертиков надоело}’.

Часть ошибок в рассматриваемой области объясняется свойственным многим лексикографам стремлением привести возможно большее число эквивалентов, независимо от того, насколько они адекватны – как стилистически, так и семантически (подробнее об этом см. следующий раздел). Ср., например:

«Русско-датский словарь» 1968

нормальный ... ; не совсем ~ ikke helt normal, småtosset [småtosset соответствует русскому просторечному *придурковатый*]

срам ... *разг.* skam *-men,* skændsel *-en,* vanære *-n,* blamage- *n* [skændsel – слово книжное, соответствует рус. *позор*; vanære – также слово литературное, примерно соответствующее рус. *бесчестье,* blamage стилистически неэквивалентно рус. *срам,* ибо означает ‘поступок, ставящий кого-л. в нелепое, постыдное положение’]

2) Не учитывается весь стилистический спектр эквивалента. Ср.:

«Норвежско-русский словарь» 1963

ete ... 1) есть (*о животных*); *вульг.* жрать ... [На самом деле глагол ete в применении к людям употребляется также как библеизм, ср. Быт., 19, 1: I ditt ansikts sved skal du ete ditt brød ... ; в более новом переводе: Med svette i ansiktet skal du ete ditt brød ... 'В поте лица твоего будешь есть хлеб ... ']

hær ... 1) сухопутные войска, армия; войско; ... 2) множество; ... 3) стая; ... [В переводе отсутствует эквивалент «воинство» ; *высок., торж., библ.*, ср. Быт., 2, 1: Så blev himmelen og jorden med hele sin hær fullendt; в более новом переводе: Slik ble himmelen og jorden fullført med hele hær. 'Так совершены небо и земля и все воинство их']

5. Переводная часть двуязычного словаря не должна быть перегружена синонимами.

В свое время, в начальный период переводной лексикографии, одному слову входного языка обычно приписывался один переводящий эквивалент. Сейчас существенный недостаток многих двуязычных словарей состоит как раз в избытке переводящих эквивалентов, словари перегружены синонимами, различия между которыми не оговорены. В отношении активного пользователя неправильность такого решения очевидна: если, например, русский пользователь русско-немецкого словаря не знает, как перевести на немецкий язык слово *осложнить*, то он тем более не почувствует различий между эквивалентами verwickeln, komplizieren, kompliziert machen, erschweren, предлагаемыми ему словарем. Однако и для пассивного пользователя обилие переводящих эквивалентов отнюдь не является благом и, как мы постараемся показать, в большом числе случаев принципиально неоправданно.

Общеизвестно, что полные синонимы – вещь в языке достаточно редкая. Между словами, входящими в какой-либо синонимический ряд, как правило, можно установить некоторые различия либо в значении, либо в сочетаемости, либо в стилистической окраске, либо в оценочной характеристике, либо по нескольким характеристикам сразу. В данной связи важно, что часто в каждой паре языков имеются свои параллельные синонимические ряды. Естественно поэтому попытаться установить соотносительность членов этих синонимических рядов в данной паре языков, при помощи тщательно подобранных переводов подчеркнуть различия между близкими по значению словами, отграничить их друг от друга, а не скрыть, затушевать эти различия. Напротив, существующая практика приведения возможно большего числа переводных эквивалентов приводит лишь к затемнению различий между синонимами входного языка словаря. Зачастую лексикографы, не мудрствуя лукаво, просто подбирают более или менее близкие синонимы к основному переводящему эквиваленту, т.е. действуют по принципу: раз нужно дать перевод *храбрый*, значит, надо также добавить эквиваленты *смелый, отважный, бесстрашный, неустрашимый, мужественный* и т.д. Если слово входного языка означает 'диван', то лексикограф, ничтоже сумняшеся, дополняет это соответствие списком *оттоманка, кушетка, софа, канапе, тахта, козетка* и т.д.

Эту болезнь словарей можно назвать синонимитом.

Разумеется, всем понятно, что синонимические ряды какой-либо пары языков далеко не всегда бывают симметричными по отношению друг к другу и установить их, как говорят математики, одно-однозначное соответствие порой очень сложно. Лексикографы сплошь и рядом идут более простым и менее трудоемким путем: приписывают каждому из них множество переводящих эквивалентов, добавляя – из разных соображений – еще ряд просто близких по значению слов. Поэтому слово типа 'безупречный' переводится набором эквивалентов *безупречный, безукоризненный, идеальный, совершенный, образцовый, отменный, превосходный* и т.д.

Характерно, что при этом при близких по значению леммах одни и те же переводящие эквиваленты обычно располагаются в словарях в несколько разном порядке, что создает иллюзию фиксации словарями различий между словами-синонимами входного языка. На самом деле порядок этот очень часто случайный, ср.:

«Русско-шведский словарь» 1976

безукоризненный oklanderlig, klanderfri; otadlig, tadelfri; oförvitlig
безупречный otadlig, tadelfri; oklanderlig, klanderfri; oförvitlig

Приведение большого числа переводов – путь более простой и, так сказать, более безопасный, чем отбор меньшего числа точных эквивалентов. Между тем установилось мнение, что чем больше словарь дает эквивалентов (близких, но не обязательно совпадающих по смыслу), тем он научнее, полнее, тем глуб-

же разработана в нем каждая статья, и, напротив, чем меньше эквивалентов дано при каждой лемме, тем словарь будто бы беднее, примитивнее, ненаучнее. В действительности дело обстоит, конечно, не так.

Обилие переводящих синонимов иногда стремятся оправдать интересами переводчика художественной литературы: мол, лучше предложить пользователю ряд эквивалентов, а он сам выберет подходящий для данного контекста. Такое рассуждение неверно. Задача двуязычного словаря – дать возможно точную информацию о значении лексемы входного языка средствами выходного языка. Обилие эквивалентов, не являющихся частичными или связанными, способно лишь размыть границы значения переводимой лексемы.

Злоупотребление переводящими эквивалентами проявляется также в двух типичных для двуязычной лексикографии неточностях.

1) Когда переводимое слово имеет несколько значений и переводящий эквивалент также обладает несколькими из этих значений, многие словари избегают повторять переводящий эквивалент. Так, если первое значение русского прилагательного *зелёный* 'зелёного цвета' обычно передается на выходном языке словаря соответствующим цветовым прилагательным, то значение 'незрелый, неспелый', которое в этом же выходном языке может (и должно!) быть передано тем же цветовым прилагательным, этим прилагательным не передается, а приводятся только соответствия со значением 'незрелый, неспелый'. Конкретные примеры:

«Норвежско-русский словарь» 1963

professor ... 1) профессор; ... ; 2) *разг.* отличный специалист [Разумеется, слово *профессор* в русском языке имеет и переносное значение]
moment ... 1) мгновение, миг, момент; 2) факт, обстоятельство; фактор; et vesentlig [viktig] – существенный [важный] факт; 3) основное положение (доклада); 4) *физ., тех.* момент [На деле, конечно, норвежскому слову moment во всех этих значениях соответствует русское слово *момент: в этот момент в дверь постучали*; *положительный момент в этой ситуации*; *он пересказал нам основные моменты своего сообщения*; *момент инерции*]
romantiker... 1) романтик, мечтатель; 2) представитель романтизма (*в литературе, искусстве*)

«Большой польско-русский словарь» (Гессен, Стыпула 1967)

dup||a *ж. груб. прост.* **1.** задница **2.** (*niedołęga*) недотёпа [Как значение 1 (см. выше), так и значение 2 полностью покрываются рус. прост. *жопа*, ср. *какую чашку разбил, жопа* (*с ручкой*)!]

Особенно большой ущерб такая лексикографическая практика наносит активному пользователю словаря: русский пользователь норвежско-русского словаря знает, что «представитель романтизма (*в литературе, искусстве*)» может быть назван *романтиком,* и употребит это слово в переводе на родной язык, но норвежец будет смотреть в словаре слово romantiker именно в том случае, когда он не знает его русского эквивалента, и заключит, что передать значение норвежского romantiker 2 по-русски можно только как «представитель романтизма (*в литературе, искусстве*)».

2) Весьма распространен в переводной лексикографии случай некорректного использования синонимов, когда к точному эквиваленту, имеющему, однако, и иные значения, прибавляются близкие по значению слова, указывающие, какое из значений первого эквивалента имеется в виду (т.е. выполняющие функцию семантизации), но сами по себе не являющиеся точным переводным эквивалентом (они – точный перевод другого слова):

«Датско-русский словарь» 1975

let ... 1) лёгкий, легковесный; ... 2) лёгкий, слабый; ... 3) лёгкий, нетрудный ...

Сказанное выше, разумеется, вовсе не имело целью призывать лексикографию к давно пройденному ею этапу, когда одно значение слова передавалось одним переводящим эквивалентом. Однако и нанизывание приблизительных синонимов к основному переводящему эквиваленту или основным переводящим эквивалентам тоже не способствует уяснению пользователем точного объема значения переводимого слова и, главное, не предлагает ему в явной форме оптимального перевода, создавая то, что по-французски называется embarras de richesse (затруднение из-за излишне богатого выбора).

Двуязычный словарь и узус. Даже говоря совершенно правильно с точки зрения фонетической, грамматической и лексической, иностранец порой допускает ошибки, связанные с узусом – принятыми в другом языке правилами упот-

ребления отдельных лексем, или — иначе — способами выражения некоторых понятий. Покажем это на примерах.

Русскому слову *километр* в норвежском полностью соответствует слово kilometer, так что *3 километра* совершенно точно переводится как 3 kilometer. Однако в норвежской речи, особенно неофициальной, широко используется существительное mil в значении '10 километров', так что, например, предложение *от моего дома до университета 10 километров* естественно перевести на норвежский как det er en mil fra mitt hjem til universitetet (хотя, конечно, ... 10 kilometer ... ошибкой не является: просто в разговоре чаще принято выражать подобный смысл иначе).

Русская мера площади *гектар* адекватно передается норв. hektar, но мера эта в Норвегии употребляется редко: вместо нее используется другая — dekar (или менее официальная mål), составляющая 1/10 гектара (1000 м²).

В России небольшое количество жидкости в быту измеряется в *граммах*, в Норвегии — в децилитрах (desiliter).

В русском обычно употребление инициала (инициалов) с фамилией (например, *Ф.(М.) Достоевский, А.(Д.) Сахаров*), в норвежском, как правило, имя пишется полностью (Fjodor Dostojevskij, Andrej Sakharov).

Подобных примеров можно привести множество.

Грань между узусом и нормой, конечно, условна. Спорно, относить ли употребление местоимения 2-го лица ед. числа 'ты/вы' к норме или узусу.

Так или иначе, двуязычный словарь должен уделять этим моментам надлежащее внимание. Некоторые примеры из «Русско-норвежского словаря» (с небольшими уточнениями) на приведенные выше случаи:

километр[1a] *м* kilometer *-en,* = (NB *в быту в Норвегии часто употр.* 1 mil *в значении 10 км*); Петродворец находится в 30 ~ах от Петербурга Petrodvorets ligger tre mil fra Petersburg; он работает в 5 ~ах от дома han jobber en halv mil fra sitt hjem; лыжник пробежал (дистанцию) 50 ~ов за 4 часа skiløperen løp {gikk} femmila på 4 timer

гектáр[1a] *м* hektar *-et,* = (NB *в Норвегии употр. мало, обычно используется мера* dekar {mål} -et, =, *что соответствует 1/10 га*; *т. обр.*, 5 ~ов *следует переводить как* 50 dekar {mål})

грамм[1a] *м* gram *-met,* =; 100 ~ов {*разг.* 100 ~} 100 gram, 1 hektogram (*о весе*); 1 desiliter (*об объёме жидкости*); 150 ~ов молока 1,5 dl (= desiliter) melk ◊ ...

§ 21. Передача безэквивалентной лексики. Толкования. Пояснения.

I. Двуязычный словарь — словарь переводной и потому должен, как уже неоднократно подчеркивалось, давать э к в и в а л е н т ы (переводы) единиц входного языка, а не их толкования или описания.

Однако в силу ряда причин это требование полностью выполнено быть не может, и хорошие современные двуязычные словари являются в значительной степени переводно-толковыми.

Главной из этих причин является б е з э к в и в а л е н т н о с т ь — положение, когда у слова или значения слова или словосочетания входного языка нет «готового» соответствия в выходном языке.

Следует различать два вида безэквивалентности.

1. Поскольку мир практически неисчерпаем, его элементы по-разному выделяются и объединяются в более крупные категории сознанием разных языковых коллективов. Это отражается языком: развиваясь стихийно, он не всегда последовательно и полно создает обозначения для всех элементов действительности. Показательный пример: в норвежском языке нет слова, соответствующего русскому слову *гарнир*, а в русском языке нет эквивалента норвежского слова pålegg, которым обозначается всё то, с чем делается бутерброд (колбаса, сыр, ветчина и т.д.), хотя гарниры в Норвегии — вещь самая естественная, равно как и бутерброды в России. В скандинавских языках есть обозначение для понятия 'дети одних родителей (брат/братья и сестра/сестры)', например, норв. søsken, исл. systkin и т.д., не имеющее соответствия в восточнославянских языках. Во многих языках нет слов для понятий 'брат' и 'сестра', а есть только обозначения понятий 'старший брат', 'младший брат' и 'старшая сестра', 'младшая сестра', ср. удмурт, *сузэр* 'младшая сестра', *апай* 'старшая сестра'. Подобные примеры можно приводить бесконечно.

2. Отсутствие у лексемы входного языка эквивалента в выходном языке может объясняться различиями в культуре (подчеркнем еще раз, в самом широком смысле слова) между данными языковыми коллективами. Если, скажем, в Нидерландах игра «городки» неизвестна, то, естественно, в нидерландском языке отсутствует эквивалент русского слова *городки*, и наоборот, поскольку в России не носили и не носят деревянных башмаков (во всяком случае, выдолбленных из цельного куска дерева), то в русском нет соответствия нидерландскому klomp. Хаусанцы едят блюдо под названием dabmu, приготов-

ляемое на пару из муки с луком или листьями конопли и в России неизвестное, и потому у этого слова языка хауса в русском нет эквивалента. Чем больше различия в культурах двух данных языковых коллективов, тем больше, разумеется, в каждом из них безэквивалентной лексики такого типа.

Самоочевидно, что говорить о безэквивалентной лексике можно относительно каких-либо двух конкретных языков или групп языков. Для пары нидерландский – русский слово klomp безэквивалентно, для пары нидерландский – французский – нет: ср. франц. sabot с тем же значением.

Одни элементы культуры одного народа имеют соответствия в культуре другуго народа, другие – нет. Впрочем, соответствия часто относительны. Русская *деревня* во многом отличается от англ. village, которая, в свою очередь, отличается от нем. Dorf и т.д., не говоря уже про деревни, например, в Мозамбике или в Бирме.

Для лексикографической практики весьма важна степень знакомства коллектива выходного языка словаря с элементами культуры коллектива входного языка словаря, не имеющими соответствий, которые далее будут называться б е з э к в и в а л е н т н ы м и э л е м е н т а м и к у л ь т у р ы (БЭК).

БЭК различны с точки зрения их известности народу – носителю выходного языка словаря. Один полюс образуют элементы, хорошо известные практически каждому представителю коллектива выходного языка, другой – элементы, известные лишь ограниченному кругу специалистов. Между этими полюсами располагаются элементы, известные языковому коллективу в большей или меньшей, иногда в совсем малой степени.

Для двуязычной лексикографии существенно, что для многих БЭК в выходном языке словаря есть обозначения – алиенизмы (§ 11). Для значительной части БЭК входного языка в выходном языке «готовых» обозначений (алиенизмов) нет, и их значение раскрывается при помощи толкования – определения. Рассмотрим эти группы порознь.

1. Алиенизмы можно подразделить на два основных вида – транскрипционные эквиваленты (иностранные слова) и эквиваленты-кальки.

Как транскрипционные эквиваленты, так и эквиваленты-кальки весьма неоднородны, представляя собой две группы.

Первую из них составляют слова, вполне освоенные выходным языком словаря и используемые в текстах на нем без каких-либо пояснений или комментариев. К таким словам в русском языке относятся, например, *тори, кронпринц, эль, вендетта, кнессет, намаз, шиит, харакири, магараджа, каяк*; *орден*

Почётного региона, палата общин, земля ‘административная единица в ФРГ’, *Страна восходящего солнца, лорд – хранитель печати* (комбинация двух видов алиенизмов) и т.п.

Во вторую, весьма многочисленную, группу входят лексемы, с одной стороны, знакомые кругу хорошо образованных и основательно начитанных людей, но, с другой стороны, многим членам языкового коллектива либо неизвестные вовсе или известные приблизительно (они не могут дать более или менее верного их определения). Примером могут служить русские алиенизмы *ликтор, монтаньяры, луддиты, пол(ь)дер, гёзы, хадж, газават*; *«бессмертный»* ‘член Французской академии’, *Генеральные штаты, неприкасаемые, всадники* ‘сословие в древнем Риме’ и др.

Четкой грани между первой и второй группами, разумеется, нет и быть не может: лексикограф, в общем, в состоянии лишь приблизительно определить, какие алиенизмы знакомы потенциальному пользователю словаря, а какие – нет. Спор, например, о том, знает ли средний русский пользователь иноязычно-русского словаря русские лексемы *конфедератка* и *гнилое местечко* и нуждаются эти алиенизмы в комментарии или нет, когда они приводятся в словаре как эквиваленты, будет бездоказательным. Кроме того, в силу определенных (к примеру, политических) причин алиенизм второй группы может стать широко известен и резко изменить свою частотность, ср. слово *моджахед*, постоянно встречавшееся на страницах русской прессы в прошлом десятилетии. Точно так же алиенизмы этой группы могут забываться или попросту быть неизвестными молодому поколению; таковы в настоящее время некогда широко употреблявшиеся в русской прессе единицы *энозис* и *панчашила*.

Характерно, что авторы словарей не всегда достаточно четко представляют себе уровень знаний пользователя в этом отношении. Так, в «Хауса-русском словаре» 1963 существительное masaki переведено как ‘большая калебаса’, а существительное alallafa – как ‘мартингал’ без всяких пояснений: предполагается, видимо, что значение существительных *калебаса* и *мартингал* должно быть известно пользователю этого словаря, что едва ли верно. Ср. также:

«Итальянско-русский словарь» 1963

ghibellino ... *ист.* гибеллин
duumviro ... *ист.* дуумвир [ср. «Латинско–русский словарь» (Дворецкий 1976): **duumvir** ... дуумвир, член комиссии двух]

Очевидно, что лексикографическая обработка алиенизмов каждой из этих групп должна быть различной.

Алиенизмы первой группы не нуждаются в комментариях и просто предлагаются в двуязычном словаре как эквиваленты.

Транскрипционные эквиваленты и эквиваленты-кальки второй группы следует снабжать пояснением (оно дается обычно курсивом и, как правило, в скобках). Пример:

«Датско-русский словарь» 1975

folketing ... фолькетинг (*до июня 1953 г. вторая палата ригсдага – парламента в Дании; с июня 1953 г. название парламента в Дании*)

Особо следует остановиться на многочисленных в словарной практике случаях использования редких ботанических и зоологических названий (не только алиенизмов!). Они употребляются как эквиваленты независимо от их частотности; при этом обязательно приводится также латинское название. Например:

«Хауса-русский словарь» 1963

katsari... альби́ция (*дерево, Albizzia Chevalleri*)
loda ... *бот.* родже́рия (*Rogeria adenophylla*)

Исландско-русский словарь» 1962

laukasteinbrjótur ... *бот.* камнеломка поникшая (*Saxifraga cernua*)
mýrafinnungur ... *бот.* пухонос дернистый (*Scirpus caespitosus*)

Желателен, конечно, также страноведческий комментарий, о чем будет сказано ниже.

Разумеется, не для всех названий растений и животных в выходном языке есть «готовые» соответствия, особенно если растительный и животный миры двух данных стран существенно различаются. Выходом в подобных ситуациях является приведение общей характеристики объекта и латинского термина (с помощью последнего интересующийся может найти дополнительную информацию). Например:

«Суахили-русский словарь» 1961

kichoma mguu ... 1) кустарник (*Bidens pilosa и Bidens leucantha*); 2) многолетняя трава (*Heteropogon contorfus*)

Впрочем, встречается и менее строгая подача – при помощи транскрипции (см. ниже) и без латинского названия, неоднократно представленная в этом же словаре:

nikwata ... никвата (*небольшая ящерица, обитающая в домах*)
ng'amba ... нгамба (*черепаха с ястребовидной головой*)

Применяются и иные способы раскрытия значения полных или измененных транскрипционных эквивалентов, например, с помощью синонимов:

«Итальянско-русский словарь» 1963

carabinière ... карабинер, жандарм
bersaglière ... берсальер, стрелок
trecènto ... треченто, XIV век

«Нидерландско-русский словарь» 1987

mars III ... маршевая почва, топь, низменная сырая местность

«Латинско-русский словарь» (Дворецкий 1976)

triumvir ... триумвир, член «тройки»

2. При отсутствии алиенизма, даже низкочастотного, применяется толкование значения переводимого слова:

«Суахили-русский словарь» 1961

usare ... 1) *этн.* обряд побратимства (*при к-ром братающиеся делают надрезы на коже и обмениваются каплями крови*) ...
kisarawanda ... *этн.* белое покрывало (*к-рым покрывают постель новобрачных в первую брачную ночь*)
mwinglizi... *этн.* человек, который наследует жену умершего брата (*в силу обычаев левирата*)
ndonya ... *этн.* 1) отверстие в верхней губе (*куда вставляется лёгкий деревянный диск*); 2) лёгкий деревянный диск, вставляемый в отверстие в верхней губе (*женское украшение*).

Об уместности в данных случаях пометы *этн.* (= этнография, этнографический термин) см. следующий параграф.

В некоторых словарях толкования переводимого слова предваряются – не вполне последовательно – транскрипцией последнего, как бы предлагаемой словарем в качестве эквивалента (два таких примера уже приводились выше). Эквивалента-

ми такие транскрипции, конечно, считаться не могут, поскольку не входят даже в периферию словарного состава выходного языка. Примеры таких квазиэквивалентов в только что цитированном «Суахили-русском словаре»:

mbeleko ... мбеле́ко (*кусок ткани, к-рым женщины привязывают ребёнка к спине или бедру во время ходьбы или работы*)
mkole I ... мко́ле (*дерево с маленькими красными съедобными плодами, волокнистое вещество к-рого используется для приготовления местного мыла и лекарства от дизентерии*)
kibla ... 2) ки́бла (*направление к Мекке — сторона, к к-рой мусульмане обращаются лицом во время молитвы*)
mchoo ... мчоо (*период обильных дождей в первой половине сезона юго-западного муссона ку́си, соответствует июлю-августу*)

Ср. также « Латинско-русский словарь» (Дворецкий 1976)

trabea ... 1) трабея, парадная одежда (*белый плащ с пурпурными полосами, который надевали римск. цари, консулы, а в торжественных случаях тж. всадники и авгуры; при императорах он был пурпурный*)
hordeia ... гордея, *род морской рыбы или моллюска*

«Хауса-русский словарь» 1963

gwaisa ... гвайса (*игра, напоминающая шашки*)
gwanso гвансо (*струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару*)

По сути дела, транскрипционные эквиваленты в таких случаях излишни: при необходимости (например, для использования их в художественном переводе в целях создания местного колорита или в качестве терминов в научном описании) они легко могут быть созданы пользователем словаря. Об их ненужности свидетельствуют бесчисленные случаи передачи БЭК в словарях только при помощи объяснения значения:

«Новый большой англо-русский словарь» 1977

dop ... **2.** бренди из виноградной кожуры

«Хауса-русский словарь» 1963

kuf ... чётки из деревянных бусин
gungunturi ... женский пояс (*из раковин каури, повязывается вокруг бёдер*)
baka ... плетёный лоток (*для сластей, орехов*)

«Абазинско-русский словарь» 1967

гвабанакь *верхняя пастушья одежда из валяной грубой шерсти*
щхъвашIарпага ремешки (*для подвязывания задников мягкой обуви*)
льагIвына спальня новобрачных (*имеющая отдельный ход, если она находится в общем доме*)

«Удмуртско-русский словарь» 1948

сюлык старинный женский головной убор

Несколько иначе обстоит дело с окказиональными, т.е. создаваемыми автором словаря, эквивалентами-кальками, поскольку они легче могут быть включены в текст на выходном языке (разумеется, с комментарием):

«Большой англо-русский словарь» 1977

pannierman ... *ист.* «корзинщик» (*чиновник Лондонской адвокатской корпорации, доставляющий провизию*)
Cliveden set ... *ист.* кливденская клика (*клика сторонников уступок Гитлеру*)
Flag Day... *амер.* «День флага» (*14 июня — национальный праздник США*)

Латинско-русский словарь» (Дворецкий 1976)

Trismegistus ... Трижды великий, *эпитет Гермеса-Меркурия в эллинистическом Египте*

Однако, если автору представляется целесообразным давать такие транскрипционные квазиэквиваленты, то их следует помещать в кавычки: тем самым активный пользователь предупреждается о том, что такого слова-алиенизма в выходном языке нет. Этот прием использован, хотя и непоследовательно, в некоторых словарях:

«Норвежско-русский словарь» 1963

mæle I ... «мэле» (*мера сыпучих тел = 15,5 л*)

Исландско-русский словарь» 1962

þjóðveldi... 2) *ист.* «тьоудвельди» (*период народовластия в Исландии 870–1262 гг.*)

Итак, наиболее распространены следующие типы переводов обозначений БЭК:

1) перевод при помощи готового (т.е. употребляемого в выходном языке) эквивалента – алиенизма (с факультативным пояснением);

2) перевод при помощи созданного автором словаря эквивалента (также с факультативным пояснением);

3) перевод при помощи описательного эквивалента/толкования (также с факультативным пояснением).

II. Основные случаи применения толкования.

1) Если значение лексемы входного языка может быть в полном объеме передано только суммой частичных эквивалентов, то последние следует предварить объединительным толкованием. Об этом говорилось в другой связи, см. § 20.

2) Толкование требуется в тех случаях, когда элемент культуры народа входного языка хоть и наличествует у народа выходного языка, но, в силу особенностей развития языка, не получил особого наименования (ср. приводившийся пример рус. *гарнир,* норв. pålegg). Ср. далее: рус. *поганка* – норв. uspilelig eller giftig sopp 'несъедобный или ядовитый гриб', хауса gungama – рус. *сильный и храбрый мужчина,* хауса mado – рус. *изнасилование девственницы.*

3) Толкование необходимо, когда словом обозначается такой элемент культуры народа входного языка, который отсутствует у народа выходного языка, неизвестен ему и поэтому не имеет обозначения на выходном языке.

III. Требования к толкованию в двуязычном словаре.

Проблеме словарного толкования вообще посвящена огромная литература. В логике принято семь основных правил определения понятия (ниже следует краткий пересказ соответствующей статьи в работе: Кондаков 1975: 467–468):

1) Понятие определяется через ближайший род и видовое отличие (например, *квантовая механика есть раздел физики, изучающий движение микрообъектов*).

2) Определение должно быть соразмерным, т.е. объемы определяемого понятия и понятия, посредством которого определяется искомое понятие, должны быть одинаковы, соответственны.

3) Видовым отличием должен быть признак или группа признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих в других понятиях, относящихся к тому же роду.

4) Определение не должно содержать круга, т.е. определяемое понятие не должно определяться посредством такого понятия, которое само становится ясным только посредством определяемого понятия (пример такой ошибки: *идеалист – последователь идеалистических взглядов*).

5) Определение не должно быть только отрицательным.

6) Определение не должно быть логически противоречивым.

7) Определение должно быть ясным, четким.

В литературе подчеркивается, что определение понятия не может охватить признаки предмета всесторонне и исчерпывающе, оно отображает лишь наиболее общие и отличительные свойства предмета или явления. Между тем для лексикографии признаки второстепенные в ряде случаев также весьма существенны.

Существует ряд приемов, к которым прибегают, когда надо дополнить определение; в настоящей связи для нас особый интерес представляют описание и характеристика.

После этого краткого общего введения остановимся на тех аспектах определения, которые связаны с лексикографированием безэквивалентной лексики в двуязычном словаре.

Характер толкования, естественно, определяется в значительной мере особенностями толкуемого понятия. Поскольку чаще всего лексикографу приходится давать описания реалий, т.е. элементов культуры другого языкового коллектива, рассмотрим их.

Словарное толкование, как правило, должно содержать два основных элемента: описание реалии и описание ее функции. В отдельных случаях описывается также ее символическое значение.

1) **Описание реалии.** Оно должно быть достаточно полным, т.е. учитывать важнейшие признаки описываемого класса объектов. Как раз в этом отношении экономить место в словаре не следует.

Рассмотрим конкретные примеры:

«Суахили-русский словарь» 1961

kanu ... дикая кошка (вид *Boleogale puisa*)

Можно априорно утверждать, что для понимания ряда текстов на языке суахили этой информации будет недостаточно: пользователю не сообщается, каких размеров это животное, нападает ли оно на человека, используется ли его шкура, существует ли поверье, по которому встреча с этим животным предвещает беду или, напротив, удачу, и т.д. и т.п.

«Исландско-русский словарь» 1962

draga ... ; ~ sundur сортировать овец по загонам в соответствии с их клеймами на ушах (о некорректности такого перевода с точки зрения смешения собственно перевода и пояснения см. ниже).

Пользователю словаря неясно ни то, почему овец надо сортировать по загонам, ни то, что это за загоны, ни то, почему у овец на ушах клейма. На этом примере можно показать трудности, с которыми сталкивается лексикограф, дающий культурологический комментарий к лексемам. Дело в том, что в Исландии овец весной выгоняют в горы, где они без присмотра пасутся до осени. Каждый крестьянин (фермер) заранее особым образом клеймит своих овец – отрезает им часть уха (существует несколько десятков способов таких клеймений). Осенью все крестьяне округи под руководством «горного короля» (fjallkóngur) верхом отправляются в горы и сгоняют всех овец в общий для этого района загон, из которого овцы в соответствии с клеймами сортируются и перегоняются в небольшие загончики (по числу дворов), примыкающие к этому общему загону.

Вопрос о том, какие второстепенные признаки реалии должны быть отражены в толковании/пояснении в двуязычном словаре, достаточно сложен, и общего рецепта здесь, конечно, быть не может. С одной стороны, очевидно, что *все* признаки в двуязычном словаре никак отражены быть не могут, с другой – у нас фактически нет четких критериев, с помощью которых мы могли бы выделить из признаков реалии те, которые существенны, и те, которыми можно пренебречь, так что тут неизбежен известный субъективизм. Как сказано выше, сугубо логический подход при формулировании определения недостаточен, в частности потому, что при нем может оказаться неучтенным культурный компонент значения слова. Приведем несколько примеров.

В странах южного полушария, как известно, времена года календарно отличаются от времен года в северном полушарии. Например, в Аргентине или Мозамбике январь – летний месяц, а июль – зимний.

В России обедают большей частью в середине дня (ср. *закрыто на обед, обед с 13 до 14*) и ужинают вечером. В Норвегии у горожан дневная еда (на работе или на деловой встрече) называется lunsj 'ленч'; обедают, как правило, дома после работы часа в четыре-пять, а гостей приглашают к обеду на семь-восемь часов вечера; ужинают в российском понимании вообще редко.

В Исландии песок (sandur) лавового происхождения и поэтому темного цвета – коричневый или черный, а не светлый, как в большинстве стран. Со словом sandur по этой причине ассоциируется темный цвет.

Исландские лошади значительно меньше европейских и мохнатые.

Норвежские намогильные камни, как правило, относительно небольшого размера, достаточно скромные и, в общем, однотипные, независимо от состоятельности и/или заслуг умершего, чем они существенно отличаются от российских.

Здороваются и прощаются за руку в Норвегии значительно реже, чем в России, например, коллеги на работе жмут руку друг другу, когда давно не виделись. Напротив, в Норвегии пожимают руку человеку, сделавшему тебе подарок, что в России распространено меньше. По-русски в конце письма можно написать *жму руку*, точный норвежский эквивалент в такой ситуации невозможен.

Следует ли подобные факты отражать в двуязычных словарях?

Можно возразить, что подобная информация – вообще не задача двуязычного словаря. Бесспорно, однако, что невозможно правильно п о н я т ь многие иноязычные тексты, не обладая этими фоновыми знаниями (§ 20), и, следовательно, словарь в ряде случаев даст нам только возможность сделать словесный перевод, но не даст возможности понять смысл полученного таким образом текста. Ср.: «Слова не могут быть поняты правильно отдельно от выделенных феноменов культуры, символами которых они являются» (Nida 1945: 207). Поэтому ряд лексикографов выступает за то, чтобы двуязычный словарь также был краткой э т н о г р а ф и ч е с к и-к у л ь т у р н о й э н ц и к л о п е д и е й.

Учет в двуязычном словаре разнообразной культурной информации сопряжен со значительными трудностями, но они преодолимы. Конечно, двуязычный словарь не может включить в себя такую информацию с достаточной полнотой (как, например, специальный лингвострановедческий словарь), но очень многое может быть отражено. Приведем несколько примеров:

«Индонезийско-русский словарь» 1961

bemban 1) бембан (*вид кустарника,* Donax arumdastrumhour, *идущего на покрытие крыш и изготовление плетёных изделий*) ...
perawas перавас (*вид дерева,* Litaea odorifera, *из листьев которого приготовляют лекарство*)

«Кабардинско-русский словарь» 1957

тхъусе нож (*с изогнутым лезвием для изготовления ложек*)
жещгъуэль человек, приглашаемый на ночлег (*обычно женщиной, испытывающей страх, оставшись одной в доме*)

Особого внимания заслуживает вопрос графических иллюстраций (рисунков) в двуязычных словарях. Доказывать их пользу нет необходимости: при описании некоторых характеристик предмета, прежде всего его вида, словесные формулировки оказываются либо слишком громоздкими, либо вообще недостаточными. Например, практически во всех русско-иноязычных словарях рус. *валенки* переводится как 'сапоги из войлока', но представить себе их внешний вид по этому переводу нельзя. В работах по двуязычной лексикографии неоднократно ставился вопрос о целесообразности введения в словарь в нужных случаях рисунков, изображающих предмет, обозначаемый словом, однако используются они крайне редко. Между тем особых сложностей здесь нет. Полиграфическая сторона задачи значительно упрощается, если рисунки не вводить в корпус словаря (это действительно усложнит набор), а давать приложением в конце словаря (естественно с отсылками к ним из корпуса). Несколько десятков рисунков едва ли намного удорожат словарь (особенно при современной полиграфической технике), но значительно повысят его ценность. Опыт такой имеется.

В качестве примера можно назвать большой исландско-датский словарь Сигфуса Блёндаля (Blöndal 1920–1924), в приложении к которому дано несколько рисунков: исландской лодки и ее типов, клейм на овечьих ушах, исландской прялки, исландского ткацкого станка и тресковой головы (ее части – мускулы и кости – имеют в исландском языке несколько десятков названий, многие из них разные в различных диалектах). Рисунки помещены на четных страницах, их детали пронумерованы, а на нечетных страницах (напротив рисунков) под соответствующими номерами приведены названия.

Конечно, это только один из возможных типов рисунков в двуязычном словаре. Во многих случаях целесообразно дать изображение предмета.

Рисунки особенно важны для языков, культура говорящих на которых существенно отличается от культуры носителей выходного языка. К примеру, в хауса-русском (-английском, -немецком и т.д.) словаре был бы весьма полезен ряд рисунков – жилищ, утвари, одежды, некоторых животных и пр.

2) **Описание функции реалии.** Двуязычные словари часто не учитывают функции реалий. Несколько простых примеров.

Пользователь словаря должен знать, что *валенки* – не просто 'сапоги из войлока' и что их надевают в морозную погоду, но также и то, что в городах их теперь носят мало – только старые или больные люди. *Ватник* – рабочая или «демократическая» одежда, и пользователю нынешних русско-иноязычных словарей подтекст предложения *молодой доцент Х. ходил в университет в ватнике и валенках* не будет понятен.

В Англии яхт-клуб – объединение владельцев яхт (т.е. весьма состоятельных людей), в России – обычное спортивное общество.

В России грибы собирают практически все, в Скандинавии – единицы (преимущественно интеллигенция: у сельского населения против них давнее стойкое предубеждение).

«Deutsch-Russisches Wörterbuch» 1984 переводит существительное Hackepeter как 'рубленое свиное мясо, свиной фарш', но пользователю не сообщается, что это блюдо, которым угощают почетного гостя. У русского пользователя перевод *его угостили (сырым) свиным фаршем* вызовет в лучшем случае недоумение.

В Скандинавских странах портвейн (норв. portvin) – дорогое и часто даже изысканное вино, тогда как в России производится много очень дешевых (и скверных) сортов портвейна, и потому он излюбленный напиток русских алкоголиков.

Особенно важно то, что одинаковые реалии (предметы, действия) могут различаться своими функциями в двух данных языковых коллективах. Выше приводился пример того, как похожие жесты (кивание и покачивание головой) выполняют прямо противоположные функции у разных народов. Грузинский жест «подзывания» ('иди сюда') внешне похож на русский жест «отгона» ('уходи отсюда').

Говоря о функции реалий, коснемся смежного вопроса, не связанного с реалиями, а именно – вербального поведения (§ 20). Словарями недостаточно учитываются функциональные соответствия реплик-штампов, закрепленных за определенными ситуациями.

По-русски на вопросы типа *Как поживаешь?* (*Как дела?* и т.п.) принято отвечать: *Ничего* (молодежь теперь часто отвечает: *Нормально*), тогда как в Норвегии обычным нейтральным ответом является Bare bra досл. 'только хорошо'.

Русскому обращению в письме *уважаемый* в ряде языков соответствует не словарный эквивалент, а слово со значением 'дорогой'. Употребление в норвежском письме точного экви-

валента русского прилагательного *глубокоуважаемый* в подавляющем большинстве случаев будет воспринято как ирония или насмешка.

Функционально рус. *алло, да, слушаю* (*Вас*) и т.п. (реплике отвечающего на телефонный звонок) соответствует норвежское называние фамилии отвечающего (эвентуально с именем и/или добавлением слова værsågod 'пожалуйста'), таким образом, *алло* (*да,* (*я*) *слушаю Вас* и т.д.) ≈ например, (Per) Olsen (værsågod). В самое последнее время многие в такой ситуации используют имя (Per).

Норвежскому выражению bank i bordet досл. 'постучи по столу' соответствует рус. *не сглазь/не сглазить бы, плюнь через левое плечо, тьфу-тьфу*(*-тьфу*) и т.п.

Норвежской формуле ordet er fritt досл. 'слово свободно', употребляемой на собраниях, соответствует рус. *кто хотел бы взять слово?, прошу высказываться* и др.

Употребляемой во многих языках формуле 'простите/извините, вы не скажете, как пройти к ...?' во французском соответствует называние нужного места с добавлением слова 'пожалуйста', произносимое с вопросительной интонацией: ..., s'il vous plaît? (напр.: Champs Elysées, s'il vous plaît?).

Символическое значение лексемы словари отражают еще менее последовательно. Например, «Нидерландско-русский словарь» 1987 (как, впрочем, и многие другие словари, изданные в России или в других странах), ничего не сообщает о символических значениях цветов, ср. статьи bruin 'коричневый', zwart 'черный', wit 'белый' и др. (Отметим, например, что у японцев белый цвет символизирует печаль, и траурные одежды у них белого цвета.) Ни русско-иноязычные, ни русские толковые словари не сообщают, что *фикус* и *герань* еще недавно считались атрибутами мещанского уюта. Одно и то же животное в разных языковых коллективах может символизировать разные качества и свойства. Так, бык (stut) в Норвегии символизирует глупость, ср. han er en premiestut досл. 'он премированный бык', т.е. 'он полный идиот', а в России – силу. У ряда народов Африки заяц – символ мудрости, в европейских странах – трусости.

С л о в а р и н е п р е м е н н о д о л ж н ы о т р а ж а т ь и ф у н к ц и о н а л ь н ы е с о о т в е т с т в и я, и с и м в о л и ч е с к о е з н а ч е н и е л е к с е м.

3. **Типичные ошибки и неточности, допускаемые в толкованиях в двуязычных словарях.** Выше были рассмотрены требования, предъявляемые к логически правильным определениям. Анализ словарей показывает, что требования эти нередко не выполняются. Не ставя перед собой задачу проиллюстрировать нарушение каждого из семи правил определения понятия, отметим основные, наиболее частые недостатки.

1) Определения недостаточны, так как не включают в себя существенных признаков понятия:

«Новый большой англо-русский словарь» 1993

flaggelant... *церк. ист.* флагеллант (*член секты XIII века*). Пользователю неясно, что это за секта и в чем заключались ее характерные черты.

«Норвежско-русский словарь» 1963

birkebe(i)n(er) ... биркебейнер (*участник восстания 1174 г. в Норвегии*)
bagler ... *ист.* сторонник группы Николаса Арнесона (*эпохи гражданской войны в Норвегии XII—XIII вв.*).

Не сказано, за что выступали биркебейнеры и за что выступали баглеры, не указано, что биркебейнеры и баглеры были в этом конфликте враждующими сторонами. Кроме того, русскому пользователю едва ли известно, кто такой Николас Арнесон. (Отметим попутно, что во второй статье есть помета *ист.*, в первой она отсутствует.)

Довольно распространена в двуязычных словарях ошибка следующего рода. Эквивалентом слова входного языка берется этимологически родственное слово выходного языка без каких-либо комментариев, которые разъясняли бы различия в значении. В «Норвежско-русском словаре» 1963 слово gymnasium переведено безо всяких пояснений как *гимназия,* хотя в этом норвежском 3-классном учебном заведении (теперь вместо gymnas(ium) используется другое обозначение – videregående skole) учились после окончания 9-летней обязательной школы; есть и еще ряд различий между российской гимназией и норв. gymnas(ium).

2) Определения не включают в себя дифференциального признака понятия, отличающего его от других:

«Нидерландско-русский словарь» 1987

geus ... *ист.* гёз (*участник Нидерландской революции XVI в.*).

Определение недостаточно, так как оно приложимо и к противникам гёзов, также участвовавших в Нидерландской революции XVI в., но на противоположной стороне, – к сторонникам испанского правительства.

3) Не различаются общепринятые эквиваленты-алиенизмы и квазиэквиваленты – транскрипции переводимого слова, без комментария пользователю непонятные. Примеры приводились выше.

4) Существенной ошибкой многих словарей является смешение эквивалента (слова или словосочетания), предлагаемого в качестве перевода, и пояснения.

Рассмотрим некоторые примеры.

«Хауса-русский словарь» 1963

baraya ... обряд поминовения у хауса-язычников

Очевидно, что часть определения «у хауса-язычников» – пояснение и в эвентуальный перевод как таковое не войдет.

Аналогичную ошибку допустил и автор этой книги в «Исландско-русском словаре» 1962:

draga ... ; ~ **sundur** сортировать овец по загонам в соответствии с их клеймами на ушах (пример приводился выше в другой связи.).

Ясно, что части словарной дефиниции «овец» и «в соответствии с их клеймами на ушах» непосредственно в перевод текста включаться не будут.

«Норвежско-русский словарь» 1963

stavkirke ... старинная деревянная церковь своеобразной архитектуры (*в Норвегии XI–XV вв.*)

Очевидно, что, предлагая такие «эквиваленты», авторы словарей полагаются на интуицию пользователя и надеются, что, например, переводя норвежское словосочетание de gamle stavkirkers arkitektur ‘архитектура старинных деревянных церквей’, пользователь не будет дважды использовать слова *старинная* и *архитектура.*

Особенно частым неразличение переводной (эквивалентной) и поясняющей (метаязыковой) частей в словаре бывает при указании объекта действия, обозначаемого глаголом или отглагольным существительным. Ср. выше пример draga sundur: реально в тексте, конечно, может встретиться draga sundur fé (kindur и т.п.), где fé (kindur) – ‘овцы’. Далее:

«Норвежско-русский словарь» 1963

gane II ... потрошить сельдь, чистить селедку [Следует: потрошить, чистить (*сельдь*); ср. цитату из Александра Хьелланна « ... som skulle gane silden» ‘которые должны были потрошить селедку’.]

boning ... натирка полов, ср. boning av gulv, где gulv – ‘пол(ы)’

Нельзя сказать, что шрифтовое разграничение эквивалентов и пояснений – новое требование к двуязычной лексикографии, но, как явствует из примеров, на этот момент часто не обращается достаточного внимания.

Вместе с тем, видимо, нельзя предъявлять и излишне жестких требований к эквиваленту с точки зрения его возможности быть примененным в любом контексте. Японское слово *кая* первый раз в тексте может быть переведено как *сетчатый полог для защиты от москитов,* а затем в этом же тексте только как *полог* (пример Н.И. Фельдман). Возможны и более постепенные сокращения текста.

5) Неоправданной представляется практика комментирования эквивалентов, адекватно передающих значение переводимого слова и обладающих примерно такой же частотностью. Толкование таких слов не входит в задачу двуязычного словаря. В приводимых ниже примерах часть, набранная курсивом в скобках, не должна была быть включена в статью.

«Норвежско-русский словарь» 1963

bernardinerhund ... сенбернар (*порода длинношерстных собак*)
crawl ... *спорт.* кроль (*стиль плавания*)
canotier ... канотье (*головной убор*)
berggult ... охра (*минеральная краска желтого или красного цвета*)
poker ... покер (*азартная карточная игра*)
roquefort ... рокфор (*сорт сыра*) и др.

§ 22. Пометы. Как отмечалось в § 1, пометой называют слово – реже словосочетание, – которое большей частью приводится в сокращенной или условной (символической) записи и которое дает определенную характеристику: а) слову или словосочетанию входного языка либо их значениям, б) его переводящему эквиваленту, в) отношению между переводимой и переводящей единицами словаря. Примеры (для простоты в группах *а* и *б* приведены преимущественно стилистические пометы):

а) **чаяние** *книжн.*	**сука** ... **2.** *бран.*
свершение *высок.*	**Сева** *дериват от* ...
кручина *нар.-поэт.*	**как только, так сразу** *разг., шутл.*
ледышка *разг.*	**откинуть копыта {сандалии}** *сленг*
толкануть *прост.*	**жевать {пережёвывать} жвачку** *прям., перен.*
рюхи *обл.*	

б) **склонность** ... hang *неодобр.*
промазать ... skødde (*в футболе – прост.*)
склероз ... sklerose *спец.*
в) **отлично** ... IV ... ≈ *соотв.* ...
хахаль ... ≈ ...

В России, как и во многих других странах, пометы принято давать курсивом и без скобок.

Иногда используются пометы-символы, например, миниатюрное изображение якоря означает 'относящийся к морскому делу', изображение ноты – 'относящийся к музыке', изображение весов – 'относящийся к юриспруденции' и т.п.

При всей своей условности пометы должны быть максимально понятными, недвусмысленными и требующими минимального обращения к списку помет (сокращений и условных знаков), применяемых в словаре.

Введение помет в лексикографическую практику было в свое время большим шагом вперед и сыграло важнейшую роль в развитии словарного дела. Современный словарь немыслим без обширного набора разнообразных помет, порой насчитывающего несколько десятков.

Многообразие помет может быть сведено к следующим группам: 1) грамматические; 2) стилистические; 3) оценочные; 4) частотные; 5) ареальные; 6) отраслевые; 7) степени соответствия эквивалента; 8) степени охвата значений; 9) отсылочные.

Некоторые из этих помет рассматривались по ходу изложения выше. Так, в разделе о грамматической характеристике слова был рассмотрен ряд грамматических помет, в параграфе о стилистической характеристике слова – некоторые стилистические пометы; затрагивался вопрос об отсылочных пометах и т.д. В данном параграфе мы остановимся на вопросах, не получивших в предшествующем изложении освещения или требующих дальнейшего уточнения.

1. В области употребления стилистических помет следует различать: а) собственно стилистические пометы, б) пометы, характеризующие степень «серьезности», и в) пометы, характеризующие степень «грубости». К первым относятся пометы типа *книжн., разг., нар.-поэт.* (=народно-поэтическое) и аналогичные, ко вторым – *шутл., ирон.* и т. п., к третьим – *груб., вульг., табу.*

В области собственно стилистических помет автор двуязычного словаря в основном полагается на данные толкового словаря входного языка (естественно, когда такой словарь существует), порой корректируя эти данные. Дело в том, что толковые словари в отношении собственно стилистических помет часто допускают некоторые неточности, важнейшие из которых таковы:

1) Авторы их склонны переоценивать разговорный – шире, сниженный – характер ряда лексем, снабжая их стилистическими пометами типа *разг.* и даже *прост.*, тогда как эти единицы вполне употребительны в нейтральном стиле. В целом в настоящее время в мире происходит процесс демократизации литературных языков, и многие слова, ранее воспринимавшиеся как относящиеся к сниженным стилям, ныне являются нейтральными.

2) В одноязычных словарях ряда стран лемма иногда одновременно снабжается несколькими стилистическими пометами (например, *разг., прост., груб.*), что ставит автора двуязычного словаря в затруднительное положение. Подобную практику ни в коем случае не следует поощрять. Разговорная лексика вполне допустима в непринужденном общении образованных людей, в определенной мере она встречается и в официальных выступлениях (часто сопровождаемая словами типа *как говорят, по народному выражению* и т.п.). Просторечная лексика в этих сферах применения языка возможна лишь как сознательный стилистический прием, и в этих контекстах такие единицы носят, как правило, характер умышленной цитации. Иное дело – комбинация помет подгрупп *а* и *б*, *а* и *в*. Другими словами, одновременное употребление помет типа *разг., прост.* достойно осуждения, тогда как одновременное употребление помет вроде *разг., неодобр.* вполне допустимо.

3) Помета *вульг.* (= вульгарное слово или выражение) используется в словарях (прежде всего одноязычных, в меньшей мере в двуязычных, поскольку вульгаризмы вообще недостаточно включаются в последние) в трех разных значениях. Во-первых, этой пометой снабжаются сугубо неправильные формы, единодушно осуждаемые всеми образованными людьми, например рус. *ейный, они* («почтительно» вместо *он, она*), *ложи́, положь* (вместо *положи*), в том числе и формы, неверные по фонемному составу (*тубаретка, сосиськи, мармалад, валасапед*, впрочем, такого типа формы в словари, как правило, вообще не попадают) или с нелитературным ударением (*на́чать, поло́жить*). Во-вторых, ею снабжаются «неприличные» слова (например, рус. *титьки*, синонимы *мудак, мудила, мудозвон*, частица *бля*), обозначающие, в принципе, понятия, сами по себе нейтральные. Наконец, в-третьих, эта помета ставится при табуированной лексике, как правило, обозначающей «неприличные» наименования неэстетических понятий либо понятий

табуированных (названия гениталий и их частей и т.п.). Отметим то важное обстоятельство, что в лексикографической практике многих стран, включая Россию, последние два разряда лексики вообще не включаются в словари (в том числе и одноязычные), так что пассивный пользователь двуязычного словаря лишен возможности узнать значение таких лексем (и при необходимости адекватно перевести их на родной язык); лексемы первой группы также, в общем, в словарях избегаются. Подобная практика представляется в корне неверной — как по существу, так и по форме.

Во-первых, как уже говорилось, пользователь словаря может иметь дело с самыми разными текстами, т.е. отнюдь не только с литературными. Не дело автора словаря определять, какие слова и словосочетания, в том числе «неприличные», пользователю словаря знать положено, а какие нет: лексикограф, как уже говорилось, не дуэнья, в его задачу не входит блюсти лексическую невинность пользователя. Отсутствие в двуязычном словаре употребительных сниженных единиц наносит пользователю словаря немалый ущерб. (Во второе издание своего «Русско-норвежского словаря» (РНС 1994), выпущенное — что существенно — в Норвегии, автор этой книги внес множество грубых и «неприличных» слов, как русских, так и норвежских (в качестве эквивалентов), что приветствовалось норвежскими русистами.)

Во-вторых, неправильные, осуждаемые формы также желательно включать в двуязычный словарь — разумеется, с соответствующими пометами. Ведь если человек говорит *тубаретка, нáчать, евонный* — это свидетельствует о его уровне владения литературным языком (т.е., в конечном счете, культурном уровне).

В-третьих, целесообразно разделить многозначную, как показано выше, помету *вульг.* на несколько более точных. Можно рекомендовать следующее:

а) При неправильных формах (типа *ейный*) целесообразно ставить помету *неправ.* (в особых случаях *неправ., недопуст.*) и отсылать к правильной. Оправдана также помета *неправ. вместо...* .

Можно рекомендовать отмечать случаи, когда та или иная форма хотя и получила распространение, но стилистами осуждается, например:

РНС-1994

одеть ... **2.** *разг. см* надеть (*utbredt bruk som fordømmes av stilister*) [Перевод: распространенное употребление, осуждаемое стилистами].

б) Грубые или вульгарные слова, обозначающие сами по себе нейтральные понятия (хотя иногда и содержащие резко неодобрительные коннотации) и являющиеся синонимами обычных слов, снабжаются пометами *груб.* или *вульг.* — в зависимости от степени «грубости» слова, например, **сопли** *груб.*, **говнюк** *вульг.*

в) «Неприличные» слова снабжаются пометой *табу* (естественно, на языке активного пользователя). В РНС-1994 помета *tabu* нередко усиливается одним, двумя и даже тремя восклицательными знаками — в зависимости от степени «неприличности», например, *я* **положил на** *это tabu!...* .

Как уже говорилось (§ 20), стилистические координаты лексемы или одного из ее значений могут лежать между жестко выделенным для данного языка (для данного словаря) количеством стилей. Здесь полезно было бы вводить уточняющие наречия типа *скорее, слегка, весьма* и аналогичные (по сути дела, аналогичную функцию выполняет количество восклицательных знаков при помете *табу*, см. предыдущий абзац). Это, конечно, в первую очередь задача одноязычной лексикографии, в целом не решенная, за исключением нескольких толковых словарей (например, «Norsk riksmålsordbok» 1983), где она, впрочем, осуществлена не в полной мере.

Само количество стилей, выделяемых для отдельного языка, также в ряде случаев нуждается в некотором уточнении. Так, представляется оправданным выделение литературно-разговорного стиля — шутливо-иронического стиля, характерного для непринужденной речи образованных людей. К нему относятся, например, рус. *откланяться, словоизвержение, бурный* (в сочетаниях *бурный роман, бурное прошлое* и аналогичных), *апартаменты* 'квартира, комната', *моя дражайшая половина, отпрыск* 'сын', *чадо, великовозрастный, лицезреть, возлияние, седалище* '1. зад 2. сиденье' и т.п. Кстати, этот стиль особо выделяется в стилистике некоторых стран. Далее, редко и непоследовательно выделяется характерный для многих стран канцелярский, или административный (бюрократический), стиль, которому свойствен, помимо синтаксических особенностей, определенный набор лексем, особенно устойчивых словосочетаний типа рус. *мы, нижеподписавшиеся, во изменение* (*приказа, распоряжения*), *во исполнение ... , дана настоящая справка* и т.п. Оправданным представляется и использование в отдельных случаях пометы *офиц.* (= официальное), когда лексема не употребляется в обычной речи, например, рус. *электропоезд* (в неофициальной речи только *электричка*).

С известной условностью к стилистическим пометам могут быть отнесены *детск.* (= детское) и *уст.* (= устарелое).

Строго говоря, помета *детск.* указывает не на стиль, а на возрастной контингент, который использует эту лексему сам и в разговоре с которым она может использоваться. Впрочем, шутливо «детские» лексемы могут употребляться и взрослыми.

Помета *уст.* – в сущности, не стилистическая, а хронологическая. Однако стилистически она в большинстве случаев равна помете *высок.*

В связи со стилистической характеристикой слова в двуязычном словаре надо затронуть еще один вопрос, а именно, об отношении лексикографа к некоторым лексемам. Как известно, в речи некоторых людей используется немалое количество пошловатых и просто пошлых лексем, некогда, вначале, возможно, и воспринимавшихся как шутливые, но в настоящее время людьми образованными и обладающими вкусом не употребляемых. К таким лексемам в русском языке относятся, например, на наш взгляд, *наше вам* (*с кисточкой*), *зряплата* (зарплата), *бутыльброд* (бутерброд), *кушайте на здоровье* (ответ на благодарность, не связанную с угощением), *как жизнь молодая?, как живёте, как животик?, как тебе не ай-ай-ай!, отчаяться* (попить чаю), *ситуёвина, ржачка* и т.п. Как уже отмечалось, пассивный пользователь словаря многие такие единицы запоминает и нередко стремится потом их использовать, говоря на иностранном языке, с чем лексикограф обязан считаться. Вряд ли будет удачно, если, к примеру, образованный француз или швед, узнавший из словаря, что выражение *наше вам с кисточкой* просто «*шутл.*», станет сам употреблять его или, подарив российскому коллеге-профессору свою книгу, ответит тому на благодарность словами *кушайте на здоровье.* Лексикографы остерегаются давать оценки такого рода единицам. Однако, думается, было бы оправданным пользоваться в словарях пометой *не реком.* (= не рекомендуется) не только, как это сейчас делается, в отношении моментов фонетических и грамматических, но и некоторых лексических. Трудности здесь вполне преодолимы, хотя известного субъективизма, видимо, не избежать.

2. Как говорилось выше (§ 20), о ц е н о ч н ы е пометы используются в словарях (как одноязычных, так и двуязычных) недостаточно. Напомним, что речь здесь идет не о лексемах, обозначающих понятия, к которым говорящие относятся отрицательно или положительно (*измена, нищета, нечистоты*; *верность, достаток, обязательность*), или о тех, которые сами по себе выражают оценку (*скверный, подлость, дальше ехать некуда*; *превосходно, выше всяких похвал*), а о лексемах, обозначающих понятия, сами по себе нейтральные, но в дополнение содержащие оценку (*молодчик, скопище, вояж, крепыш*).

В сущности, из оценочных характеристик в практике двуязычной лексикографии используются почти исключительно отрицательные – *неодобр., пренебр., презр., уничиж.* и т.п., грань между которыми, кстати, не всегда достаточно четкая. В просмотренных нами списках сокращений при ряде словарей не встретились положительные оценочные пометы типа *почт.* (= почтительное), *полож.* (= положительное) или аналогичные. В тексте словарей оценочная коннотация в лучшем случае дается описательно. Например, в мусульманских странах слово со значением ‘учитель’ используется как почтительное обращение. Ср. подачу в «Хауса-русском словаре» 1963:

> **малам** ... 2) ма́лам (*форма вежливого или официального обращения к человеку*)

3. Ч а с т о т н ы х помет обычно используется всего две – *редк.* (= редкое) и *малоупотр.* (= малоупотребительное); они комментариев не требуют. Пометы эти, впрочем, мало используются при леммах в целом: редкие и малоупотребительные слова обычно просто не попадают в словник. Чаще они используются при отдельных значениях переводимого слова.

Фактически функцию этих помет выполняют толкования при эквивалентах: автор словаря, давая толкование, исходит из того, что данная лексема в выходном языке столь редкая, что пассивный пользователь может ее не знать, а активный предупреждается о том, что этот эквивалент может быть непонятен говорящим на выходном языке. Например:

«Нидерландско-русский словарь» 1987

> **de Staten-Generaal** Генеральные штаты (*парламент Нидерландов*)

«Абазинско-русский словарь» 1967

> **нарт** *фольк.* нарт (*в народных преданиях – человек, принадлежащий к богатырскому племени нартов*) [Попутно отметим небезупречность определения: *нарт... нартов.*]

Сказанное относится не только к эквивалентам-алиенизмам. Иногда в качестве эквивалентов предлагаются (и оправданно) областные и/или устарелые слова, и автор словаря, резонно полагая, что это редкое слово неизвестно пользователю, дает к нему комментарий. Ср.:

«Абазинско-русский словарь» 1967

щапIкIыга ярлы́га (*длинная палка с наконечником в форме крючка для захвата задней ноги у овец при их ловле*)

«Кабардинско-русский словарь» 1957

жэндаур подвязка барка́ (упряжного валька пароконной телеги) к телеге со стороны более сильной лошади (*это облегчает более слабую или усталую лошадь*) [На неправильности лексикографического оформления этого перевода мы здесь не останавливаемся, см. § 21]

Удмуртско-русский словарь» 1948

сюлыс лоток, се́льница (*полукруглая вогнутая доска для муки*)
сиктан ... 2) кото́чник (*инструмент для плетения лаптей*)
слань *обл.* стлань (*дорога, вымощенная жердями*)

Важные, с лексикографической точки зрения, случаи резкого расхождения в частотных характеристиках эквивалентов. Многие из них пользователь может сам определить, исходя из своих, пусть даже скромных, знаний о жизни другого языкового коллектива. Португалоязычный пользователь «Португальско-русского словаря» 1961, вероятно, сам сообразит, что эквивалент «испанский дрок» португальского слова esparto вряд ли будет понятен русскому. Сложнее случаи, когда для определения такого расхождения требуются специальные страноведческие знания. Так, маловероятно, чтобы русский, нашедший в русско-норвежском словаре норвежский эквивалент слова *судак* (gjørs), знал, что слово gjørs настолько малоупотребительно в норвежском, что большинство норвежцев его даже не знает, и поэтому он должен быть предупрежден об этом. Аналогично, для исландца lundi – обычное, весьма употребительное слово, тогда как его русский эквивалент *ту́пик* (птица отряда чистиковых) низкочастотен и многим непонятен.

Подобное резкое расхождение частотности переводимой лексемы и эквивалента – без предупреждения пользователя об этом – особенно ярко проявляется в области пословиц и поговорок. Нередко авторы словаря стремятся во что бы то ни стало перевести распространенную поговорку или пословицу входного языка пословицей или поговоркой выходного языка, порой с огромным трудом и затратой массы времени находя ее эквивалент, никому не известный (в том числе и самому автору). Примеры:

«Итальянско-русский словарь» 1963

in bocca chiusa non c'entran mosche *посл.* ≅ кстати промолчать, что большое слово сказать [Здесь, отметим попутно, был бы оправдан перевод *слово – серебро, а молчание – золото.*]
fame affoga fama *посл.* голод и лжёт и крадёт
scherza co' fanti e lascia stare i santi *посл.* ≅ шути, да осторожно, а то в беду попасть можно

В этом словаре можно найти десятки аналогичных случаев.

Подобное решение представляется неверным: активный пользователь словаря будет употреблять единицу, неизвестную говорящим на выходном языке.

Между тем есть ряд апробированных решений переводов паремиологических единиц (т.е. пословиц, поговорок и т.д.), не имеющих достаточно известных соответствий в выходном языке. Вот некоторые из наиболее распространенных:

а) Дается в кавычках дословный перевод пословицы или поговорки, а затем после знака примерного равенства приводится более или менее близкая по смыслу пословица или поговорка.

РНС-1994:

курица по зёрнышку клюёт, да сыта бывает *посл.* «høna plukker korn etter korn og blir mett», ≈ mange bekker små gjør en stor å [Перевод: много ручейков образуют речку.]
конь о четырёх ногах, да (и тот) спотыкается *посл.* «hesten har fire bein, men også den kan snuble», ≈ selv den gode Homer kan sove iblant [Перевод: даже славный Гомер иногда засыпает.]

б) Дается дословный перевод пословицы или поговорки и при необходимости раскрывается смысловое содержание.

«Абазинско-русский словарь» 1967 (примеры приводятся в несколько измененном виде; для экономии места абазинский текст не приводится; кавычки в оригинале отсутствуют):

... «когда вороне дали глаза, она потребовала и брови»
... «он иглой колодец роет» (*о бессмысленном занятии*)
... «плохому [человеку] отдай и бурку и шапку – и оставь его» (*т.е. не общайся с ним*)

РНС-1994:

собака лает, ветер носит *посл.* «hunden bjeffer, og vinden tar lyden», *dvs.* sladder, rykter *o.l.* er ikke noe å bry seg om [Перевод: на сплетни, слухи и т.п. не надо обращать внимания.]

пеший конному не товарищ *посл.* «den ridende og den gående kan ikke være reisefeller» (*om personer med forskjellig stilling el. karakter*) [Перевод: о людях разного положения или характера.]

в) В принципе возможен и диалектный эквивалент.

РНС-1994:

дают – бери, бьют – беги *посл.* ≈ *dial.* ein skal ta imot når det bydst – d'er 'kje sagt det vert bode tvo gonger [Перевод: бери, когда предлагают – совсем не обязательно предложат еще раз.]

4. К числу помет, относительно мало употребляемых в двуязычных словарях, относятся и а р е а л ь н ы е, т.е. указывающие на территориальное распространение лексемы. Отсутствие такой пометы означает, что лексема употребляется на всей территории, на которой говорят на данном языке.

Как говорилось в § 9, следует различать три вида лексем, ограниченных в своем территориальном распространении в пределах определенной языковой области: региональные дублеты, периферийные термины и собственно диалектизмы. Эти три группы требуют несколько разного лексикографического подхода.

1. Р е г и о н а л ь н ы е, или т е р р и т о р и а л ь н ы е, д у б л е т ы (регионализмы, региональные варианты) характерны, в первую очередь, для двух видов языков. Они встречаются достаточно широко: 1) когда на данном языке говорят в нескольких странах, 2) когда язык используется на обширной территории и характеризуется или характеризовался ранее значительной диалектной раздробленностью.

1) Когда язык распространен в нескольких странах, как, например, английский, испанский, немецкий, португальский, лексемы или их значения, употребление которых ограничено одной или несколькими странами, снабжаются пометами, в сокращенном виде обозначающими эти страны или регионы, например:

«Испанско-русский словарь» 1988:

irrire *Бол.* (= 'Боливия'] ...
canarreo *Куба*...
campusano ... *Арг.* ['Аргентина'], *Пан.* ['Панама'], *Ур.* ['Уругвай'], **campuso** ... *Ц. Ам.* ['Центральная Америка'] ...
manga ... 9) *Сал.* ['Сальвадор'] ... 10) *М.* ['Мексика'] ...

«Португальско-русский словарь» 1961:

nortista *браз.* ['бразилизм'] ..
mãe-d'agua ... 3) *браз.* ...
raia ... 5) *браз.* ... 6) *браз.* ...

«Cappelens store engelsk-norsk ordbok» 1968:

fat cat ... *US* ... ['США']
baggage ... **1** (*esp. US*) ... ['особ. США']
kirk ... (*Scot*) ... ['Шотландия'] ...
kar(r)oo ... (*S-Afr*) ['Южная Африка'] ...
Alb. ... (*Can*)... ['Канада'] ...
bheesty ... (*Anglo-Ind*)... ['англо-индийское'] ...

«Нидерландско-русский словарь» 1987

mishand ... *ю.-нид.* ... ['южнонидерландское']
moefen ... *ю.-нид.* ...
parlement ... 2) *ю.-нид. шутл.* ...

Многие словари с входным немецким используют пометы *австр.* (= австрийское), *швейц.* (= швейцарское) и др.

2) Региональные дублеты в пределах одной страны обычно затруднительно привязать к какой-либо конкретной административной единице. Действительно, *проездной* (*билет*) в Петербурге называют *карточкой*, но лексикограф не располагает информацией о том, используется ли слово *карточка* в других северных городах России (например, в Новгороде, Пскове и др.). Поэтому обычно избирается более «осторожный» вариант – указывается регион страны типа *сев., южн.* и др. Нередко пометы в таких случаях вообще не ставятся.

2. П е р и ф е р и й н ы е т е р м и н ы, т.е. слова, которые обозначают понятия, не играющие существенной роли в жизни всего языкового коллектива, специфические прежде всего для сельской, негородской жизни и не связанные с какими-либо конкретными диалектами, особой пометы в двуязычной лексикографии не получили. Обычно для них используются – не вполне корректно – те же пометы, что и для собственно диалектизмов, т.е. *обл., диал.* и их аналоги в других языках. Впрочем, ввиду своей низкой частотности они вообще ограниченно включаются в двуязычные словари.

3. С о б с т в е н н о д и а л е к т и з м ы, как отмечалось выше, вводятся в двуязычные словари, в общем, в ограниченном объеме. Как и в случае 1.2), их затруднительно привязать к какой-либо конкретной местности, и в словарях предпочитаются про-

стые пометы типа *диал.* В российской лексикографической традиции по отношению к русским словам, как правило, дается помета *обл.* (= областное); она все шире применяется в российской лексикографии и по отношению к другим языкам.

Для некоторых языков, однако, лексикографы считают возможным дать несколько более точную диалектную привязку, например, с помощью пометы указать на диалект или часть страны, где распространена данная лексема.

Например, в «Испанско-русском словаре» 1988 отмечаются не только страны, где распространена та или иная лексема (примеры см. выше), но и области Испании:

espartar ... *Анд., Ар.* ... (Анд. = Андалузия, Ар. = Арагон]
ludio ... *Эстр.* ... [Эстр. = Эстремадура]

В «Абазинско-русском словаре» 1967 при помощи пометы *шкар.* последовательно обозначаются лексемы ашхарского диалекта:

къвдыр *шкар.* ...
кваршы *шкар.* ...

«Удмуртско-русский словарь» 1948

шайкорос *сев.* ...
чарнык *сев.* ...

5. Особого внимания заслуживает вопрос об о т р а с л е в ы х (специальных, терминологических) пометах.

Отраслевые пометы распадаются на две неравные группы. К первой из них относятся собственно отраслевые пометы (далее в изложении слово «собственно» будет опущено), ко второй – пометы профессиональных жаргонизмов.

1) В практике как двуязычной, так и одноязычной лексикографии принято снабжать многие слова такими пометами. В общем, в каждом словаре можно найти примеры типа **интермедия** *театр.* ... , **префикс** *грам.* ... , **детерминизм** *филос.* ... , **рота** *воен.* ... , **слепень** *зоол.* ... , **фабула** *лит.* ... , **чеснок** *бот.* ... и т.д. Как видно из приведенных примеров, отраслевыми пометами снабжаются не только термины в собственном смысле слова, но и обычные, «бытовые» слова типа *слепень, чеснок.*

Последовательности в этом отношении, в общем, не наблюдается, примеры чему можно найти почти в каждом словаре. В одном русско-французском словаре слово *слон* дано с пометой *зоол.*, а слово *жираф* – без пометы, зато в одном русско-английском словаре положение обратное; существительное *слон* не имеет пометы, но слово *жираф* дано с пометой *зоол.* Порою совершенно однотипные слова даются то с отраслевой пометой, то без нее. Например, в «Румынско-русском словаре» 1953 с пометами даны слова **streptococ** *мед.* 'стрептокок', **presbitie** *мед.* 'дальнозоркость', **hidrogen** *хим.* 'водород' и без помет **pneumococ** 'пневмокок', **miopie** 'близорукость', **oxigen** 'водород'. Примеров подобной непоследовательности можно привести тысячи.

Общераспространено мнение, что такие терминологические, или отраслевые, пометы не только целесообразны, но и необходимы. Один известный советский лингвист писал, что ни у кого нет сомнения в том, что названия, например, таких животных, как *зубр, як* или *гну,* необходимо сопровождать специальной пометой. Представляется, что это общераспространенное мнение ошибочно, и отраслевые пометы употребляются в подавляющем большинстве случаев неоправданно.

Вернемся к одному из приведенных выше примеров из «Румынско-русского словаря»: **presbitie** *мед.* 'дальнозоркость' и **miopie** 'близорукость'. Дает ли нам помета *мед.* действительно какую-либо информацию, дополнительную по отношению к понятному нам эквиваленту 'дальнозоркость'? Недостаточна ли информация 'близорукость' о слове **miopie** без пометы *мед.*? На оба вопроса напрашивается отрицательный ответ. Ничего не дают нам ни помета *бот.* при слове *сирень*, ни помета *зоол.* при слове *аист,* ни помета *мат.* при слове *слагаемое,* ни помета *авто* при слове *карбюратор.* Особенно наглядно видна неинформативность отраслевых помет в случаях, когда при эквиваленте дано пояснение, раскрывающее значение, вроде **rago** *бот.* маниока (*корнеплод, Manihot ultissima*) («Хауса-русский словарь» 1963). П о м е т ы к а к т а к о в ы е п р и э к в и в а л е н т а х, з н а ч е н и е к о т о р ы х и з в е с т н о п о л ь з о в а т е л ю, и з б ы т о ч н ы. Изъятие их из словарей дает значительную экономию места, которое можно использовать для другой, более нужной информации, прежде всего для более полного описания реалий, о чем говорилось в предыдущем параграфе.

Дают ли пользователю что-либо отраслевые пометы в тех случаях, когда значение эквивалента ему неизвестно? Очень немного. Предположим, что пользователю ...-русского словаря встретилась подача «... *мор.* жвака-галс» и что термин *жвака-галс* ему неизвестен. Помета позволит ему предположить все что угодно, связанное с морским делом, – что это 'курс судна', 'какой-то элемент судна', 'вид шлюпки', 'снасть', 'вид морского узла' и т.д. У пометы в таком случае два возможных назна-

чения: она либо отошлет пользователя к специальному одноязычному терминологическому словарю (которые, кстати, есть далеко не для всех языков, а если есть, то, как правило, недоступны пользователям в другой стране), либо — что вероятнее — приведет его к мысли, что ему вообще незачем устанавливать значение этого специального термина. Напомним к тому же, что обычно значения низкочастотных эквивалентов в двуязычных словарях раскрываются, чему было приведено достаточно примеров в предыдущем параграфе.

С нашей точки зрения, отраслевые пометы целесообразно использовать только как средство семантизации для разграничения значений многозначных слов и для разграничения омонимов. Например:

канал ... **2.** *тех.* ... **3.** *анат.* ... **4.** *ТВ*...
полоса ... **6.** *полигр.* ...
гамма ... **I 1.** *муз* ... **2.** *перен.* ...
диафрагма ... **1.** *анат.* ... **2.** *фото, кино* ...
дивизион ... **1.** *мор.* ... **2.** *арт.* ...
ферма I ... *с.-х.* ...
ферма II ... *стр.* ...

Но и в этом случае нужна известная осмотрительность. Дело в том, что отраслевые пометы прежде всего относятся к терминам. По этой причине использовать их для семантизации «бытовых» слов не рекомендуется. Для разграничения омонимов *язык* I и II, на наш взгляд, подачи **«язык** I (*орган*)» или **«язык** I (*часть тела*)» предпочтительнее, нежели **«язык** I *анат.»,* а для разграничения значений слова *жар* вариант **«жар** ... **2.** (*повышенная температура*)» естественнее, чем **«жар 2.** *мед»*.

Отраслевая помета в некоторых случаях (когда смысл ее не вполне ясен) может требовать дополнения:

сухой ... **12.** *тех.* (*действующий или производимый при отсутствии влаги*) ...

Нынешнее злоупотребление отраслевыми пометами неудачно еще и потому, что ставит на одну доску разные пласты лексики в области какой-либо науки или техники (подробнее об этом см. Берков 1977:135). Для терминов, которые действительно употребляются только в среде специалистов, в РНС и БНРС использовалась помета *спец.,* ср. **диабет** ... sukkersyke ...; diabetes ... *спец.*; ср. также пример **sklerose** ... в начале этого параграфа.

В заключение этого раздела остановимся на одной частности — неточности, связанной с употреблением пометы *этн.* при

эквивалентах обычных, «бытовых» слов в языках некоторых народов Африки и Азии. Слово языка суахили **mteja** ‘человек, прошедший церемонию изгнания злых духов’, снабженное в словаре пометой *этн.,* конечно, в этом языке не этнографический термин, хотя сама церемония изгнания злых духов может быть объектом этнографического исследования. Ср. также примеры в § 21. По сути дела, помета *этн.* в таких случаях означает ‘слово, выражающее понятие, которое отражает специфический элемент быта — обычай, ритуал и т.п. — данного народа’. Характерно, что эта помета не ставится в аналогичных случаях в отношении «культурных» народов: строго говоря, русские лексемы типа *новоселье* (праздник), *штрафная, последний звонок* (торжественное окончание школьных занятий) — явления того же плана.

2) Профессиональные жаргонизмы вообще вводятся в обычные двуязычные словари весьма ограниченно. Для них целесообразно использовать сочетание пометы *разг.* и соответствующей отраслевой пометы, например:

рубка ... **4.** *разг. спорт.* (*ожесточённая борьба*)...

6. Пометы степени соответствия эквивалента значению переводимой лексемы или какому-либо из ее значений можно разделить на три основные группы: показатели полного соответствия, показатели приблизительного соответствия и показатели несоответствия.

1) Важнейшим, самым употребительным показателем полного соответствия является отсутствие какой-либо пометы, например, РНС:

жатка ... meiemaskin *-en, -er*

В некоторых случаях функционального или этимологического соответствия используется помета *соотв.* (= соответствует). Примером могут служить личные имена, ср. РНС:

Лидия ... Lidija; *соотв.* Lydia
Лев ... Lev; *соотв.* Leo; ...

Особо следует остановиться на случае (который затрагивался выше в другой связи) дополнительных переводов. Нередко словосочетанию входного языка соответствует в выходном языке дословный (поэлементный) перевод, но, кроме этого, возможен и иной, «идиоматичный» перевод. В целях экономии места поэлементный перевод может не приводиться, а даваться только второй, предваренный пометой *также*; см. об этом § 12.

Встречается и иной вид дополнительных переводов: когда к точному соответствию со знаком примерного равенства добавляется близкий по значению употребительный эквивалент, например:

завестись с полоборота ... б) *перен. разг.* ...; ≈ ...

2) Основная помета примерного соответствия – знак приблизительного равенства (≈; вариант – ≅); он применяется в ряде стран. В принципе, он нежелателен без комментариев, поскольку не сообщает малоподготовленному пользователю, в чем состоит эта «приблизительность».

Этот знак применяется для показа приблизительного семантического, функционального или стилистического соответствия. Ср. РНС-1994:

жених ... **4.** *шутл.* (*о большом мальчике*) ≈ en voksen mann [Перевод: взрослый мужчина.]
калиф на час ≈ konge for en dag [Перевод: король на (один) день.]

Этот знак часто используется при сопоставлении не вполне идентичных реалий (обычно в варианте ≈ *соотв.*) и особенно при передаче пословиц (примеры из того же словаря):

doktorant... ≈ *соотв.* forskningskandidat, universitetsstipendiat
кашу маслом не испортишь *посл.* ≈ det er ingen sak med den pølsa som er for lang [Перевод: не беда, если колбаса слишком длинная.]

Подробнее о передаче пословиц и поговорок говорилось выше в этом параграфе.

Аналогично пословицам и поговоркам переводятся крылатые слова. Проблем не возникает, когда данная цитата восходит к одному источнику, например, к Библии, античной культуре или мировой литературе (ср., однако, § 12). Сложнее обстоит дело с передачей крылатых слов, особенно из поэзии, восходящих к источнику на входном языке (например, к национальной литературе). Здесь автору словаря приходится либо использовать уже существующий художественный перевод, либо самому делать его (в этом случае рекомендуем использовать кавычки), либо находить соответствующую по смыслу цитату из литературы на выходном языке. Например, в РНС:

уж полночь близится, а Германна всё нет (*опера «Пиковая дама», либретто М. Чайковского*) ... ≈ hvor bliver Ormen lange?

kommer ikke Olav Trygvason? (*Bjornstjerne Bjørnson*) [перевод: где Длинный змей (название корабля)?, не близится ли Олав Трюгвасон?]
будет буря, мы поспорим, и поборемся мы с ней (*Н. Языков*) «blir det storm, så skal vi trosse sjø og vind og holde stand»

Отметим попутно, что крылатые слова на выходном языке можно использовать как эквиваленты ФЕ. Ср. РНС:

воин ... ◊ **один в поле не** ~ *посл.* ≈ håpløs er en ensom kriger (*Ibsen*)

В некоторых словарях для передачи приблизительного стилистического соответствия используется, как отмечалось, вертикальный знак приблизительного неравенства ‖S.

3) Показатель несоответствия применяется в двуязычных словарях, к сожалению, очень редко. Его задача состоит в том, чтобы предупредить пользователя либо о различии значений этимологически сходных слов, либо о различии в смысловой структуре (разном количестве значений) таких слов, либо, наконец, в том, чтобы предостеречь его от перевода, кажущегося ему естественным, но имеющего совсем другое значение. Иными словами, задача показателя несоответствия – п р е д о с т е р е ч ь п о л ь з о в а т е л я о т о ш и б о к.

Покажем это на примере РНС, где, чтобы особо обратить внимание пользователя на этот момент, как правило, ставился знак NB:

мезонин ... kvist ..., kvistkammers ... (NB ≠ *mesanin*). Норвежское слово mesanin означает ‘антресоли’.
интермеццо... intermesso ... (*mus.*; NB *ikke fig.*) [Перевод: не перен.]. Дело в том, что норвежское слово intermesso, как уже упоминалось, имеет переносное значение ‘неприятный эпизод’.
полбутылки ... en halv flaske (NB ≠ *halvflaske*). Норв. halvflaske вмещает в себя или равно по объему 3/8 литра, т.е. 0,375 см³.
богема ... bohem ... (NB *brukes ikke om enkeltperson*) (Перевод: не употребляется об отдельном человеке). Норвежское существительное bohem употребляется и как собирательное, и в значении ‘богемная личность’.
фронтовик ...frontsoldat ... (*солдат*); frontoffiser ... (*офицер*) (NB ≠ frontkjemper: *это обозначение норвежцев, воевавших на стороне гитлеровской Германии*). Пользователю, знакомому в известной степени с норвежским языком, наиболее естественным покажется перевод frontkjemper, отрицательной коннотации он может не знать и в этом случае,

скорее всего, заподозрит автора словаря в том, что тот пропустил, не дал ему естественный, «напрашивающийся» эквивалент.

7. Пометы степени охвата значений переводимого слова. Как неоднократно подчеркивалось на протяжении книги, в двуязычном словаре раскрывается смысловая структура слова, т.е. у слова выделяется столько значений, сколько выделяется в толковом словаре входного языка (см. § 18). Вместе с тем возможны случаи совпадения смысловых структур слов обоих языков. В таких случаях используются специальные пометы.

Наиболее распространенной из них является помета *в разн. знач.*, например:

сирена ... *в разн. знач.* ...
архив ... *в разн. знач.* ...
политика ... *в разн. знач.* ...

Когда одно из значений явно употребляется меньше и помета может быть непонятна, возможна иная подача:

аптека ... (*тж в знач. «аптечка»*) ...

В случаях, когда один из оттенков значения может переводиться как основным эквивалентом, так и дополнительным, рекомендуется следующая подача:

архитектура ... ; (*строительное искусство — тж*) ...

Если лексема употребляется в двух значениях, одно из которых прямое, а другое переносное, используется помета *прям., перен.*, например:

актёр ... *прям., перен.* ...
остановиться на полпути *прям., перен.* ...
жевать {пережёвывать} жвачку *прям., перен.* ...

Эта помета может предваряться стилистической:

говно *вульг. прям., перен.* ...

Иногда переносное значение может быть не вполне очевидно для пользователя, и помете *прям., перен.* могут быть предпочтены иные способы подачи, например:

профессор ... (*тж разг. в знач. «мастер, знаток»*)...
суфлёр ... (*тж школ. шутл.*) ...
бандит ... (*тж перен.*); мой ~ (*шутл. о своём сыне-сорванце*) ...

Когда переносное употребление слова не выделилось в самостоятельное значение, его следует приводить в составе статьи, например:

архитектор ... ; ~ ы новой Европы *перен.* ...

8. Отсылочные пометы. Различные типы отсылочных помет рассмотрены выше, в § 15. Остановимся на некоторых деталях.

1) От областного (диалектного) слова может быть сделана отсылка к литературному (без приведения эквивалента):

гарь ... 4. *обл. см* пожарище

2) Если от слова или от одного из значений многозначного слова делается отсылка к словосочетанию, то после того слова, под которым помещено данное словосочетание, в скобках ставится сокращение *см* (= смотри), например:

диамат = диалектический (*см*) материализм
дефицит ... **3.** *разг.* = дефицитный (*см*) товар

Таким образом, словосочетание *диалектический материализм* следует искать в статье *диалектический,* а словосочетание *дефицитный товар* — в статье *дефицитный.*

В языках с развитой флективной системой такой способ отсылки иногда требует дополнительного места. Это бывает в случаях, когда в словосочетание входит форма, не являющаяся леммой:

зарплата ... = заработная плата, *см* заработный

Применяются и иные способы отсылок. Так, при трактовке реалий нецелесообразно повторять толкование (объяснение) при производных словах: экономнее сделать от них отсылку к основному; здесь возможны разные приемы. Ср. РНС:

политинформа||тор ... *noen som holder* политинформация (*se neste ord*); **~ция** ... [Перевод: ... кто-л., проводящий ... [*см следующее слово*).]
бандур||а 1. «bandura» ... (...); **~ист** ... «banduraspiller» ... (↑)

Знак ↑ отсылает пользователя к информации, помещенной выше в данной статье.

аспирант ... ; **~ура** ...; det å være аспирант (↑) [Перевод: ... пребывание в качестве ...]

9. Номенклатурные термины относятся обычно к собственным именам (в первую очередь, географическим названиям) и ставятся за ними, эвентуально после транскрипции, грамматической и стилистической характеристики:

Свалбард^{1a} *м архипелаг...*
Питер^{1a} *м разг. г.* ... [= город]

10. О порядке помет. Применяется описываемый ниже порядок помет и другой информации перед переводящей частью (весь набор помет при одной лемме практически никогда не встречается).

Сразу после леммы дается указание на произношение;

лёгкий [-хк-] ...

На втором месте идут грамматические пометы:

мстить^{4b} <*1 ед* мщу> *нсв* <*св* ото-> *Д...*
сад^{1c} *м* <*тж* $П_2$> ...
ленивый *прл* ...
и I *союз* ...

Здесь же показывается управление:

якшаться^{1} *нсв с кем-л. разг. неодобр.* ...

«Левое» управление указывается после эквивалента:

Крым^{1c} *м* <*тж* $П_2$> ... (*в П – рå*)

Исключение. Надстрочный индекс в применяемой в России системе А.А. Зализняка, отсылающий к определенной парадигме в приложении к словарю, ставится непосредственно (без интервала!) при лемме (до указания на произношение и часть речи или ее подкласс):

Детройт^{1a} [дэ-] *м г.* ...
лёгк|ий Δ [-хк-] *прл...*

Ср., однако, по основному правилу:

де-фáкто [дэ-] *нрч...*

После двух названных видов информации следуют стилистические пометы (при необходимости приведения нескольких из них – в следующем порядке: пометы собственно стилистические; пометы, характеризующие степень «серьезности»; пометы, характеризующие степень «грубости»):

отвалить ... **5.** *прост., жарг.* ...
кина не будет! *разг., шутл.* ...
цу [це-ý] *ирон., шутл.* ...

Оценочные пометы следуют за стилистическими:

сборище ... *разг., неодобр.* ...
холуй ... *прост., презр.* ...

Остальные пометы (частотные, ареальные, отраслевые, степени охвата значений, степени соответствия) помещаются после перечисленных, например:

рубка ... **4.** *разг., спорт.* ...
темп^{1a} [тэ-] *м в разн. знач.* ...

Часть III

ДОПОЛНЕНИЯ К КОРПУСУ

Самоочевидно, что корпус составляет основную часть словаря, обычно более 90–95%. Вместе с тем всякий серьезный большой словарь содержит также ряд дополнений (см. § 1). К ним обычно относятся следующие:

1) Предисловие.
2) Правила пользования.
3) Список используемых сокращений.
4) Грамматический очерк (часто с различными таблицами в качестве приложений).
5) Различные списки.

Части эти по-разному помещаются в словарях по отношению к корпусу. В СССР/России части 1–3 предшествуют корпусу, остальные помещаются за ним.

Рассмотрим эти части порознь.

§ 23. Предисловие. Правила пользования (иные названия: «О построении словаря», «Как пользоваться словарем» и т.п.).

В подавляющем большинстве случаев предисловия к словарям имеют небольшой объем и носят чисто информационный характер: каково назначение словаря, как распределялась работа между авторами (составителями), кто редактировал словарь или его части, кому авторы приносят благодарность и т.д.

Значительно реже в предисловии рассказывается об истории создания словаря, хотя порой такой рассказ бывает интересен и поучителен. Так, Сигфус Блёндаль (Sigfús Blöndal), основной автор превосходного огромного исландско-датского словаря «Íslenzk-dönsk orðabók» (в то время не существовало толкового

словаря исландского языка и этот словарь был самым полным), в частности, описывает в предисловии, как он был разочарован, когда после пяти лет работы (в 1908 г.) опробовав этот первый вариант на реальных текстах и обнаружил, что словарь изобилует пропусками. Когда, наконец, словарь в 1918 г. был подготовлен к печати в Рейкьявике, автор по ряду причин отказался перевозить его в Копенгаген, где словарь, по первоначальному замыслу, должен был набираться; одной из этих причин было то, что корабль, на котором автор должен был отплыть в Данию, мог подорваться на мине и тогда бы единственный, невозместимый экземпляр рукописи погиб, и т.д.

Теоретические взгляды автора/редактора по проблемам лексикографии в предисловиях излагаются очень редко. Классическим примером в этом отношении является предисловие академика Л.В. Щербы ко второму изданию «Русско-французского словаря» 1939 г. (впрочем, автор настоящей книги не разделяет некоторых положений этой очень интересной работы Л.В. Щербы). Другим примером может служить содержательное «Введение» к «Большому англо-русскому словарю» (1977), написанное редактором словаря И.Р. Гальпериным (предисловие в этом словаре занимает четверть страницы, и в нем преимущественно перечисляются лица, способствовавшие разработке специальных терминов). Очень интересна вступительная статья Ю.Д. Апресяна «Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря» (1993).

Изредка во введении или предисловии сообщаются краткие сведения о распространении языка, количестве говорящих на нем, его истории и особенностях. Это обычно не делается в отношении языков хорошо известных. Иногда такие очерки бывают весьма интересными и основательными, как, например, предисловие Р. Лёча к его словарю языка идиш «Jiddisches Wörterbuch» (Lötzsch 1990).

В правилах пользования («О построении словаря», «Как пользоваться словарем» и т.п.), этой очень важной части словаря, пользователю сообщается о приемах, использованных автором/авторами в корпусе. Самоочевидно, что эта часть словаря должна быть напечатана на обоих языках словаря – входном и выходном.

Естественно, очень многое здесь повторяется из словаря в словарь; часть материала определяется особенностями как входного, так и выходного языков; наконец, в ней описывается и то новое, что внесено в практическую лексикографию в данном словаре. К сожалению, цель этой части словаря очень часто не достигается.

Дело в том, что, как показывает опыт (и опросы пользователей), эта часть словаря читается пользователями довольно редко. В этом заключается существенный и неприятный парадокс. Чем тривиальнее, с лексикографической точки зрения, словарь, тем короче правила пользования им, тем охотнее пользователь если и не прочитает их, то хотя бы проглядит, и наоборот: чем больше новшеств внесено автором/авторами, тем, естественно, обширнее правила пользования и тем меньше пользователей их читает. При этом может оказаться, что пользователь просто не знает, какую нужную и полезную для себя информацию он может найти в словаре. Чтобы не быть голословным, приведем, как представляется, показательный пример.

В 1990 г. автор этой работы преподавал русский язык в Бергенском университете – на разных уровнях, от начинающих до самых продвинутых. Для последних очень многое в русской морфологии, разумеется, представляло значительные трудности, в частности, приведение к словарному виду глагольных форм, у которых основа презенса отличается от основы инфинитива (прошедшего времени), например, *рою → рыть, бью → бить, пою → петь, жую → жевать* и т.д. Все эти студенты пользовались моим «Русско-норвежским словарем» (тогда 1-м изданием 1987 г.), но то, что формы **ро.. , бь.. , по.. , жу..** и аналогичные приведены в словаре как леммы с указанием на инфинитив, ни один из них (!) не знал, потому что, как выяснилось, никто из них (как, впрочем, и ни один из тамошних преподавателей русского языка) не читал правил пользования этим словарем. Точно так же никто не обратил внимания на существенный, с точки зрения автора, раздел «Передача русских грамматических категорий средствами норвежского языка». По просьбе студентов и преподавателей была прочитана подробная лекция об этом словаре.

Причины подобного отношения пользователей к названным «правилам» очевидны. Все пользователи имеют определенный опыт работы со словарями и полагают, что ничего нового они в «правилах» не найдут, а посему не стоит тратить время на их чтение. В известной мере таких пользователей можно понять, потому что новое в таких «правилах», если оно есть – а это случается нечасто, – тонет в море самоочевидных и тривиальных лексикографических положений. Часто пользователь просто надеется на свою сообразительность: сам разберусь, зачем читать длинные правила?

Как заставить пользователя знакомиться с правилами пользования словарем?

Одно из возможных решений состоит в том, что те моменты, которые специфичны именно для данного словаря, особо выделяются (например, набираются полужирным шрифтом), а на видном месте в словаре пользователь предупреждается о том, что ему для успешной работы с этим словарем необходимо как минимум ознакомиться с этими моментами. Правда, откровенно говоря, эффективность такого решения сомнительна.

Список сокращений в двуязычном словаре особых комментариев не требует. Внимание следует обратить лишь на следующие моменты.

Сокращения должны быть понятными, т.е. в принципе, как правило, даже не требовать обращения к списку, в котором раскрывается их значение, например, *книжн., разг., пренебр., собир., физ., астр., хим., редк.* и т.п. Стóит избегать сокращений, которые могут расшифровываться по-разному, например, *арх.* (= архитектура?, = архаизм?), *нар.* (= наречие?, народное?) и т.д.

Там, где это возможно, сокращения должны быть предельно краткими. Например, грамматическая помета *прил.* (5 знаков, включая точку) вполне может быть заменена пометой *прл* (без точки!), помета *несов.* (= несовершенный вид) – пометой *нсв* и т.д. При русском глаголе *ранить* в «Русско-шведском словаре» (Маслова-Лашанская и др. 1976) дана помета *сов. и несов.;* ср. РНС: *нсв/св.* Такая, на первый взгляд, очень небольшая экономия (крохоборство?) в конечном счете позволяет сберечь довольно много места. Ведь если в большом русско-иноязычном словаре дано, к примеру, 10 000 глаголов и на одной только видовой помете к каждому из них можно сэкономить 2–3 знака, то лишь это даст немалую экономию места, которое можно использовать значительно рациональнее. Конечно, при этом следует иметь в виду, что сэкономленное место может прийтись на неполные строки, так что в ряде случаев реальной экономии места не получится. Однако это не меняет сути дела.

Поскольку подавляющая часть двуязычных словарей имеет двух адресатов – носителей входного языка и носителей выходного языка, выбирая язык пометы, следует задаваться вопросом, которой из этих категорий помета предназначена. К примеру, стилистические пометы в датско-русском словаре должны быть даны по-русски при датских словах и по-датски при русских. Сказанное относится, впрочем, не только к пометам, но и к семантизации и к пояснениям. Так, едва ли было целесообразно в «Русско-монгольском словаре» 1960, рассчитанном, как это указано в предисловии, на монголов (в нем нет

грамматического очерка монгольского языка и даже не приведен монгольский алфавит), давать пояснения по-русски, ср.:

с (со) ... **1.** *(на вопрос «откуда?») переводится предложным падежом...*

§ 24. Грамматический очерк при словаре. Анализ многих двуязычных словарей приводит к выводу, что грамматическим вопросам в них часто не уделяется должного внимания, хотя от правильности их решения во многом зависит эффективность словаря.

Грамматический очерк при двуязычном словаре необходим, поскольку словарь — единый и автономный инструмент перевода. Такой очерк — не обычное, традиционное описание грамматики языка, не факультативный привесок к словарю, а его органическая часть, теснейшим образом увязанная с корпусом и образующая с ним единство. Двуязычный словарь — это именно та книга, в которой наиболее уместна информация о способах п е р е в о д а граммем (членов грамматической категории, например, определенного падежа, какого-то глагольного времени и т.п.) одного языка на другой, о межъязыковых граммемных соответствиях. Целесообразно в явном виде предложить пользователю систему переходов от граммем одного языка к граммемам другого языка, изложить ее компактно и обозримо, так, чтобы было легко найти нужную информацию. Тогда словарь действительно будет единым и эффективным орудием перевода. К сожалению, эту простую истину долгое время не понимали, да и не все понимают ее сейчас.

Есть и дополнительные соображения в пользу такого решения.

1) В ряде случаев грамматический очерк при словаре — единственное описание какого-либо языка. Так, кроме очерка грамматики исландского языка в «Исландско-русском словаре» 1962, других описаний этого языка на русском долгое время не было. «Кратким сомали-русским и русско-сомали словарем» 1969 едва ли кто из русских может пользоваться, поскольку грамматического очерка при словаре нет, а никакого практического пособия по сложной сомалийской грамматике у нас в стране не издано.

2) Без знания массовых случаев альтернаций (чередований), характерных для языков с развитой морфологией, пользоваться словарями этих языков пассивному пользователю попросту невозможно, а минимум таких знаний может быть описан только в грамматическом очерке при словаре.

Поскольку, как уже не раз подчеркивалось в этой книге, основная масса двуязычных словарей имеет двух адресатов (пассивного пользователя и активного пользователя), то каждая из этих категорий нуждается в своем грамматическом очерке. Очерки эти принципиально различны по своим задачам и соответственно по своей структуре. Они, естественно, пишутся на разных языках — в зависимости от того, к кому они обращены.

Рассмотрим различие в стратегии перевода между действиями пассивного и активного пользователей.

Возьмем для этого конкретный пример. Предположим, что русскому пользователю надо перевести на родной язык норвежское предложение av disse to veiene er den høyre kortest ‘из этих двух дорог правая короче’ (досл. ‘самая короткая’). Очевидно, что для такого пассивного пользователя передача норвежской формы превосходной степени при помощи русской формы сравнительной степени не представит сложностей, даже если он впервые встретился с этим явлением и определил грамматическое значение формы kortest по грамматическому очерку. Напротив, при передаче этого же смысла с русского языка на норвежский русским пользователем наиболее вероятна (и педагогический опыт подтверждает это) передача русской формы сравнительной степени такой же норвежской формой. Следовательно, активному пользователю в подобных случаях необходимо в явной форме сообщить, каким образом на выходном языке передается такая граммема в данных синтаксических условиях.

В общем, пассивный пользователь идет от грамматической формы к грамматическому значению, активный — от грамматического значения к грамматической форме. Установив грамматическое значение формы иностранного языка, пассивный пользователь в большинстве случаев без труда находит адекватную форму родного языка, передающую данное грамматическое значение. Активный пользователь решает значительно более сложную задачу. Он должен найти ту граммему иностранного языка и выражающую ее форму, которая соответствует значению переводимой им формы родного языка. Огрубленно можно сказать, что пассивному пользователю нужна грамматика, построенная по принципу «от грамматической формы иностранного языка к граммеме этого языка и от нее к граммеме родного языка», а активному пользователю требуется грамматика, организованная по принципу «от граммемы родного языка к граммеме иностранного языка и от нее к форме иностранного языка».

Рассмотрим подробнее эти два типа грамматического очерка при двуязычном словаре.

1. Основные части «пассивного» грамматического очерка представляются следующими:

1) **Грамматический минимум** — тщательно и строго отобранные сведения по морфологии данного языка, включающие в себя лишь те существенные моменты, без знания которых невозможно пользоваться словарем. В частности, в нем приведены типичные словоизменительные парадигмы и массовые морфонологические (фономорфологические) чередования. Типовые парадигмы могут вместе с индексацией лемм в корпусе давать и исчерпывающую морфологическую характеристику любого слова. Очень удачным примером такого решения являются уже неоднократно упоминавшиеся в этой работе морфологические таблицы русского языка, составленные А.А. Зализняком и использованные в ряде русско-иноязычных словарей. Очень важно иметь здесь таблицу морфонологических чередований, фактически дающую правила приведения многих типов несловарных форм к словарным, например, сообщающую, что многие белорусские формы с **а** приводятся к формам с **о** (ср. *катá* — род. падеж ед. числа от *кот*), формы с **ц** и **дз** — к формам с соответственно **т** и **д** (*свéце* — предл. падеж ед. числа от *свет, вадзé* — предл. падеж ед. числа от *вадá)* и т.п.

2) **Сводная таблица словоизменительных формативов** — окончаний, префиксов (например, для некоторых языков Африки), трансфиксов (например, для семитских языков), циркумфиксов (например, для индонезийского), возможных комбинаций этих способов и т.д. Особо следует подчеркнуть важность включения в таблицу нулевой морфемы (точнее, в большинстве случаев ряда омонимичных нулевых морфем) — значащего отсутствия форматива, ср. русские формы без окончаний типа *стен, зелен, мок*. При этом необходимо давать пользователю два типа информации (своего рода небольшие алгоритмы). Во-первых, следует указывать, какими словоизменительными формативами обладает словарная форма, т.е., попросту говоря, указывать, какой показатель (окончание, префикс и т.п.) следует присоединить к формообразующей основе, установленной при помощи этой таблицы. Во-вторых, следует указать, какими морфонологическими чередованиями может сопровождаться использование того или иного форматива.

3) **Основные сведения из области синтаксиса**. Очевидно, что для понимания текста на иностранном языке необходимо знание отнюдь не всех синтаксических явлений данного языка.

Существенна и степень близости синтаксического строя иностранного языка к строю родного.

Элементы алгоритмизации вполне уместны и в этом разделе. Например, для указания признаков причастной рамочной конструкции, весьма распространенной в немецком и нидерландском книжном стиле, можно дать систему правил: а) если за артиклем следует предлог или наречие, ищите причастие; б) начинайте перевод с существительного, следующего за причастием, и т.д.

Заканчивая краткое изложение основных характеристик пассивной грамматики, отметим, что роль первой ее части не сводится к изложению грамматического минимума, который необходим для работы со словарем и определяется распределением информации о морфологии данного языка между корпусом и грамматическим очерком. Он важен еще, конечно, как системное изложение того неизбежно «атомизированного» материала, который содержится во второй части (таблице словоизменительных формативов). При всей полезности и эффективности этой второй части (особенно для переводов ad hoc — досл. ‘на случай’, т.е. «разовых» переводов, выполняемых людьми, не знающими языка) следует учитывать, как уже говорилось, что человек не ЭВМ и что, проделывая множество формальных операций над иноязычным текстом и получая при этом пригодный перевод, он должен также иметь возможность приобрести общее представление об устройстве данного языка, увидеть «атомизированные» факты в общей перспективе, интегрировать их.

При подобной подаче материала пользователь получает, в общем, такое же представление о данном иностранном языке, что и при его подаче в традиционно построенном грамматическом очерке — с той разницей, что в этом случае очерк, в первую очередь, будет ориентирован на п е р е в о д иноязычного текста.

Естественно, что к этой части во многих случаях должен быть приложен ряд различных таблиц.

2. Объем и структура «активного» грамматического очерка. Специфика активного грамматического очерка определяется спецификой процесса создания текста на иностранном языке. Теоретически это — движение от смысла к лексемам и граммемам иностранного языка и выражение последних. Такое, однако, возможно лишь при очень хорошем владении неродным языком, т.е. когда, собственно говоря, пользователю и грамматический очерк не нужен. Поэтому естественно

ориентировать словарь не на такого пользователя, который думает на иностранном языке, а на такого, который п е р е в о д и т с родного языка на неродной. Таким образом, активный грамматический очерк следует строить, как уже сказано, по принципу «от граммемы родного языка к граммеме иностранного языка и от нее к форме иностранного языка». Такое построение сообщает пользователю в систематизированном и обобщенном виде сеть переходов от родного языка к иностранному, что избавляет его от длительного пути к знанию методом проб и неизбежных ошибок и обобщает опыт, накопленный переводческой практикой.

Основные особенности активного грамматического очерка по сравнению с пассивным:

1) Дается значительно больший объем грамматической информации.

2) Активный грамматический очерк строится в расчете на то, что пользователь обладает определенными знаниями об иностранном языке. Пользователю без таких предварительных знаний потребовался бы алгоритм, невероятно громоздкий и состоящий из колоссального количества элементарных формальных операций, что практически нецелесообразно, да и едва ли осуществимо. Оправданным представляется такое построение активной грамматики, когда излагается система граммемных соответствий родного языка пользователя и иностранного без указания на то, как в иностранном языке оформляются сами эти граммемы, т.е. без описания морфологии этого языка.

Сведения по морфологии иностранного языка в активный грамматический очерк, конечно, включать тоже нужно. Лишь тогда словарь будет единым и автономным инструментом перевода, о чем неоднократно говорилось выше. В этом случае им смогут пользоваться люди с разной степенью подготовки. Кроме того, в описание иностранного языка, как правило, включаются отдельные элементы, которые, в сущности, являются переходами «смысл → граммема» (например, в описании наклонений).

Таким образом, структура активного грамматического очерка выглядит следующим образом:

1) сведения по грамматике выходного языка словаря;

2) передача грамматических категорий входного языка средствами выходного языка.

Структура первой части достаточно очевидна. Здесь следует только сделать одно существенное замечание.

В грамматических описаниях (отнюдь не только при словарях) изложение важных правил, касающихся множества слов,

нередко занимает меньше места, чем перечисление исключений, в результате чего создается впечатление, «будто исключения и являются специально предметом грамматики» (Щерба 1974: 331). Как показывает педагогический опыт, учащиеся часто как раз хорошо запоминают такие маловажные для них исключения. Для разделения главного, массового и второстепенного, малосущественного очень важно использовать адекватные виды и размеры шрифтов.

Вторую часть, в которой описываются межъязыковые грамматические соответствия, можно построить таким образом. Слева последовательно описываются части речи, их категории и граммемы входного языка, справа – их соответствия в выходном языке. Проиллюстрируем это несколькими примерами из раздела «Передача русских грамматических категорий средствами норвежского языка» в РНС:

И м я с у щ е с т в и т е л ь н о е

Существительное переводится, как правило, существительным. Отступления чаще всего наблюдаются в двух случаях.

1. Русское отглагольное существительное часто передается на норвежский инфинитивом или – реже – личной формой глагола:

по прочтении книги он сказал ...	etter å ha lest boka {etter at han hadde lest boka} sa han ...
без использования таких форм ...	uten å bruke slike former ...
для остановки поезда ...	for å stanse toget

...

Падеж

...

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж

1. Родительный приименный

...

8. Родительный меры передается простым примыканием:

стакан воды	et glass vann
два кило сахара	to kilo sukker

...

Творительный падеж

...

II. Творительный прииненный

...

6. Творительный различия переводится общим падежом:

двумя неделями позже	to uker seinere
годом раньше	ett år før {i forveien}

...

Имя прилагательное

...

Притяжательные имена прилагательные

...

Прилагательные на *-ский,* входящие в состав титулов царей, королей и т.д., переводятся предложным оборотом с av:

герцог Эдинбургский	hertugen av Edinburgh
Гамлет, принц датский	Hamlet, prins av Danmark

...

Глагол

Вид

...

Длительность действия может передаваться при помощи глаголов stå, sitte, gå:

я как раз думал о тебе	jeg sto {satt} nettopp og tenkte på deg
он ждёт решения суда	han går og venter på rettens kjennelse

Систематическая повторяемость действия может передаваться при помощи глагола pleie (+å):

летом он ездит в горы	om sommeren pleier han (å) dra til fjells

...

Залог

...

5. Активно-безобъектное значение передается формой действительного залога:

собака кусается	hunden biter
крапива жжётся	nesla brenner

...

Наклонение

...

В некоторых случаях формы повелительного наклонения имеют значение, отличное от основного. Ниже перечисляются эти случаи.

...

2. Внезапность, неожиданность действия в прошлом передается так:

он возьми и упади	plutselig falt han
он возьми и женись на ней	han gikk bort {hen} og giftet seg med henne

...

Как явствует из примеров, во второй части активного грамматического очерка устанавливаются три вида переходов: частеречные, категориальные и граммемные.

Допустимы отсылки из очерка в корпус словаря и обратно.

Встречается и иное употребление термина «активная грамматика». Так, во французско-английском и англо-французском словаре Робера и Коллинза (Robert, Collins 1988) приложением дан обширный словарь предложений (формул, клише), организованный тематически (например, «предположения», «советы», «мнения», «согласие» и т.п., и даже содержащий образцы переписки и др.), названный по-английски «Language in use: a grammar of communication in French and English» ['Язык в употреблении: грамматика общения по-французски и по-английски'] и по-французски «Grammaire active de l'anglais et du français» ['Активная грамматика английского и французского языков']. В нашем понимании это, конечно, не активная грамматика.

Большие списки нерегулярных форм (например, сильных и неправильных глаголов в германских языках) выносятся в особое приложение, часто помещаемое для удобства пользования (быстрого нахождения) в самый конец словаря.

§ 25. Фонетический очерк при словаре. Рассматривая в предыдущем параграфе вопрос о грамматическом очерке при словаре, мы не затрагивали проблемы описания звукового состава языка.

Фонетический очерк при словаре далеко не всегда выделяется в самостоятельный раздел в приложениях к словарю; напротив, он нередко – в России как правило – включается в грамматический очерк. Таким образом, термин «грамматический очерк» употребляется в лексикографии обычно расширенно.

Основная проблематика описания звукового состава языка освещена выше, в § 16, посвященном информации о произношении слова. В настоящем параграфе описаны главные положения, касающиеся структуры фонетического очерка; многое вытекает из изложенного в § 16.

Фонетический очерк состоит из следующих основных частей:

1. **Описание звуков.** Обычно эта часть строится таким образом, что приводятся фонетические знаки и описываются звуки, обозначаемые ими. Как правило, производится сравнение со звуками родного языка пользователя – разумеется, в случаях, когда это возможно.

Нередко в этой части допускается методическая неточность: производится сравнение описываемого звука со сходным звуком в языке, которого пользователь может не знать, например, говорится, что данный звук произносится, «как немецкое ü в слове üben». Между тем вполне возможно, что значительная часть пользователей данного словаря немецкого не знает. Поэтому сравнивать описываемый звук со звуком другого языка следует лишь тогда, когда есть уверенность, что такая информация ясна для пользователя.

Некоторые требования к системе транскрипции.

Целесообразно использовать знак в его наиболее часто встречающемся значении – в первую очередь, в стране пользователя: пользователь, обращающийся к транскрипции, уже привык раньше связывать с той или иной буквой определенное звучание – по своему опыту изучения родного алфавита или алфавитов других языков. Лучше же всего пользоваться алфавитом Международной фонетической ассоциации (МФА).

Должно неукоснительно соблюдаться одно из важнейших правил транскрипции: «о д н а ф о н е м а – о д и н з н а к» (и, разумеется, наоборот, «о д и н з н а к – о д н а ф о н е м а»).

Как уже говорилось в § 16, не следует ограничиваться только описанием фонем, надо обязательно давать и описание их важнейших вариантов.

Нецелесообразна излишне подробная фонетическая транскрипция, изобилующая различными знаками, неизвестными пользователю без лингвистической подготовки. Число транскрипционных знаков, по нашим представлениям, не должно в среднем превышать 50–60.

Следует иметь в виду те свойственные носителям данного языка речевые навыки, которые особенно часто проявляются в их речи на иностранном языке, и стараться при помощи хорошо продуманной транскрипционной системы предупредить возможные ошибки.

Само собой разумеется, что транскрипционные системы в корпусе словаря и в фонетическом очерке в приложении должны быть идентичными (повторяем, всего лучше использовать алфавит МФА).

Должное внимание следует уделять п р о с о д и ч е с к и м м о м е н т а м.

В этой части непременно должен содержаться раздел, посвященный з в у к о в ы м и з м е н е н и я м в п о т о к е р е ч и.

2. **Таблица «от буквы к звуку»**. Эта таблица состоит из четырех вертикальных колонок. В первой помещается буква или сочетание букв, во второй обозначается произношение, в третьей перечисляются случаи данного произношения, в четвертой приводятся примеры.

Буквы в первой колонке набираются полужирным шрифтом.

Как уже упоминалось в § 16, целесообразно во второй и третьей колонках основное чтение буквы или сочетания букв набирать полужирным шрифтом: это – указание пользователю, какие правила он обязан помнить для успешной работы со словарем, поскольку в корпусе словаря это чтение не транскрибируется. Случаи отклонения от основного чтения буквы или сочетания букв набираются обычным (светлым) шрифтом. В РНС правила, касающиеся чтения иностранных слов, набраны курсивом. Например:

s 1. [s] **Основное чтение** så [sɔ:], mast [mast], pluss [plʉs:]
2. [s:] В словах → hos [hus:], hvis [vis:], jus [jʉs:] ...
3. [–] *В некоторых заимствованиях из французского в конце слова* apropos [apru´pu:], vis-à-vis [visa´vi:], suksess [syk´se: sʉk´sɛs:] ⇒ rs, sch, sh, sj, skj, sl

(Знак ⇒ отсылает к сочетаниям букв, о правилах чтения которых также следует прочитать.)

Чтобы сделать таблицу максимально обозримой, разгрузить ее, в частности не повторять однотипных формулировок и не

перегружать длинными списками исключений, рекомендуется широко пользоваться подстрочными примечаниями. Так, поскольку правила, определяющие то, какой гласный обозначает данная буква — краткий или долгий, относятся ко всем гласным, в РНС для них принята следующая подача:

а 1.[а:],[а][1] Основное чтение ha [ha:], hadde [`had:ə]

...

Подстрочное примечание:

[1] О долготе и краткости см. § 7.

(Имеется в виду параграф фонетического очерка.)

3. **Локальные варианты произношения.** Эта часть является факультативной и в большинстве фонетических очерков отсутствует. Однако она весьма полезна для некоторых языков, особенно тех, которые распространены в нескольких странах и у которых нет единой произносительной нормы или велики диалектные различия.

§ 26. Приложения-списки. В общем, чем больше приложений-списков в словаре, тем труднее им пользоваться: множество «входов в словарь» увеличивают среднее время поиска нужной леммы. В то же время различный дополнительный материал увеличивает ценность словаря как справочного пособия. Поэтому оправданно компромиссное решение: все то, что может быть включено в корпус, должно быть включено в него; напротив, материал, дающий представление об определенной специфической системе или совокупности, целесообразно давать приложением.

В § 10 приводилась аргументация в пользу того, чтобы географические названия и личные имена (и их дериваты) включались в корпус словаря, а не давались отдельными списками. (Другое дело, что в процессе создания словаря они должны составляться в виде отдельных списков, о чем говорилось там же.)

В РНС в виде приложения дан список наиболее распространенных русских фамилий с указанием ударения. Конечно, для некоторых норвежцев список интересен в целом, но, как представляется теперь, более оправданным было бы «рассыпать» его по корпусу. Так, кстати, делается с английскими фамилиями, нередко представляющими трудности, в издаваемых на Западе англо-иноязычных словарях.

Далее, в РНС отдельным списком в приложении даны названия важнейших произведений мировой и русской литературы, а во 2-м издании — также названия важнейших произведений искусства. Их, в принципе, следовало бы тоже включить в корпус. Правда, при этом возникли бы определенные технические трудности.

Как говорилось в § 16, в приложении к словарю следует также поместить правила транскрипции имен разных народов. Правила произношения иноязычных имен могут быть легко включены в таблицу «от буквы к звуку».

Сокращения (подчеркнем, что речь идет не о списке сокращений-помет) также следует, на наш взгляд, включать в корпус словаря (что и сделано в РНС и БНРС), а не давать списком как приложение — вопреки принятой в ряде стран, в том числе и в России, традиции.

Напротив, списки мер (неметрических систем) с указаниями на их соответствия метрической (или обратно) оправданно давать как приложение, что, естественно, не исключает необходимости включения каждой из этих единиц в корпус в качестве самостоятельной леммы. То же относится и к денежным системам, если они сложны (как, например, английская). В ряде случаев оправданно приведение и других списков. Так, в приложении к «Хауса-русскому словарю», в частности, есть такие разделы: Счет времени — 1) сезоны, 2) календари, 3) сутки; Меры веса, емкости и длины — 1) местные единицы, 2) заимствованные арабские и индийские единицы, 3) заимствованные английские единицы; Денежные единицы. Сходные приложения есть и в «Суахили-русском словаре» 1961.

О списках нерегулярных грамматических форм сказано выше, в начале этого параграфа.

Здесь нет возможности привести полный перечень разнообразных списков, порою весьма полезных, помещаемых в приложения в разных словарях. Очень коротко остановимся только на двух из них.

О списках слов при иллюстрациях говорилось в § 21.

В качестве примера приведем развернутое описание мегаструктуры БНРС.

1. Предваряющий текст

Предисловие (по-норвежски и по-русски)

Правила пользования словарем (по-норвежски и по-русски)

Библиография

2. Корпус

3. Заключительный текст

а) Некоторые собственные имена

Норвежские фамилии
Названия произведений мировой литературы
Названия произведений искусства
б) Сведения о Норвегии
Административное деление
Политическое устройство
Вооруженные силы
Система образования
Языковая ситуация в Норвегии
в) Языковые описания
Норвежская фонетика (включая сведения о диалектах и о транскрипции собственных имен)
Пассивная норвежская грамматика
Русская фонетика
Русские грамматические таблицы
Активная русская грамматика (по-норвежски)
г) Графические иллюстрации
д) Таблица нерегулярных глаголов

Весьма сложен вопрос о дополнениях к корпусу словаря. Ясно, что помещенные после корпуса дополнения (новые слова, пропущенные ранее слова, исправления и т.д.) увеличивают число «входов в словарь» и затрудняют пользование им. В качестве примера можно привести исландско-датский словарь Сигфуса Блёндаля, в котором после 1006 страниц основного корпуса идет 46 страниц дополнений и исправлений; в 1963 г. отдельным томом были изданы еще новые дополнения объемом 200 страниц. Таким образом, иногда в поисках исландского слова приходится делать три «входа» в этот словарь. В настоящее время дополнения к словарю преимущественно издаются отдельной книгой и то только тогда, когда оперативно выпустить новое дополненное и исправленное по каким-либо причинам оказывается невозможным. Последний из известных нам примеров – «Дополнение к Большому англо-русскому словарю» (1980).

Часть IV

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

§ 27. Организация работы над двуязычным словарем.

Эта часть книги адресована тем, кто сам собирается работать над двуязычным словарем.

Прежде всего необходимо решить вопрос о количестве работающих над словарем. В наше время большие двуязычные – и не только двуязычные – словари делаются одним человеком все реже. Это понятно: добросовестный лексикографический труд требует огромного количества времени и сил. Простой расчет показывает, сколько времени может потребоваться для создания большого двуязычного словаря.

Представим себе, что человек берет уже изданный словарь и просто заново набирает («набивает») его на компьютере, т.е. совершает чисто механическую работу. За рабочий день он в лучшем случае наберет пол-листа (20 000 знаков), а реально, конечно, меньше. Таким образом, на такое «переписывание», не требующее никаких размышлений, справок и т.п., словаря объемом, скажем, 150 листов у него уйдет минимум год работы. Но ведь написание словаря – работа, в которой сама запись результатов занимает лишь очень небольшую часть времени и сил. К тому же приходится, увы, учитывать некоторые житейские, прозаические моменты. Можно утверждать, что бóльшая часть двуязычных словарей в мире пишется людьми, не состоящими в штате словарных издательств, т.е. создается в свободное от основной работы время. Поэтому такой словарь один человек редко напишет меньше чем за десять лет, а, скорее, на это уйдет значительно больше времени. Естественно, что в этом случае к концу работы части, написанные вначале, потребуют серьезного редактирования. Да и мало какое издательство заключит с автором договор на такой срок.

Как правило, большие двуязычные словари теперь делает коллектив.

Важнейшую роль в таком коллективе играет его руководитель (он же ответственный редактор). Руководителем, разумеется, должен быть человек, имеющий большой опыт практической словарной работы и очень хорошо владеющий обоими языками — входным и выходным — словаря. Он разрабатывает концепцию словаря, правила подачи материала, он редактирует и — что необходимо при коллективной работе — унифицирует рукопись (об этом ниже). Он же подбирает и отбирает авторов (сотрудников).

Последнее нуждается в пояснении. Не секрет, что не всякий человек, хорошо владеющий двумя данными языками, создан для словарной работы. Она требует ряда специфических качеств, среди которых очень важную роль играют трудолюбие, добросовестность и аккуратность. Далее, как говорилось в предыдущих частях книги, лексикография и наука, и искусство, и одно из требований, предъявляемое к словарнику, заключается в умении находить точные эквиваленты, быть хорошим переводчиком и стилистом. Ведь хорошо известно, что даже люди, в совершенстве владеющие иностранным языком, оказываются нередко неважными переводчиками художественной литературы: их переводы при всей их лексической точности могут грешить буквализмами, корявыми конструкциями и т.д.

Отметим один, возможно, не вполне очевидный момент. Не столь уж редко человек недостаточно хорошо владеет литературным вариантом своего родного языка. Для иллюстрации приведем несколько примеров из первоначальной рукописи БНРС (у всех авторов этих переводов родной язык русский!): *он зарделся ... как рак; он ввёл машину задним входом в стену; фильм поднял суматоху; им ... туго с деньгами; над городом опустилась темнота; посмотреть боком на что-л.; я насмотрелся до чертиков на эту рекламу; меня чуть не хватил удар, услышав цену; стекло лязгнуло от попавшего камня; он шибко огорчился* (*задумался*); *предложение по бросовой цене; с быстрой скоростью; перелом лыж; юбка сморщилась* и т.д. и т.п.

Таким образом, подбор членов коллектива, которые будут работать над словарем, дело весьма ответственное и непростое. Можно дать следующие рекомендации.

Перед началом работы предполагаемым сотрудникам должен быть прочитан курс лекций по двуязычной лексикографии, их надо обучить азам словарного дела. Это естественно сделать руководителю проекта.

Затем руководителю целесообразно предложить предполагаемым участникам проекта выполнить небольшие пробные

части и, отредактировав их, разобрать ошибки вместе с авторами. Как показывает опыт, часть сотрудников сама отсеивается уже на этом этапе: люди понимают, какой это большой и нелегкий труд.

Крайне желательно, чтобы в составе коллектива были носители как выходного, так и входного языков словаря. Будет удачно, если коллектив будет разделен на пары («тандемы»), состоящие из лиц с разными родными языками. В работе над БНРС такие «двойки» состояли из норвежца/норвежки и русского/русской.

Впрочем, следует с грустью признать, что такой национальный состав каждой «двойки» сам по себе еше не является гарантией очень высокого качества работы: норвежец не всегда точно чувствует русское слово, а русский — норвежское. Тем не менее в целом такой опыт представляется положительным.

Число авторов не должно быть слишком велико. Как бы квалифицированно они ни работали, у каждого (у каждой пары) будут свои особенности: одни будут чересчур многословны, другие — слишком лаконичны, одни будут больше тяготеть к книжной речи, другие — к разговорной и т.д. Унификация такого разнородного материала требует от редактора очень больших усилий. Вместе с тем число авторов должно быть и достаточным на случай, если кто-либо из них по тем или иным причинам выйдет из коллектива. Обучение новых людей в процессе работы осуществлять трудно.

Конечно, крайне желательно, чтобы такой коллектив состоял из лексикографов, и к тому же опытных. К сожалению, по крайней мере в отношении многих пар языков, это пожелание утопично. Сплошь и рядом словари пишутся людьми без лексикографического опыта. В таких случаях роль руководителя особенно велика.

Желательно, далее, чтобы к началу работы коллектива руководитель сам написал несколько статей разного характера (по многозначным существительным и глаголам, культурно-коннотированным словам и т.д.), с тем чтобы сотрудники, прежде чем приступать к своим частям, познакомились с образцами статей и увидели, как на практике применяются знания, полученные ими в курсе, прочитанном руководителем.

На начальном этапе непосредственной работы над словарем очень важно, чтобы руководитель оперативно знакомился с частями работы каждой группы/каждого автора (не обязательно целой буквы, достаточно и части ее) и знакомил со своими замечаниями принципиального характера не только данную группу/данного автора, но и весь коллектив: более чем вероятно, что аналогичные ошибки могут допускаться другими. В ра-

боте над БНРС руководитель периодически обобщал свои критические замечания по представленным ему частям и рассылал их всем членам авторского коллектива (мы называли в шутку такие письма «буллами»).

Очень важную роль играет «Инструкция». Она составляется руководителем, и в ней освещаются все основные моменты работы над рукописью. Приведем в качестве иллюстрации содержание «Инструкции» для БНРС:

0. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

0.1. Назначение словаря
0.2. Варианты норвежского
0.3. Хронологические границы
0.4. Основные принципы БНРС

1. МЕГАСТРУКТУРА СЛОВАРЯ

1.1. ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ

1.2. СЛОВНИК
1.2.0. Общие положения
1.2.1. Оформление леммы
1.2.2. Типы лемм
1.2.2.1. Основная форма леммы
1.2.2.2. Дополнительные формы
1.2.2.2.1. Радикальная форма
1.2.2.2.2. Книжная форма
1.2.2.2.3. Диалектные формы
1.2.2.2.4. Новые орфографические варианты типа gaid, sjåk
1.2.3. Леммы типа oppussing/opp-pussing
1.2.4. Леммы, состоящие из двух и более слов
1.2.5. Тильда (~)
1.2.6. Порядок следования лемм
1.2.7. Гнездование
1.2.8. Отдельные типы лемм
1.2.8.1. Нерегулярные формы
1.2.8.2. Специальная терминология
1.2.8.3. Реалии
1.2.8.4. Имена собственные
1.2.8.5. Ненормативная лексика
1.2.8.6. Иноязычные слова и словосочетания
1.2.8.7. Словообразующие морфемы
1.2.9. Словосочетания
1.2.9.1. Свободные словосочетания/примеры
1.2.9.2. Устойчивые словосочетания

1.2.9.3. Основные правила определения опорного слова
1.2.9.4. Подача однотипных конструкций 23
1.2.10. Сокращения
1.2.10.1. Основные принципы отсылок/переводов сокращений
1.2.10.2. Подача омонимичных/многозначных сокращений
1.2.10.3. Указание произношения сокращений
1.2.10.4. Грамматическая информация о сокращениях
1.2.10.5. Дополнительная информация
1.2.11. О «новонорвежском» (nynorsk) в БНРС

2. МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ

2.0. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

2.0.1. Абзац
2.0.2. Порядок приведения информации

2.1. ПРОИЗНОШЕНИЕ
2.1.1. НОРВЕЖСКАЯ ЧАСТЬ
2.1.1.1. Способы обозначения произношения
2.1.1.2. Обозначение непроизносимых согласных
2.1.1.3. Транскрипционные знаки
2.1.1.3.1. Значение транскрипционных знаков
2.1.1.4. Случаи обозначения произношения
2.1.1.4.1. Частный случай: транскрипция буквы **o**
2.1.1.5. Обозначение долготы/краткости
2.1.1.6. Обозначение тонем
2.1.1.7. Транскрипция слов с диакритическими знаками
2.1.1.8. Транскрипция слов с одинаковыми звуками в одном гнезде

2.1.2. РУССКАЯ ЧАСТЬ
2.1.2.1. Способ обозначения произношения
2.1.2.2. Случаи обозначения произношения
2.1.2.3. Ударение
2.1.2.4. Обозначение произношения числительных

2.2. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ
2.2.1. НОРВЕЖСКАЯ ЧАСТЬ
2.2.1.0. Общие принципы
2.2.1.0.1. Индексация слова
2.2.1.0.2. Грамматические омонимы
2.2.1.0.3. Управление
2.2.1.1. Существительное
2.2.1.1.1. Грамматический род и число
2.2.1.1.2. Обозначение дефектности парадигмы

5.1.4. Одна фигурная скобка (правая) (})
5.1.5. Ломаные скобки (<>)
5.2. Вертикальные линии
5.2.1. Светлая вертикальная линия (|)
5.2.2. Светлые параллельки (‖)
5.2.3. Светлая пунктирная линия (¦)
5.3. Косые линии
5.3.1. Одинарная косая линия (/)
5.3.2. Двойная косая линия (//)
5.4. Тильда (~)
5.5. Знак равенства (=)
5.6. Двойной знак равенства (==)
5.7. Знак приблизительного равенства (≈)
5.8. Отточие (..)
5.9. Косой дефис (〃)
5.10. Плюс в строке (+)
5.11. Плюс надстрочный (⁺)
5.12. Кружок надстрочный (°)
5.13. Ромб большой (◊)
5.14. Круг (○)
5.15. Прямоугольник (▭)
5.16. Цифры в кружке (①, ②, ③)

6. ПОМЕТЫ. ПОЯСНЕНИЯ

6.0. Общие положения
6.1. Язык помет и пояснений
6.2. Алфавиты и шрифты помет и пояснений
6.3. Использование отраслевых помет

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ИНДЕКСАЦИЯ НОРВЕЖСКИХ ЛЕММ

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Норвежские сокращения
Русские сокращения

Разумеется, некоторые моменты в этой инструкции специфичны только для норвежского и русского языков (например 1.2.2.2.1-2, 1.2.2.2.4, 1.2.3, 1.2.11, 2.1.1.4.1 и др.). В целом же она дает представление о такого типа инструкциях.

Необходимо отметить, что какой бы продуманной инструкция ни была, она в процессе работы будет дополняться и несколько видоизменяться. Поэтому позднее пишется новый ее вариант – «Инструкция-2». Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, будут неизбежно встречаться случаи, ею не предусмотренные. Во-вторых, во время работы сотрудникам или руководителю могут прийти в голову отдельные более удачные решения; впрочем, на позднем этапе работы с рукописью реализация таких новых решений может оказаться неосуществимой, потому что она потребует слишком большой правки по всему корпусу словаря.

При разработке инструкции приходится считаться с несколькими существенными моментами. Она должна быть как можно более полной и отвечать на максимальное количество вопросов участников группы. Она должна быть, далее, хорошо обозримой, чтобы при необходимости можно было бы легко и быстро навести нужную справку; для этого и дается такое дробное оглавление ее, которое приведено выше. Вместе с тем она должна быть не слишком большого объема – иначе работающим будет трудно ее запомнить. На наш взгляд, максимальный объем такой инструкции – до ста страниц.

Инструкция позднее ложится в основу «Правил пользования словарем».

При организации работы над словарем можно порекомендовать соблюдение следующих моментов.

Как уже говорилось в предыдущих частях книги, крайне желательно, чтобы однотипные разряды слов делались одним человеком: только так можно избежать пропусков и разнобоя в подаче. К примеру, руководителем БНРС были написаны все статьи, посвященные предлогам, союзам, местоимениям, междометиям, аффиксам (префиксам, суффиксам), крылатым словам, иноязычным лексемам (употребляемым в норвежском языке без перевода), а также слова и имена из древнескандинавской мифологии, оба грамматических очерка (пассивная норвежская грамматика – по-русски и русская активная – по-норвежски) и некоторые другие части. Списки по отдельным типам собственных имен также делались каждый одним человеком. Аналогично все сокращения разработаны одним сотрудником.

Далее, желательно, чтобы специалисты по некоторым важным областям представили свои списки. (Для БНРС специалистами были составлены по норвежским юридическим, политическим и административным терминам.) Впоследствии такой материал – естественно, с модификациями – включается в рукопись.

О распределении материала между участниками проекта.

Разумеется, целесообразно вести работу по алфавиту, например, сотрудник X (или «двойка» X) берет букву А, сотрудник/двойка Y – букву В/Б и т.д. Возможен и другой вариант распределения букв: сотрудник/двойка X берет, скажем, буквы A-G/А-Е, сотрудник/двойка Y – буквы H-J/Ж-И и т.д.

Практический совет. Целесообразно букву, с которой начинается отрицательная приставка (в английском, немецком – un-, норвежском, датском – u-, в шведском – o- и т.д.), разрабатывать в последнюю очередь. Во-первых, это облегчает работу, поскольку уже найдены эквиваленты лемм без отрицательной приставки и в ряде случаев задача сводится к снабжению таких эквивалентов отрицательной приставкой (или ее аналогом) на выходном языке. Во-вторых, не возникнет разнобоя в подаче лемм без отрицательной приставки и лемм с нею.

Все знают, что есть «большие» буквы и «маленькие». Так, в русском языке больше всего слов начинается с буквы П и меньше всего с Й. В германских языках самая «большая» буква – S. (У лексикографов, работающих с германскими языками, существует даже горькая шутка: лексикографы часто умирают на букве S.) Некоторые предпочитают оставлять такие буквы на конец работы. Мотивируется это чисто психологическим моментом: приятнее сознавать, что осталось разработать всего одну букву, а не, к примеру, шесть (хотя они суммарно могут значительно уступать по объему такой «большой» букве). Более существенно иное соображение: к концу работы над словарем лексикографами накапливается значительный опыт, и работа идет намного быстрее, так что буквы типа русской П или немецкой S делаются легче. Впрочем, такой подход отнюдь не обязателен.

Важен отбор лексикографических источников. Руководитель группы выбирает толковые и эвентуально двуязычные словари, которые кладутся в основу словника и разработки структуры значений леммы. Важно, чтобы все члены рабочей группы пользовались одними и теми же словарями. Сказанное, конечно, ни в коем случае не означает, что в определенных случаях не следует привлекать другие словари. Напротив, это абсолютно необходимо. Довольно часто приходится обращаться к многотомному толковому словарю входного языка, равно как и к отраслевым, картинным, энциклопедическим, орфоэпическим и прочим словарям.

В работе над БНРС словарем была принята следующая многоступенчатая схема работы над рукописью.

Готовые части рукописи авторов («корпус 1») – естественно, в компьютерном варианте – поступали на просмотр к норвежским редакторам – русистам. Их замечания вносились в текст. В ряде случаев, когда в рукописи какой-либо буквы было слишком много «технической грязи», т.е. нарушений в оформлении (неправильные шрифтовые выделения, неверные сокращения и т.п.), рукопись «чистилась» (по-норвежски «мылась») техническим редактором.

Этот вариант («корпус 2») поступал к руководителю – ответственному редактору. Он читал рукопись в распечатке. Это было необходимо по следующим причинам. Во-первых, ошибки и неточности, как правило, лучше видны на бумаге, нежели на экране компьютера. Во-вторых, правка на компьютере происходит значительно медленнее, чем правка распечатки, и она заняла бы у ответственного редактора слишком много времени и сил. Рукопись с правкой редактора (весьма значительной) поступала к техническим сотрудницам (одна из них в России, другая в Норвегии), которые вносили правку в компьютер. Этот вариант назывался «корпус 3».

Далее русские эквиваленты в «корпусе 3» снабжались грамматическими индексами. Как упоминалось выше (§ 17), эта индексация разработана А.А. Зализняком и модифицирована профессором Ослоского университета X. Харальдссоном, который и вносил индексы. Этот упрощенный вариант зализняковской индексации назван нами в шутку «мини-Зализняком». Вариант рукописи с индексацией мы назвали «корпусом 4».

Строго говоря, в «корпус 3» до поступления его на индексацию должны были быть внесены (инкорпорированы) леммы из различных отдельных списков (собственных имен, политических терминов и др.). К сожалению, в силу некоторых обстоятельств это было осуществлено на более позднем этапе, что осложнило проставление индексов. Следует учесть этот отрицательный опыт.

Важным моментом является проверка отсылок. В БНРС, как сообщалось выше, использован ряд типов отсылок (Δ-отсылки, →-отсылки, ⇒-отсылки и др.). Эта трудоемкая работа необходима для того, чтобы избежать двух ошибок. Во-первых, отсылка может быть сделана к статье, где нужная информация по каким-то причинам отсутствует. Во-вторых, иногда может возникнуть так называемое зацикливание, т.е. отсылки типа A → B и B → A. (В норвежском издательстве Kunnskapsforlaget такую ошибку назвали «проблемой Йемена»: в рукописи одной энциклопедии было дано Yemen → Jemen и Jemen → Yemen).

Естественно, что в процессе работы над рукописью и у авторов, и у редактора возникает немало различных вопросов, решить которые сразу, на месте не удается. Настоятельно рекомендуем сразу же, безотлагательно, педантично записывать возникший вопрос в специальный список (файл): человеческая память несовершенна. Список таких вопросов по каждой букве (или ее части) целесообразно сдублировать и расклассифицировать по характеру вопросов, например, сгруппировать зоологические термины, ботанические, технические, слова/словосочетания с не вполне ясным значением, эквиваленты, не удовлетворяющие самого автора/редактора и т.п. С каждым из таких тематических списков удобнее работать в отдельности, к примеру обратиться за консультацией к зоологам или ботаникам и т.д.

Один практический совет. Порой случается, что требуемый эквивалент никак «не хочет всплывать», не приходит на ум, хотя мы уверены, что он существует. Иногда помогает следующее. Если эквивалент в течение нескольких минут поисков никак не «всплывает», можно занести его в список вопросов и идти дальше. Нередко (к сожалению, не всегда) бывает, что он позднее неожиданно «всплывает» сам.

Необходимо вести еще один список (впрочем, его можно включить в список вопросов) – список дополнений. В процессе работы наверняка обнаружится, что в уже подготовленных частях отсутствует то или иное слово, значение или словосочетание (например, совсем недавно появившееся). В этот же список можно вносить эквиваленты, которые пришли в голову уже после того, как работа над какой-либо буквой закончена.

Раньше, при ручном наборе, читались две (и даже три) корректуры словаря. При самом внимательном чтении первой корректуры во второй обнаруживалось немало моментов, требующих исправления. Теперь, при компьютерном наборе, корректура, к сожалению, часто не читается. Поэтому абсолютно необходимо второе редактирование, по сути дела вычитка корректуры. Руководитель, разумеется, читает всю рукопись. Желательно привлечь к этому трудоемкому процессу максимальное число участников проекта.

При работе над словарем внимание всех, естественно, направлено на корпус. Задача руководителя – позаботиться о том, чтобы своевременно был подготовлен «окружающий текст» (см. § 1), в том числе графические иллюстрации.

Следует особо подчеркнуть, что при работе с компьютером необходимо неукоснительно переносить текст на дискеты. Полная сводная копия рукописи (на дискетах) также должна храниться у руководителя (она ему абсолютно необходима при работе), а еще один сводный экземпляр у кого-либо из участников группы.

Наконец, последний вопрос – о сроках работы. Конечно, следует в самом начале работы наметить реальный срок ее завершения, и в норме этот срок должен быть соблюден. Однако, как показывает опыт, срок этот сплошь и рядом не выдерживается. Нередкой причиной этого бывает недооценка группой и руководителем сложности и трудоемкости работы. Далее, существенно и то, что издательства при заключении договоров неохотно идут на большие сроки. Правда, при нарушении срока представления рукописи словаря издательства часто идут навстречу и продлевают его. Однако заранее рассчитывать на это не стоит. Важно, чтобы такая пролонгация договора была юридически оформлена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге были рассмотрены важнейшие характеристики современного большого двуязычного словаря и было рассказано о работе по его созданию.

Подводя итоги, остановимся на практических моментах, с которыми необходимо считаться лексикографу. Некоторые из них уже освещались по ходу изложения, однако представляется целесообразным суммировать их.

Первый из них – это интересы пользователя. Словарь должен быть максимально удобен в работе.

Это означает прежде всего, что на поиски нужного слова или его значения пользователь должен тратить минимум времени, что достигается различными способами. Рассмотрим важнейшие из них.

Очевидно, что чем больше в словаре частей (разных алфавитных списков), тем больше тратится пользователем времени на поиск. Прежде всего поэтому представляется оправданным включать максимум лемм (например, разного рода собственные имена) в корпус словаря.

Далее, статьи, особенно большие, должны быть максимально обозримыми, чтобы пользователь мог с минимальной затратой времени ориентироваться в них. Например, статьи, посвященные многозначным предлогам, можно разбить на блоки, каждый блок давать с абзаца и указывать общее его значение полужирным шрифтом (см. § 18).

Надо стараться по возможности разгружать большие статьи: чем больше статья, тем труднее пользователю ориентироваться в ней.

Лексикограф должен четко представлять себе, как и где (т.е. в какой статье) пользователь будет искать нужное ему словосочетание. Надо всегда помнить, что основная масса пользователей словарем – лица без филологической подготовки. Поэтому не оправданны ни сложная структура словаря, ни использование специальных лингвистических терминов. Словарь должен быть и выполнен на высоком научном уровне, и прост в пользовании.

Поскольку подавляющее большинство больших двуязычных словарей предназначено одновременно для носителей как входного, так и выходного языка, лексикографу следует отчетливо представлять себе, какому пользователю адресована та или иная информация и на каком языке ее поэтому надо давать. К примеру, в русско-иноязычном словаре информация о грамматической и стилистической характеристике русских слов нужна иноязычному пользователю (русский пользователь и так ее знает), и она, следовательно, должна быть дана на иностранном (выходном) языке.

Наконец, лексикограф, составляющий двуязычный словарь, вынужден считаться с одним практическим моментом, приходящим в противоречие с желанием создать идеальный словарь. Этот момент – объем словаря. В редких случаях переводные словари издаются в двух и еще реже в трех и более томах. Многотомный переводной словарь и неудобен в пользовании, и дорог, с чем тоже приходится считаться. Авторы, желающие создать очень большой словарь, могут руководствоваться сколь угодно высокими соображениями, но издательства руководствуются в значительной мере – а многие исключительно – соображениями коммерческими. Скажем, португальско-русский словарь в пяти томах едва ли найдет достаточное количество покупателей, и потому довольно сомнительно, чтобы какое-либо издательство взялось выпустить его. Для основной массы языков максимальный объем двуязычного словаря пока может составлять 200–300 авторских листов.

Ограниченность объема словаря требует от лексикографа крайне рачительного отношения к месту в нем. Еще раз повторим лексикографический лозунг, неоднократно называвшийся в книге: максимум информации на минимуме места без ущерба для интересов пользователя.

Представляется оправданным заключить книгу несколькими соображениями о будущем двуязычной лексикографии.

Многие из недочетов, присущих словарям нашего времени, смогут быть преодолены, если будет снята проблема объема словаря, что может быть решено компьютеризацией словарной работы. Поэтому уместно задуматься над тем, каким в общих чертах может быть двуязычный словарь будущего.

1. Он сможет быть колоссальным по объему. Будет ли он на компакт-дисках или на каких-либо других носителях,

гадать не стоит, да это и не имеет принципиального значения. Можно упомянуть, что, например, в небольшой Норвегии еще в середине 90-х годов появились компакт-диски, на одном из которых умещается 25 переводных словарей, а на другом – однотомная энциклопедия, большой орфографический словарь (в Норвегии это совсем особый тип справочника, прежде всего грамматического), и еще три словаря – крылатых слов, иностранных слов и синонимов. Существенно, что на этих компакт-дисках возможен поиск не только лемм, но и слов в статьях. Особая программа позволяет лемматизировать текстовые формы слов.

2. Такой огромный словарь целесообразно структурировать концентрически. Имеется в виду следующее. Материал статьи будет во многих случаях состоять из нескольких блоков информации, начиная от блока минимальной информации, требующейся, скажем, начинающему пользователю, до блока максимальной информации, нужной специалистам. Иными словами, такой словарь будет допускать поступенчатое извлечение информации – в зависимости от потребности пользователя. Кстати, таким же образом может быть решена проблема разделения вынужденно бидирекцинальных словарей нашего времени на активные и пассивные.

3. В одной единице (компакт-диске или в том, что может прийти ему на смену) можно будет объединить ряд словарей (возможно, впрочем, что они будут сведены в один). При необходимости пользователь сможет выходить, скажем, из переводного словаря в толковый, в отраслевой, иллюстрированный, энциклопедический и т.д. Уже сейчас техника позволяет осуществлять быстрый поиск слова по множеству документов, через какое-то время это будет делаться легко и очень быстро.

4. Словари смогут быть звуковыми (фонетическими), так что пользователь всегда сможет при желании услышать, как звучит то или иное слово или словосочетание или вся статья.

5. Словарь будет давать полную грамматическую информацию о словах входного и выходного языков. Он сможет по запросу конструировать любую форму слова и, естественно, осуществлять лемматизацию иноязычного слова.

6. Хорошо известно, что словари пока не могут достаточно полно показывать сочетаемость слова. Словари будущего, можно надеяться, смогут преодолеть этот недостаток.

7. В словаре будет содержаться информация о системных связях слова: синонимические ряды с четким описанием смысловых, стилистических, оценочных, сочетаемостных и других параметров лексемы. Он даст возможность получить информацию об антонимах, семантических полях и пр.

8. В словари будет во всех нужных случаях включен графический иллюстративный материал (цветной).

9. В словари будет включен обширный материал по именам собственным. Кроме того, будут иметься программы (они, кстати, несложны) по транскрибированию новых или периферийных имен.

10. Будет организована постоянно работающая «служба обновления», оперативно и регулярно сообщающая пользователям все addenda & corrigenda. Особенно требует такого непрерывного «освежения» информация, связанная с культурой (в самом широком смысле) языкового коллектива, и научно-техническая терминология. Через сеть типа Интернет или того, что может прийти ей на смену, пользователи легко будут дополнять свои словари новой информацией.

Сохранятся ли в XXI в. «бумажные» словари? Это будет зависеть от того, сохранятся ли «бумажные» книги. Скорее всего, да. Но точно этого никто не знает.

Перед лексикографами будущего стоят сложнейшие задачи, и им предстоит колоссальная работа. Нет нужды говорить о том, насколько компьютеры уже эффективизировали словарную работу. Но компьютеры никогда не заменят думающего лексикографа. Напротив, роль лексикографов должна будет возрасти, но вместе с тем к ним будут предъявляться очень высокие требования. Для этого важно целенаправленно готовить такие кадры, чего пока, к сожалению, не делается. Об этом надо думать уже сейчас.

Наконец несколько слов о стандартизации словарей. Огромный практический опыт, накопленный человечеством в области лексикографии, еще ждет своего обобщения. Пока же многие удачные решения, найденные словарниками в одних странах или работающими с одними языками, остаются неизвестными лексикографам других стран или работающим с другими языками. Продолжается «изобретение новых велосипедов», порой значительно уступающих уже изобретенным и требуюших от пользователя освоения все новых систем подачи материала. Между тем выработка *эталонных* словарей позволила бы как эффективизировать словарную работу, так и облегчить пользователям работу с ними. Хочется надеяться, что со временем человечество начнет учить детей в школе пользованию словарями разных типов.

Есть основания с оптимизмом смотреть на будущее лексикографии – этого нужнейшего, древнейшего, не стареющего и всегда актуального вида лингвистической деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка. М., 1961.

Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: (Словник). Л., 1973.

Берков В.П. Норвежская лексикология. СПб, 1994.

Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. Таллинн, 1977.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Замечания о русско-польском словаре // Лексикографический сборник. Вып. 6. М., 1963. С. 139–147.

Василевич А.П. Субъективные оценки частот элементов текста (в связи с проблемами вероятностного прогнозирования речевого поведения): Автореф. канд. дис. М., 1968.

Гак В. Г. Грамматика и тип словаря // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 42–50.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.,1975.

Копецкий Л. Из заметок о теории двуязычной лексикографии // Slavica pragensia. IV. Praha, 1962. S. 515–524.

Малаховский Л.В. Размещение фразеологизмов в словаре: Теоретические соображения составителя и интересы читателя // Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984. С.157–164.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Учебник для вузов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1987.

Найда Е.А. Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 45–71.

Найда Ю.А. Наука перевода // Вопр. языкозн. 1970. № 4. С. 3–14.

Оглоблин А.К. Лексикографические заметки (по поводу «Индонезийско-русского словаря»): Рукопись.

Фельдман Н.И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях// Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957. С. 9–35.

Фельдман Н.И. О границах перевода в иноязычно-русских словарях// Лексикографический сборник. Вып. 2. М., 1957. С.81–109.

Филин Ф.П. Заметки по лексикологии и лексикографии: (Некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР)//Лексикографический сборник. Вып. 1. М., 1957. С. 36–57.

Шарафутдинова К.А. Раскрытие значений слова в двуязычном словаре. Ташкент, 1968.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

Щерба Л.В. Предисловие (к Русско-французскому словарю) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 304–312.

Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: [Извлечения из книги] // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 319–338.

Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

Якобсон Р.О. Да и *нет* в мимике // Язык и человек. М., 1970. С. 284–289.

Agricola E. Mikro-, Medio- und Makrostrukturen als Informationen im Wörterbuch // Die Lexikographie von heute und das Wörterbuch von morgen / Hrsg. von J. Schildt, D. Viehweger. Berlin, 1983. S. 1–24 (Linguistische Studien. Reihe A; Arbeitsberichte 109).

Al B.P.F. Principes d'organisation d'un dictionnaire bilingue // Lexique 2. P. 159–165.

Hartmann R.R.K. Contrastive text analysis and the search for translation equivalence in the bilingual dictionary// Symposium on Lexicography II / Ed. by K. Hyldgaard-Jensen & A. Zettersten. Tübingen, 1985. S. 121–132 (Lexicographica Series Major 5).

Hartmann R.R.K. Das zweisprachige Wörterbuch im Fremdsprachenerwerb//Germanistische Linguistik. 1982. 3–6/80. S. 73–86.

Hartmann R.R.K. Is lexicography making progress? // The Incorporated Linguist. 4. P. 42–45.
Hartmann R.R.K. The Learner's Dictionary: Traum Oder Wirklichkeit? // Symposium on Lexicography III / Ed. by K. Hyldgaard-Jensen & A. Zettersten. Tübingen, 1988. S. 215–235 (Lexicographica Series Major 19).
Hausmann F. J. Grundprobleme des zweisprachigen Wörterbuchs // Symposium on Lexicography III / Ed. by K. Hyldgaard-Jensen & A. Zettersten. Tübingen, 1988. S. 137–155 (Lexicographica Series Major 19).
Kromann H.-P. Paradigmatische und syntagmatische Relationen im zweisprachigen Wörterbuch // Die Lexikographie von heute und das Wörterbuch von morgen / Hrsg. v. J. Schildt, D. Viehweger. Berlin, 1983. S. 330–345 (Linguistische Studie. Reihe A: Arbeitsberichte 109).
Kromann H.-P. Die zweisprachige Lexikographie: ein Stiefkind der Germanisten // Akten des VII. Internationalen Germanisten-kongresses Göttingen 1985. Bd. 3: Wortschatz und Wörterbuch / Hrsg. v. H.E. Wiegand. Tübingen, 1986. S. 177–181.
Kromann H.-P., Riiber T., Rosbach, P. Active and Passive Bilingual Dictionaries. The Scerba Concept Reconsidered // LEXeter '83 Proceedings / Hrsg. v. R. Hartmann. Tübingen, 1984. S. 207–215.
Kromann H.-P., Riiber T., Rosbach, P. Überlegungen zu Grund-fragen der zweisprachigen Lexikographie//Studien zur neuhoch-deutschen Lexikographie, hrsg. von H.E. Wiegand. Hildesheim; Zürich; New York. S. 159–238 (Germanistische Linguistik 3–6/84).
Lexicography. Principles and Practice. Ed. R.R.K. Hartmann. London; New York, 1983 (Applied Language Studies 5).
Lötzsch R. Einige Fragen der Entwicklung der zweisprachigen Lexikographie an der AdW der DDR // Zeitschrift für Slavistik. 24. S. 402–408.
Manley J., Jacobsen J., Hjørnager Pedersen V. Telling lies efficiently: terminology and the microstructure in the bilingual dictionary // Symposium on Lexicography III /Ed. by K. Hyldgaard-Jensen & A. Zettersten. Tübingen, 1988. P. 281–302 (Lexicographica Series Major 19).
Marello C. Dizionari bilingui. Bologna, 1993.
Nida E.A. Linguistics and ethnology // Word. 1945. No. 1–3. P. 194–208.
Nilsson K. Polysemi, kontekst og fraseologi i tospråklige ordbøker// LexicoNordica. 1. Oslo, 1994. S. 187–201.
Nordisk leksikografisk ordbok. H. Bergenholtz e.a. Oslo, 1997.

Reichmann O. Zur Funktion, zu einigen Typen und zur Auswahl von Beispielbelegen im historischen Bedeutungswörterbuch // Symposium on Lexicography III / Ed. by K. Hyldgaard-Jensen & A. Zettersten. Tübingen, 1988. S. 413–444 (Lexicographica Series Major 19).
Schaeder B. Germanistische Lexikographie. Tübingen, 1987 (Lexicographica Series Major 19).
Svensén B. Handbok i lexikografi. Stockholm, 1987.
Walter H./Mokienko V. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt am Main, 2001.
Wolski W. (Hrsg.). Aspekte der sowjet-russischen Lexikographie: Übersetzungen, Abstracts, bibliographische Angaben. Tübingen, 1982.
Zgusta L. Manual of lexicography. Praha, 1971.

СЛОВАРИ

Абазинско-русский словарь/ Под. ред. В.Б. Тугова. М., 1967.
Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М., 1962.
Берков В.П. Русско-норвежский словарь. М., 1987; 2-е изд. Oslo, 1994.
Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. М., 1980.
Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Москва; Варшава, 1967.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 4-е изд. СПб., 1912–1914.
Датско-русский словарь / Под ред. А.С. Новаковича. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1975.
Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
Дополнение к Большому англо-русскому словарю / Под общ. рук. И.Р. Гальперина. М., 1980.
Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
Индонезийско-русский словарь / Сост. Р.Н. Коригодский, О.Н. Кондрашкин и А.С. Теселкин; Под ред. Сухадионо и А.С. Теселкина. М, 1961.
Исландско-русский словарь / Сост. В.П. Берков при участии А. Бёдварссона. М., 1962.
Испанско-русский словарь / Под ред. Б.П. Нарумова. М., 1988.

Итальянско-русский словарь / Сост. И.И. Гливенко. М., 1930.
Итальянско-русский словарь / Сост. Н.А. Скворцова, Б.Н. Майзель. М, 1963.
Кабардинско-русский словарь / Под общ. ред. Б.М. Карданова. М., 1957.
Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965.
Краткий сомали-русский и русско-сомали словарь / Сост. Д.И. Степанченко и Мохамед Хаджи Осман. М., 1969.
Маслова-Лашанская С.С. и др. Русско-шведский словарь / Под ред. К. Давидссон. М., 1976.
Миланова Д.Э. Шведско-русский словарь. 5-е изд., стереотип. М.,1985.
Немецко-русский словарь / Под ред. А.А. Лепинга и Н.П. Страховой. М., 1958.
Нидерландско-русский словарь / Под рук. С.А. Миронова. М., 1987.
Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. М, 1993–94.
Норвежско-русский военный словарь / Сост. С.С. Сергеев. М., 1963.
Норвежско-русский словарь / Сост. В.Д. Аракин. М., 1963.
Ожегов С.И, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.,1992.
Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983.
Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
Португальско-русский словарь / Сост. С.М. Старец, Е.Н. Ферштейн; Под ред. С. Брандао и А. Торреса. М., 1961.
Румынско-русский словарь / Под ред. Б.А. Андрианова и Д.Е. Михальчи. М, 1953.
Русско-английский словарь / Под общ. рук. А.И. Смирницкого. 15-е изд., стереотип; Под ред. О.С. Ахмановой. М., 1989.
Русско-голландский словарь / Сост. Ж.И. Пирот; Под ред. С.А. Миронова и А.С. Шильпа. М., 1961.
Русско-датский словарь / Сост. Н.И. Крымова и А.Я. Эмзина. 2-е изд. М., 1968.
Русско-монгольский словарь / Сост. А.Р. Дамба-Ринчинэ и Г.С. Мункин. М., 1960.
Русско-хауса словарь / Сост. В.В. Лаптухин. М., 1967.
Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989, 2001
Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957–1961.
Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1948–1964.
Суахили-русский словарь / Под ред. Д.А. Ольдерогге. М., 1961.
Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М, 1935–1940.
Удмуртско-русский словарь. М., 1948.
Українсько-російський словник / За ред. В.С. Ільїна. Київ, 1964.
Хауса-русский словарь / Под ред. Д.А. Ольдерогге. М., 1963.

Blöndal S. Islandsk-dansk ordbog. Reykjavík, 1920–1924.
Blöndal S. Islandsk-dansk ordbog /Supplement. Red. H. Halldórsson og J. Benediktsson. Reykjavík, 1963.
Bokmålsordboka / Red. M.I. Landrø og B. Wangensteen. 2. utg. Oslo, 1993.
Cappelens store engelsk-norsk ordbok / Red. B. Berulfsen, H. Svenkerud; Revidert og utvidet ved H. Svenkerud. 2. utg., 2. opplag. Oslo, 1988.
Christiansen H., Nielsen N. Å. Norsk-dansk ordbog med nynorsk-dansk ordliste. 3. udg. København, 1987.
Deutsch-Russisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Berlin, 1983–1984.
Fossestøl B., Sandvei M. Tanums store rettskrivningsord. Bokmål. 7. opplag. Oslo, 1989.
Gunnarsson F. Dönsk-íslenzk orðabók. Reykjavík, 1957.
Haraldsson H. Íslensk-rússnesk orðabók /Ritstjóri Valerij Berkov: Рукопись.
Heggstad K. Norsk frekvensordbok: De 10 000 vanligste ord fra de norske aviser. Bergen; Oslo; Tromsø, 1982.
Hustad T. Stor norsk-tysk ordbok. Oslo, 1979.
Langenscheidts Grosswörterbuch der englischen und deutschen Sprache. «Der Kleine Muret-Sanders»: Deutsch-Englisch / Von H. Messinger und der Langenscheidt-Redaktion. 4. Auflage. Berlin; München; Wien; Zürich; New York, 1988.
Lötzsch R. Jiddisches Wörterbuch. Leipzig, 1990.
Norsk-engelsk ordbok / Hovedredaktør E. Haugen. Oslo; Madison, 1965.
Norsk illustrert ordbok / Red. T. Guttu. Oslo, 1993.
Norsk riksmålsordbok. Bd. 1–4. Oslo, 1983.
Norsk-tysk ordbok / Revidert utgave ved B. Førsund og N. Balk. Oslo, 1951.
Nynorskordboka / Red. M. Hovdenak e.a. 2. utg. Oslo, 1993.
Nyord i norsk 1945–1975. Bergen; Oslo; Tromsø, 1982.

Paffen K. A. Deutsch-Russisches Satzlexikon. Bd. 1–3. München, 1966.

Ovist-Eriksen S. Svensk-norsk ordbok. Oslo, 1980.

Robert. Collins. Dictionnaire Français-anglais, Anglais-français. Nouvelle édition. Paris; London; Glasgow; Toronto, 1988.

Store norske ordbok: Moderat bokmål og riksmål / Red. T. Guttu. Oslo, 1991.

Stor norsk-russisk ordbok. Hovedredaktør Valerÿ Berkov. Oslo, 2003.

Svensk-isländsk ordbok / Huvudredaktör G. Holm. Lund; Reykjavík, 1982.

СОКРАЩЕНИЯ

(выходные данные словарей см. в списке литературы)

НРС-1963 – Норвежско-русский словарь, 1963

РНС – Берков В.П. Русско-норвежский словарь, 1987

РНС-1994 – Берков В.П. Русско-норвежский словарь. 2-е изд., 1994

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка, 1948–1964

ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка, 1992

NEO – Norsk-engelsk ordbok, 1965

SNRO – *Stor norsk-russisk* ordbok. Hovedredaktør Valerij Berkov. Oslo, 2003.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Заповеди составителю двуязычного словаря

1. **Помни о пользователе (читателе)** – что, где и как он ищет, какие пояснения (и на каком языке) ему нужны. Ты для него, а не он для тебя. Он тебе верит и надеется на тебя.

2. **Не усложняй без нужды** словарь, не переоценивай сообразительности пользователя: он, так же как и ты, не читает предисловий к словарям и правил пользования ими. Не будь высокомерен по отношению к нему.

3. **Не оглушай пользователя длинным рядом синонимов** (как он без твоей помощи определит, какой из них ему нужен?), но и не обкрадывай его, утаивая необходимые эквиваленты. **Будь расчетливо щедр!**

4. **Не пугай пользователя без нужды «ложной межъязыковой идиоматикой»**, т.е. переводами, где не используются предлагаемые тобою эквиваленты. При необходимости давай такие переводы с пометой *также*.

5. **Разгружай большие статьи!** Чем больше статья, тем труднее найти в ней то, что нужно.

В частности, помни о спасительном треугольнике (Δ).

6. **Примеры – твое оружие.** Каждый пример должен работать, поэтому в словаре не должно быть места «пустым» примерам.

Располагай их по принципу: от простого к сложному, от конкретного к абстрактному.

7. **Не забывай о семантизации** – кратком (!) определении значения многозначного слова (сразу за полужирной арабской цифрой).

8. Четко **разграничивай эквивалент и пояснения.** Всегда задавайся вопросом «Можно ли мой эквивалент вставить в текст на выходном языке словаря?».

9. **Будь до педантизма пунктуален в мелочах** (в употреблении шрифтов, соблюдении интервалов, в записи отсылок и пр.). Не надейся на свою память, скрупулезно записывай, не откладывая, все, что требуется. Тут не надо жалеть времени: педантизм обернется, в конечном счете, значительной экономией времени.

10. **Каждую серию однотипных статей** (например, предлоги, союзы, местоимения, собственные имена и т.д.) **должен делать один человек.** Если вас несколько, распределите их между собой, если ты один, то делай такие серии разом (например, все предлоги, все союзы и т.д.). Только так можно избежать разнобоя.

Коллега!

Перед тобой долгий, тернистый путь, не ведущий, увы, ни к громкой славе, ни к богатству. Пройди его достойно и терпеливо. Наградой тебе будет благодарность многих людей, но скажут тебе о своей признательности лишь единицы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О лексикографическом труде

Тем, кто посвятил или решил посвятить себя лексикографическому труду, полезно знать стихотворение голландца Иосифа Юстуса Ска́лигера (1540–1609), профессора Лейденского университета, выдающегося специалиста по классическим языкам. Стихотворение это написано Скалигером по-латыни и переведено на русский язык Феофаном Прокоповичем. Оно, приводится, в частности, в предисловии ко 2-му изданию «Русско-французского словаря» Л.В. Щербы (цитируется по: Щ е р б а Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 312):

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных;
Пусть лексикон делает – то одно довлеет,
Всех мук роды сей един труд в себе имеет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Перечень наиболее употребительных условных знаков, используемых в двуязычных словарях

Примечание. Суммарно в словарях, издаваемых в различных странах, используются сотни знаков. В приводимый ниже перечень включены знаки: а) наиболее употребительные, б) рекомендуемые в этой книге.

| (вертикальная сплошная черта) отделяет ту часть слова, которая в статье заменяется тильдой.

‖ (вертикальные параллельные линии, вертикальные «параллельки») отделяют в начале гнезда сложных или производных слов общий для всего гнезда первый компонент.

¦ (вертикальная пунктирная черта) разделяет части сложного слова.

~ (тильда) заменяет в статье заглавное слово или его часть, отделенную «параллельками» или вертикальной сплошной чертой.

() (круглые скобки) используются в следующих значениях: а) для обозначения факультативной части слова или словосочетания, набранной при этом прямым шрифтом; б) для обозначения семантизации или пояснения, набранных при этом курсивом.

[] (квадратные скобки) используются в словарях обычно для подачи транскрипции; в этой книге в них также дается перевод иноязычных словарных статей или их частей.

{} (фигурные скобки) используются в двух значениях: а) «или»; б) «или соответственно».

} (правая фигурная скобка) означает, что указанное за ней слово (большей частью предлог) или управление относится ко всем предшествующим ей эквивалентам.

<> (ломаные скобки) используются при подаче необходимых форм леммы.

↑ (вертикальная стрелка, обращенная вверх) используется в значении «информацию смотри выше в данной статье»; употребляется в сочетании с разного рода скобками – [↑], {↑}, (↑), что означает «транскрипцию см. выше» и т.д. (см. выше значения разного рода скобок).

→ (горизонтальная стрелка, обращенная вправо) означает «смотри»

⇒ (двойная горизонтальная стрелка, обращенная вправо) означает, что разного рода конструкции с данной леммой следует искать в статье, которая посвящена лемме, помещенной за этой стрелкой.

• (кружок) используется перед крылатыми словами.

◊ (большой ромб) отделяет фразеологизмы.

◊ (малый ромб) используется при отсылках к части, помещенной за большим ромбом.

Δ (треугольник) означает, что словосочетания с данной леммой следует искать в статьях, которые посвящены лемме, помещенной за этим треугольником.

= (знак равенства) используется в двух значениях: а) «то же, что»; б) «данная форма совпадает с формой леммы».

≅ (знак приблизительного равенства) обозначает приблизительное стилистическое или семантическое равенство.

I, II (светлые римские цифры) разделяют лексические омонимы.

I, II (полужирные римские цифры) разделяют грамматические омонимы.

①, ② (полужирные арабские цифры в кружке) разделяют: а) группы значений слова, объединяемые общим формальным признаком и/или семантической общностью; б) значения или группы значений предлогов, требующие одного падежа.

1. 2. (полужирные арабские цифры с точкой) разделяют значения слова.

1) ... 2) ... (светлые арабские цифры со скобкой) разделяют значения словосочетания.

NB (нотабене) – обрати внимание.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное издание

Берков Валерий Павлович

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Учебник

Редактор *Л.И. Кравцова*
Технический редактор *Э.С. Соболевская*
Корректор *Е.Б. Комарова*
Компьютерная верстка *Т. В. Коротковой*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха,
проспект Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва,
г. Кызыл, ул. Кочетова, 28

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область, г. Балашиха,
ш. Энтузиастов, 7/1

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Лексикография — это и наука, и искусство.

Как создать надежный и удобный словарь, в котором максимум информации займет минимум места?

Самое основное для двуязычного словаря — подобрать точные переводные эквиваленты.

Основное внимание в книге уделено практике разработки переводных словарей.

Эта книга рассчитана на читателя, не имеющего специальной лексикографической подготовки.

ISBN 5-17-024733-8

